

ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР

ПАДЕНИЕ КАМЕЛОТА

СОДЕРЖАНИЕ

Зачарованный мир

ПАДЕНИЕ КАМЕЛОТА

МОРАРРА — 91

VII

ТАВЕРНА — 112

«Терра»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ ~ 6

I
АРТУР ~ 9

II
МОРГАУЗА ~ 21

III
ГИНЕВРА ~ 37

IV
МОРГАНА ~ 57

V
ЛАНСЕЛОТ ~ 75

VI
МОРДРЕД ~ 91

VII
ГАВЕЙН ~ 119

«Терра»
Москва

ПРОЛОГ

Однажды от каменистых берегов Уэльса отплыли три корабля, три низких судна с квадратными парусами, которые надувал восточный ветер. Над палубами в боевом порядке торчали копья, которые держали в руках воины, а среди копий развевались воинские знамена, украшенные нарисованными львами, леопардами, волками и грифонами, которые словно плясали в лучах солнца. На первом корабле одно знамя голубого цвета, украшенное тринадцатью золотыми коронами, возвышалось над остальными. Это было знамя Артура, Верховного короля Британии. Короны обозначали его собственное королевство и двенадцать других мелких королевств, которые молодой король объединил под своей властью. Но сейчас Артур отправился на охоту за более ценной добычей. Опыренный быстро завоеванной славой, он стремился вторгнуться в Аннуфн, в Волшебную страну и похитить ее волшебный талисман. Его воины готовились к нападению.

Это было мощное воинство, сильное духом и хорошо вооруженное. Более того: на королевском корабле находился уэльский бард Тальесин. Барды часто сопровождали королей в боевых походах. Поэты напутствовали воинов, идущих на битву, а позднее в своих песнях воспевали их подвиги, сохраняя их таким образом для истории. Но Тальесин был не просто бард. Он был чародеем, способным превратиться в фонарь, в орла или струну арфы. В молодости он убивал драконов и сопровождал своим пением битвы, во время которых деревья сами выдерживали корни и тяжело шагали, чтобы принять участие в сражении. Присутствие старого барда было залогом безопасности, потому что даже народ Аннуфна почитал могущество Тальесина.

У Артура был еще один залог безопасности. Вместе с ним на корабле плыл самый сильный воин на свете. Тальесин называет его Льюк Леминаук, что по-уэльски означает «обреченный». Но Тальесин не объясняет, почему его так называли, и позже хроники не упоминают о нем.

Действительно, все, что барды написали об этом путешествии, окутано тайной, и, когда

слова их песен были записаны, казалось, что они то вспыхивали, то исчезали со страниц и то открывали, то утаивали свой смысл. Артур плыл по морю на запад, на край света, считавшегося страной чародеев. Королевский корабль пристал к одетому туманом острову, на котором высился замок — башня на башне, зал на зале, крепостная стена на крепостной стене из прозрачного стекла, мерцающего в полумраке и в ночной темноте.

В этот смутный час войны Артура прошли мимо стражи, которая их не окликнула, и обнаружили чудеса, за которыми они приплыли: источник с вином, который ключом бил прямо из под земли, и котел в оправе из бесценных жемчужин. Этот котел охраняли девять дев, потому что это был волшебный сосуд, произведение великанов, наделенное могуществом предыдущего мира. Его бока, украшенные голубой эмалью, излучали силу, благодаря которой добрый человек получал в дар способность петь и быть мужественным в бою. И в этом котле можно было варить мясо только для храбрых воинов, для трусов он не годился.

Артур и его воины украли котел, унесли и спрятали его в своей земле. Но они дорого заплатили за украденное сокровище. Самой дешевой расплатой была жизнь. Шесть тысяч воинов Аннуфна защищали стеклянную крепость и котел от нападения смертных. Хотя Тальесин и не дает описания этой битвы — кроме прославления доблести Льюка Льеминаука, — но он рассказывает о ее печальных результатах. Только горстка воинов вернулась назад в Британию. «Когда мы отправились с Артуром в его славное путешествие, с печальной памяти Артуром, — пел бард, — спаслись только семеро, никто из превосходных воинов не вернулся из этого места, из этого места на горе».

Более тяжелая расплата продолжалась всю жизнь. Возможно, поэтому Тальесин облек свои записи в таинственные фразы, а Артур никогда впоследствии не рассказывал об этом приключении и никому не показывал завоеванное сокровище. Вызвать древние силы иного мира было ужасным поступком, и было большим риском украсть реликвию старых магов оттуда, где она находилась по праву.

Вероятно, бард понимал эту опасность, потому что в своей обычной иносказательной манере он включил предостережение в описание этого приключения, но Артур его понял, когда было слишком поздно. Тальесин рассказал, что посреди великолепной стеклянной крепости Аннуфна стоит тюремная башня, и в этой башне сидит закованный в стальные цепи смертный рыцарь, чьи бесконечные причитания разносятся по всему острову. Этого рыцаря звали Гвейр. Очевидно, он оскорбил старых магов и этим обрек себя на вечное заключение, а свою страну — на вечный голод. И Тальесин сказал, что давно пропавшие без вести король Пвил и Прайдер находятся в Аннуфне. Отец и сын, они оба правили королевством Дайфед в Уэльсе еще до Артуровых времен, и их вторжение в Волшебную страну навлекло губительную силу чародеев на их владения.

Эти пленники Аннуфна жили во времена, когда мир смертных был более уязвим для колдовства, и принцы Волшебной страны безнаказанно разгуливали по земле. Артур был государем новой эпохи. Будучи воплощением силы и могущества смертных людей, он объединил королевства Британии под своей властью. Однако даже Артуру не позволено было безнаказанно наносить оскорбление тайному и более древнему миру, который не принадлежал смертным. Принцы Аннуфна отомстили ему за потерю своего сокровища. Глаза их были острыми, руки длинными, их оружие было разнообразно, терпение бесконечно. Они послали своих слуг в мир соперничающих между собой смертных. И эти слуги тайным образом так опутали Артура призрачными нитями, что блестящая честь короля Британии была втоптана в грязь, а его государство погибло.

АРТУР

Воистину неприступной была крепость Тинтагиль, принадлежавшая герцогам Корнуэльским, маячившая на сланцевом отвесном утесе высоко над морем, на самом мысу. Ни одно войско не могло взять ее штурмом. И все же в зимнюю ночь, отделявшую новый год от старого, некое хрупкое создание, очень маленького роста, выкрало сокровище замка и спрятало его у себя.

Это была славная кража. Глубокой ночью похититель перемахнул через узкий перешеек, который соединял Тинтагиль с корнуэльским берегом. Облаченный в свой черный плащ, он был тенью среди теней, облаком, плывущим по небу. Стража расхаживала по зубчатой стене замка, но она не могла уловить его приближения, как не слышала звука его легких шагов по скользким от дождя камням. Затем незванный гость исчез в сводчатом переходе, ведущем к потайным воротам, которые были обращены на запад.

Он неподвижно стоял и ждал в первые часы пополуночи. Через некоторое время дождь прекратился, и холодный ночной ветер утих. Над башнями замка появились вызванные им созвездия — Корона, Дракон, Стрелец и Охотник с его собаками, сестры Плеяды. Они двигались в величавом танце, затем растаяли с появлением рассвета. Внезапно дверь в стене распахнулась; в дверях стояла молодая женщина, державшая в руках спеленутого младенца. Без единого слова она отдала ребенка ожидавшему, без единого слова он спрятал его в черных складках своего плаща. Затем он вернулся на утес и быстро исчез в утреннем свете.

Вот так маленький Артур, наследник Британии, был спрятан под волшебным щитом чародейства, и никто не мог его увидеть целых пятнадцать лет. Человеком, забравшим его из замка, где лежала его мать, был чародей Мерлин. Мерлин — вот кто спрятал его.

Мерлин, это загадочное создание, сын земной женщины и существа из другого мира, предсказатель и маг, способствовал рождению Артура. Отцом мальчика был Утер Пендрагон — Утер Глава Воинов в Уэльсе. Он правил беспокойной Британией, которую изнутри раздирали распри между слабо объединенными мелкими королевствами, а извне, со стороны европейского континента, ей угрожали алчные и дикие саксонские орды. Утер питал страсть к жене одного из своих герцогов — Игрейне, герцогине Горлуа из

Стоявшая на мысу крепость Тинтагиль была местом рождения Артура, короля Британии. Здесь, не опасаясь ничего нападения, скрылся герцог Корнуэльский.

Корнуэла. Горлуа заключил ее в крепость Тинтагиль, где Утер не мог до нее добраться. Потерявший рассудок Утер прибегнул к колдовству. Он вызвал Мерлина.

И Мерлин дал Утеру то, что Утер пожелал. Он дождался, пока Горлуа уехал из Тинтагиля, чтобы защитить свои владения на востоке. Тогда с помощью колдовства старик придал Утеру черты корнуэльского герцога, и в этом образе король однажды проник в Тинтагиль и осуществил свое желание.

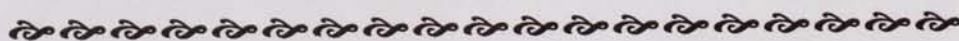
Мерлин потребовал платы за свое пособничество. Платой должен был стать любой ребенок, родившийся от этого ночного союза. Утер пожал плечами и согласился; и он должен был сдержать слово, хотя и назвал Игрейну своей королевой после того, как Горлуа погиб в битве, сделав таким образом ребен-

ка, которого носила Игрейна, своим законным наследником.

Итак, еще до того, как Артур начал свою жизнь, на него обратились взгляды иного мира. Страсть Утера была силой, которая разрывает ткань человеческой чести и опрокидывает порядок вещей, заведенный человеком. Эта страсть пробила брешь, через которую старцы смогли войти в мир смертных. И сам Мерлин, помогавший королю и охранявший его дитя, плод королевской страсти, был наполовину из этого волшебного мира, живой нитью, которая связывала этот мир с магией прежних дней.

Зачем Чародею нужен был этот ребенок, хроники не сообщают. Возможно, летописцы и сами этого не знали, так как Мерлин держал свои секреты при себе. Некоторые думают, что он спрятал Артура ради его безопасности, пока британцы дрались между собой; другие говорят, что старая кровь, текущая в его жилах, сделала для него желанной возможность стать создателем короля в мире смертных.

В любом случае, он создал короля, хотя никто об этом не знал, пока не пришло время. Мальчик Артур исчез в горных твердых Уэльса, порученный, как говорили, заботам некоего лорда по имени Эктор. Мерлин время от времени появлялся при дворе Утера, наблюдая за королем и Игрейной и охраняя порядок престолонаследования. Он видел, как три дочери Игрейны, рожденные ею от Горлуа, — ясновидицы, похожие на колдуний, сведущие, как шептались люди, в чародействе, — мирно повыходили замуж за младших принцев и удалились от двора. Моргауза, старшая дочь, стала королевой,

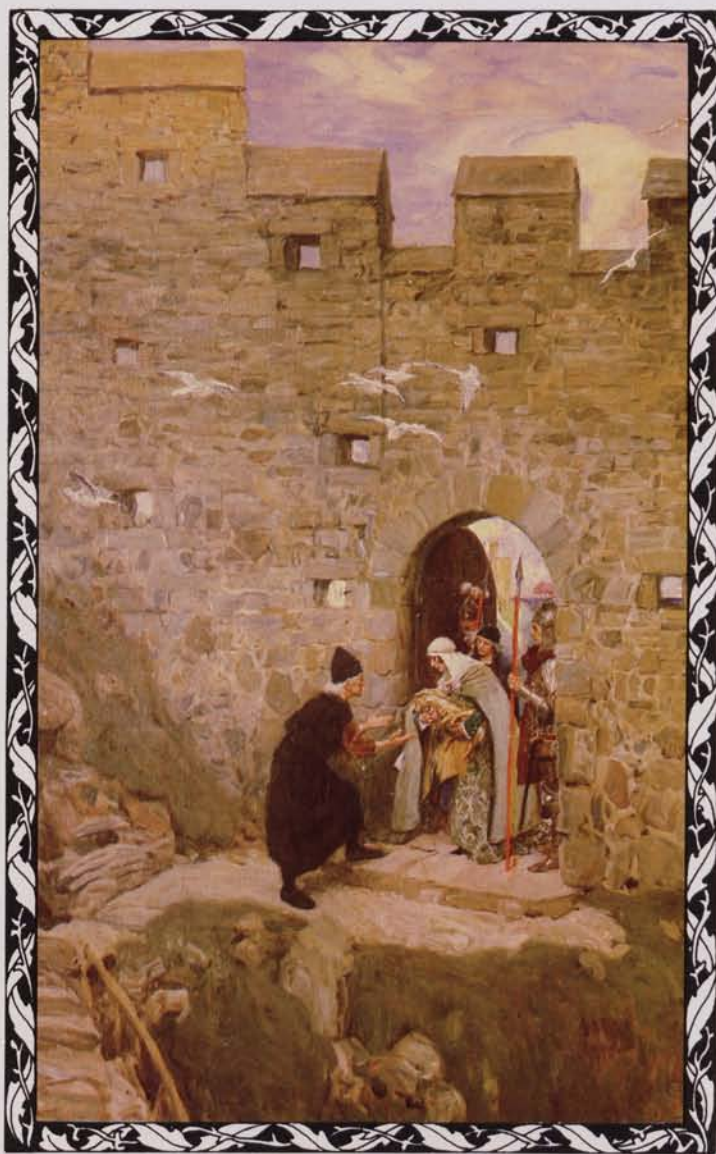
женой Лота Лотианского и Оркнейского, грубого и вспыльчивого лорда, который обладал почти неограниченной властью на севере страны. Элейна вышла замуж за короля Нантреса из Гарлота и исчезла со страниц истории. Младшая дочь Моргана стала женой Уриены из Горры. Это были все дети Игрейны: кроме Артура, других детей она Утеру не родила.

Поэтому, когда Мерлин узнал, что Утер умирает — после последней битвы короля с захватчиками, пришедшими с севера, когда он вел в бой войска, сидя на носилках, будучи слишком слабым, чтобы сесть на коня, — он пошел к королю и потребовал, чтобы тот дал обещание, что Артур, единственный сын Утера, будет провозглашен королем Британии. И, как говорят хроники, король дал свое согласие. Это произошло через два года после рождения Артура.

Прошло еще тринадцать лет, прежде чем Мерлин попытался посадить Артура на трон — тринадцать долгих лет, в течение которых принцы в Британии дрались между собой, а народ страдал; тринадцать лет, в течение которых ребенок, который не знал о том, что он король, вырос и стал юношей. Артур в это время много и терпеливо учился, и, когда он, наконец, появился перед людьми, он был воистину достоин звания короля, он был подлинным принцем и цветом рыцарства.

О его существовании мир узнал во время святок. За недели и месяцы до этого события посланцы Мерлина объехали всю Британию, созывая принцев королевства в Лондон для участия в совете по поводу коронования короля, который бы снова объединил их, как это было

Колдовство старых магов проникло сквозь стены Тинтагиля. Чародей Мерлин унес маленького Артура и спрятал его.

Древний меч, воткнутый в священный камень, доказал, что Артур был Верховным королем Британии.
Многие пытались вытащить меч из камня, но это удалось только ему одному.

при Утере. Почти весь декабрь отряды всадников носились по грязным проселочным дорогам и разбитым большакам, ведущим к городу. За стенами города, на высоких вересковых пустошах и промерзлых стернях зимних полей вырос огромный лагерь, скопление ярких шатров и позолоченных штандартов, и над всем этим нависал легкий туман от дыма костров, на которых готовилась еда.

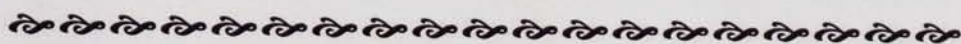
А внутри лондонских стен, где Мерлин в своем темном одеянии ученого шагал по узким улочкам, колдовство начало свою работу. В самом центре города, неподалеку от квадратной башни, старинной лондонской крепости, стояла часовня. Часовня была маленькая, выстроенная для того, чтобы охранять некую старую святыню; к ней примыкала крытая аркада и двор, поросший травой, служившие напоминанием о том, что часовня когда-то принадлежала монастырю. Во дворе появился огромный камень с воткнутом в него мечом. На камне светящимися буквами было написано: *«Кто вытащит этот меч из камня, тот и есть законный король всей Англии»*.

Все короли — Лот, Уриен из Горры, Бан из Бенвика во Франции, Идрис из Корнуэла и многие другие — пришли посмотреть на меч. Важность этого меча была им понятна, так как они вели свое происхождение от воинственных племен, носивших мечи, и от лордов, чьи эмблемами были священные камни. Например, местом коронации ирландских королей был Лиа Фейл — Камень Судьбы. Он издавал пронзительный звук, когда его касалась нога законного короля. Поэтому все короли Британии пытались вытащить меч из камня: кто знает, чья кровь сумеет одолеть волшебство? Но камень не отдавал им своего сокровища.

Мерлин молча взирал на эти старания. Но в первый день Рождества, когда короли собрались в большом зале крепости, он призвал их всех к молчанию. Своим холодным, сухим голосом Мерлин произнес: «Того, кто сумеет вытащить меч, здесь еще нет». Затем он оставил их, чтобы они могли подумать, оформить и разорвать свои союзы, составить новые заговоры.

Итак, Рождество проходило в ссорах между кланами, стремившимися к власти. Наступил Новый год с его ярким солнечным светом и ледяным ветром, который пронёсся по кривым улочкам Лондона, заставляя дребезжать ставни домов и раскрашенные вывески лавочек.

Под одной из этих вывесок — на ней была нарисована ветка плюща, обозначающая винную лавку, — новогодним утром стояли три человека. Двое из них были небольшого роста, плотные и темноволосые уэльсцы. Они оба носили кольчуги, оба держали свои шлемы под мышкой и говорили с певучим западным акцентом. Третий был высок ростом и широк в плечах, с золотисто-рыжими волосами, которые взъерошил ветер. Он был таким сильным, таким легким в движениях, что казалось, он ловил и удерживал солнечный свет. И хотя он носил всего лишь тунику и плащ оруженосца, он притягивал взгляды прохожих. Прислонясь к стене винной лавки, не обращая внимания на восхищенное перешептывание домохозяек, он слушал своих товарищей. Этим золотоволосым человеком был Артур, изящный и прекрасный маленький лорд, еще недостаточно взрослый, чтобы быть рыцарем. Двумя другими были Кэй, которого Артур счи-

тал своим старшим братом, и Эктор, которого он считал своим отцом. Все они только что прибыли из уэльских владений Эктора.

Кэй, всегда нетерпеливый, пребывал в скверном расположении духа. Он оставил свой меч в лагере за пределами городских стен. Резкие упреки Эктора по поводу его небрежности приводили молодого человека в негодование. Не желая, да и не имея возможности ссориться с отцом, он обернулся к Артуру и приказал ему сходить за мечом.

Артур, устав от разговоров и радуясь возможности перейти к действию, ответил Кэю веселым салютом и зашагал по улице между покосившимися бревенчатыми домами, прокладывая себе путь среди замерзших пудингов, свиней, роющихся в отбросах, торговки рыбой с тяжелыми корзинами, пекарей с грудями огромных круглых хлебов.

В конце улицы его дернул за рукав какой-то пожилой человек. На мгновение золотистая голова склонилась с вежливым вниманием. Затем, шагая бок о бок со стариком, Артур повернул за угол и исчез из виду.

Когда часом позже он вернулся, выражение его лица было замкнуто и серьезно, но глаза сияли. В руках он держал обнаженный меч. Увидев, что брат ожидает его в одиночестве, он удивленно поднял брови. Кэй жестом указал на винную лавку, куда вошел Эктор. Затем он протянул руку к мечу. Артур осторожно передал ему клинок, сказав при этом: «Это мой меч, брат».

Кэй повернул меч, разглядывая филигранный узор, украшавший рукоятку, агаты и сердолики, блестевшие в золоте. Он сказал: «Это не наш меч. Чей он?»

«В церковном дворе рядом с крепостью стоит камень, — сказал Артур. — Этот меч был воткнут в камень. Я потянул за меч, как мне было сказано, и он пришел ко мне в руки».

Кэй сузившимися глазами уставился на него. «Я старше», — сказал он. Затем он позвал отца, лицо которого показалось в окне винной лавки.

«Сэр, — сказал Кэй, — вот меч священного камня, о котором мы слышали. Я нашел его, он принесет мне корону». Артур сделал было резкое движение, но быстро овладел собой. Лицо Эктора в окне пропало. Через мгновение Эктор присоединился к ним.

Старик бесстрастно посмотрел на своих сыновей, один из которых побелел от ярости, а другой стоял с вызывающим видом, дрожа так, что драгоценные камни на мече засверкали. «Пойдемте туда, где стоит камень», — сказал Эктор.

Так они и сделали, и когда они стояли в тихом дворе рядом с замком около камня, Эктор обратился к Кэю. «Сын, — сказал он, — теперь поклянись своей честью, что ты сам нашел меч, который держишь в руках, и вытащи его из камня».

Казалось, сами стены, окружающие двор, слушали. Наконец Кэй покачал головой. «Я солгал, — сказал он. — Мой брат Артур нашел камень и вытащил из него меч». И он отдал меч Артуру.

Тогда посмотрим», — сказал Эктор. Повинуясь этому жесту, Артур снова воткнул меч в огромный камень. Эктор попробовал вытащить его, он говорил, что рукоятка запылала в его руке, но меч не сдвинулся с места. Кэй также попытался вытащить меч, но оружие прочно сидело в своем плену. Наконец Артур положил свою руку на золотую рукоятку. Письмена на камне вспыхнули ярким светом, и с металлическим скрежетом меч выскользнул из камня.

Эктор медленно опустился на колени. Он положил свои руки на руки Артура, держащие меч, и начал произносить торжественные слова клятвы верности вассала. Кэй опустился на колени вслед за ним.

«Отец, — сказал Артур, когда Эктор замолчал, — не становитесь на колени».

«Нет, господин, я не твой отец, я только воспитал и обучил тебя. Я хорошо знал, что твоя кровь благородней моей».

«Это правда», — произнес человек, чье лицо белело в тени крытой аркады. Мерлин выступил вперед.

«Ты — тот человек, который принес мне мальчика», — сказал Эктор.

«Ты — тот человек, который привел меня к камню», — сказал Артур.

«Да, это я, — ответил чародей. — Я тот, кто привел тебя к трону, сын Утера Пен-драгона, Верховный король Британии».

Артур поднял голову, его рука сжала рукоятку меча, он словно облачился в мантию власти, и его голос был ясно слышен, когда он потребовал себе корону.

Это требование не везде было встречено с удовольствием, ведь британские лорды вовсе не желали, чтобы ими правил какой-то незнакомец. Но чародей дал им слово, что Артур был законным королем, и, что еще важнее, они видели меч и самого Артура. В его жилах текла королевская кровь, его воспитывали и обучали для того, чтобы он занял высокое положение. Поэтому через год он был коронован, и принцы преклонили перед ним колени. Те, кто и раньше любил его отца Утера, — Бодуин из Британии, Ульфин, Брастисас, Леодегран из Камелорда, Пелинор с Островов — пришли к нему добровольно и привели свои войска. Однако намного больше было тайных врагов, ожидавших случая захватить трон. Главным среди них был Лот, засевший на севере, на своих обдуваемых всеми ветрами островах.

В первый же год после коронации, когда Артур собрал свой двор в крепости Кэрлеон в Уэльсе, Лот прискакал туда со своими союзниками: Уриеном из Горры, Нантросом из Гарлота, королем Шотландии, королем Карадоса. Когда посланец Артура приветствовал их, они, как сообщают хроники, в ответ заявили, что «для них всех великий позор видеть, как мальчишка управляет таким благородным королевством».

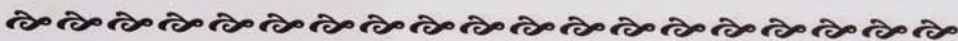
Первый ответ пришел от Мерлина. Однажды ночью, сначала в виде тени, а потом в человеческом образе, он вышел из костра, у которого собрались мятежные короли. Он окинул их своим ледяным взглядом — взглядом создателя короля, который служит сотворенному им королю.

«Вы бы лучше оставили эти глупости, лорды. Вам не удастся добиться своего, будь вас хоть в десять раз больше».

Уриен, внезапно испугавшись, сотворил знамение, отвращающее дьявола. Лот сплюнул Мерлину под ноги. «Нам что, советуют слушать толкователя снов?» — сказал он и засмеялся.

Но чародей снова растаял в пламени.

На следующее утро Артур обрушился на их лагерь со своей конницей. Золотые короны блистали на его щите, и ужасный меч сверкал в его руках — не тот обрядовый меч, который сделал его королем, а меч, созданный эльфами, меч Калибурн, который

Мерлин, в жилах которого текла огненная кровь, был непостижимой тайной, охранявшей короля.

был добыт с помощью волшебства Мерлина из озера. Ни один враг не мог устоять против него. Более того, даже ножны были волшебными. Прикосновение его ножен, шептались между собой воины, могло нанести серьезнейшую рану. Это оружие не для смертных, говорили они.

В битве, которая за этим последовала, король всегда был впереди, и его огромный меч разил и разил. Пехота Лота была растоптана, мятежные короли и их рыцари пытались держать строй, но были смяты неистовой яростью Верховного короля.

Артур преследовал их, но много позже. Он выжидал месяцы, обдумывая донесения, которые приходили из Шотландии, донесения об одиннадцати армиях, собравшихся под командованием Лота, врага, который носился по всей Англии, собирая силы, чтобы уничтожить Верховного короля.

Однако, прежде чем Лот приступил к военным действиям, Артур сам выступил в поход. Его войска двинулись по дороге на север — рыцари и оруженосцы, пешие солдаты, навьюченные мулы, повозки с продовольствием, врачи и бездомные женщины. Они шли через густые леса, и вдоль всего пути по обочинам дороги качались и шелестели деревья, их шум казался слабым эхом хлопанья и звяканья доспехов, скрипа колес, стука луков, глухого топота ног. Но это было не эхо.

Мерлин заключил союз с Баном из Бенвика и Борсом из Галии; он набросил плащ-невидимку на войско французского короля и сам вел его на север, через леса; он вел это призрачное войско, прикрывающее с флангов войско Верховного короля. Невидимая армия и решила исход битвы в пользу Артура. Честь не позволила Бану и Борсу прикрываться плащом-невидимкой; однако они могли оставаться в засаде, чтобы войско Лота зашло далеко вперед, обманувшись мнимой малочисленностью сил Артура.

И вот что произошло. Войска встретились на поле, на опушке леса Бедегрейн, рядом с рекой, по которой проходила шотландская граница. Там Артур и его рыцари ожидали врага, неподвижные, словно камни, на своих могучих конях, держа копья на бедрах. Лот и его одиннадцать королей с криком бросились в атаку. А потом холодная рука смерти так буйно стала косить людей и животных, что, согласно хроникам, лошади были по щиколотку в крови, а девиз на щите Артура нельзя было разглядеть из-за запекшейся крови, которой щит был забрызган. В самый тяжелый момент битвы Бан и Борс со своими товарищами выскочили из-за деревьев. Лот и его воины замерли при виде этого войска, которое вели за собой два короля, считавшиеся самыми лучшими воинами на свете. И мужество тогда их покинуло. Спотыкаясь о поверженные тела,

ступая по лужам крови, они бежали с поля битвы. Артур теснил их, его герольды скакали рядом с ним, а Бан и Борс — сзади.

Но неожиданно все лошади захромали и остановились, покрытые потом. Ни одна шпора не могла заставить их сдвинуться с места. На поле стоял Мерлин. «Довольно убийств, — сказал чародей. — Вы убили три четверти их воинов. Сейчас вы не будете их преследовать, вы сможете сделать это в другой раз. И враги ваши — не на северных берегах. Лот должен будет укрепить свои тылы, прежде чем начнет угрожать английским королевствам».

Мерлин ничего больше не сказал, но все, кто слушал его, поняли, что он прав. Верховный король вернулся вместе с войсками в свои владения. Его короли разошлись по своим пределам, все, кроме Борса и Бана, его заморских союзников. Три короля отправились в крепость Артура, которую называли, как и лес, окружавший ее, Бедегрейн. Там их приветствовали посланцы союзника Артура Леодеграна из Камелерда в юго-западной Англии, что рядом с Корнуэлом.

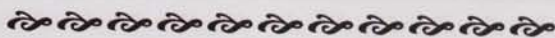
Мерлин стоял около Верховного короля, когда герольды торопливо рассказывали о врагах Леодеграна, пытавшихся погубить его королевство. Чародей пристально смотрел на них, потом нахмурил брови.

«Господин, — сказал Мерлин, видевший всю линию жизни Артура, — не ходи к Леодеграну».

«Чародей, не пытайся удерживать меня. Леодегран был вассалом моего отца, и, кроме того, он мой союзник», — ответил король. И он покинул зал.

Итак, осенью Верховный король отправился на юг, через луга, залитые водой, и болота, в землю, называемую Летней Страной, где люди жили в деревнях, стоящих на маленьких коварных озерах, а для лошадей делали кожаные лодки. Они жили обособленно, они были людьми из прежних веков, их металлом была бронза, а не железо, и они поклонялись старинным божествам, чуждым Артуру и его воинам. Артур прошел мимо высокого холма, правителем которого был Мелвас — принц, известный тем, что водил дружбу со старыми магами. Холм был покрыт деревьями с темно-красными плодами, но ни один смертный не смел прикоснуться к этим плодам. Солдаты говорили, что они заколдованные.

Войско Артура спустилось к морю, потом по берегу подошло к крепости Леодеграна, окруженной врагами. Артур дрался, как лев, и выиграл битву. Хроники говорят, что в битве погибло де-

Из высокого окна выглянула Гинебра, дочь Леодеграна из Камелерда, принцесса, воистину достойная стать королевой. Артур увидел ее там, и образ ее отчетливо и надолго запечатлелся в его памяти.

сять тысяч человек, но это кажется сомнительным. Мир был еще малонаселен, и в военных действиях принимали участие сотни людей, но не тысячи.

Все же не победа в битве была главным трофеем Камелерда. После битвы, когда Верховный король пировал в замке своего вассала, колесо его судьбы повернулось. Зал, в котором пировал король, был увешан превосходными гобеленами и уставлен длинными столами. Стол самого лорда был широким и круглым, не похожим на столы других королей. Сосуды, украшавшие стол, были сделаны из стекла и золота, в них отражались огни факелов и пламя камина.

Кроме того, и девушка, наливавшая вино Верховному королю, тоже отражала свет. Она была высокой, ее волосы были распущены по плечам и ничем не украшены, кроме княжеского обруча, и были они цвета осенних листьев, которые ласкает золотое солнце. Глаза ее были опущены, как и подобало девице, а ее ресницы отбрасывали тень на щеки. Платье на ней было белое, руки, в которых она держала рог с вином, тонкие и нежные, и от нее пахло цветами.

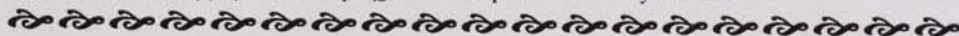
Артур не был новичком в любви. Он был Верховным королем, доблестным воином, которому не было равных в ратном деле, и женщины восхищались им. У него уже был сын от дочери одного рыцаря, которую звали Лионор и которая как-то привлекла его внимание. Но эта девушка явно не была дочерью простого рыцаря и, далекая от того, чтобы вызывать восхищение, она смотрела на короля и ничего не говорила. Он был очарован.

Леодегран, сидевший по правую руку от короля, поймал его взгляд и сказал: «Это моя дочь, господин».

«Благородная девушка», — ответил король. Он обернулся, чтобы заговорить с ней, но девушка уже ушла.

«Ее зовут Гиневра», — сказал Леодегран, а потом перевел разговор на другую тему.

Артур больше не видел дочери Леодеграна вплоть до дня своего отъезда из замка. Когда он садился на коня, то заметил какое-то движение. С быстротой воина он повернулся в седле. В окне низкой каменной башни стояла девушка и печально смотрела на него. Он поднял руку в знак прощального приветствия и ускакал.

МОРГАУЗА

С зубчатой стены Кэрлеона, возвышающейся на вершинах скалы над рекой Аск, было видно все, что происходило во владениях Артура. Вдоль долины, протянувшейся от морского берега Уэльса прямо к его сердцу, шла проселочная дорога, и по ней королевские воины, разодетые в яркие шелка и сияющие золотом, ехали платить дань Верховному королю. Туда и обратно скакали герольды Артура по его поручениям. По долине сновал и простой люд: пастухи, которые гнали свои стада в горы, бродячие монахи в бурых рясах, купцы, направлявшиеся на ярмарку и безопасности ради составлявшие длинные караваны из тяжело нагруженных повозок. Часовые называли этих повседневных путешественников *pieds poudreux* — пыльные ноги — и удостаивали их разве что ленивого взгляда, так как они не представляли никакой угрозы для мира в государстве Верховного короля. Но мир этот был более уязвим, чем им казалось, и гибель ему несла эта дорога. Одним ясным августовским днем на дороге появилась женщина, которая служила силам, определявшим судьбу Артура.

Ее отряд был небольшим. Перед ней шли два герольда: один держал знамя, украшенное гербом в виде двуглавого орла, другой нес белый флаг перемирия. Сама женщина ехала верхом на гнедом коне; она была величавой и стройной, ее темные волосы украшал королевский венец. За ней, в окружении немногочисленной охраны, сопровождаемые вереницей навьюченных мулов, ехали четыре оруженосца. Все они были молоды, а один из них столь юн, что ехал на мохнатом пони.

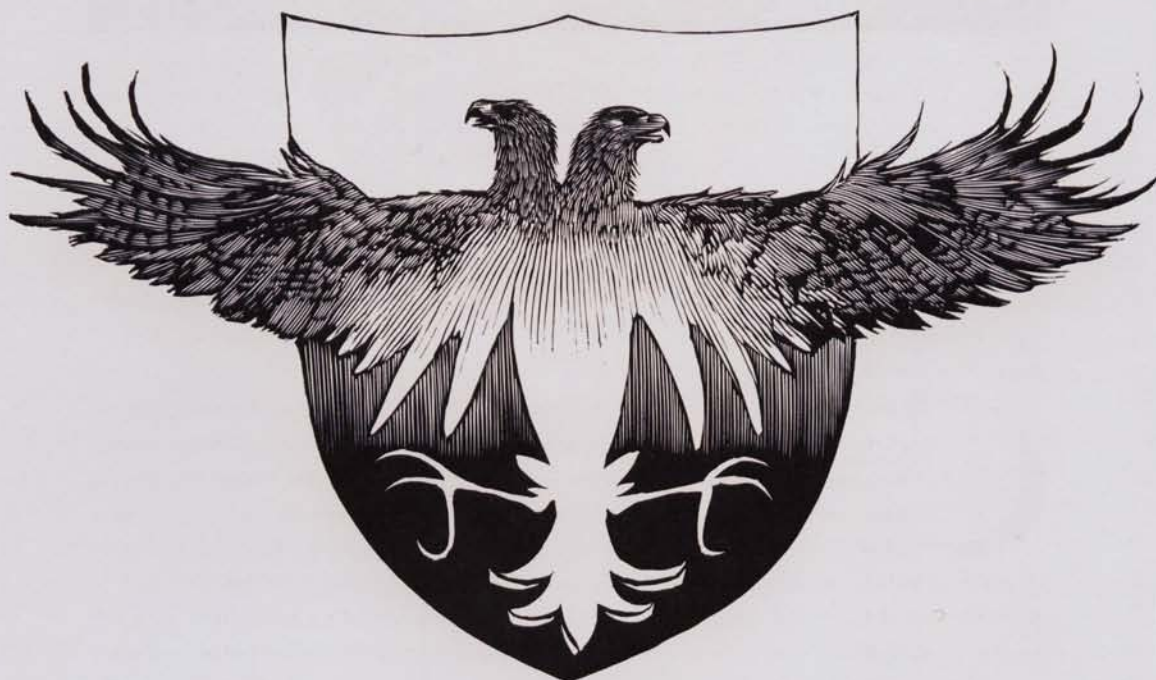
Корона и знамя поведали их историю. Женщина была королевой Лотиана и Оркнея, белый флаг означал, что либо она, либо ее муж ищут у Артура защиты и покровительства. Часовые на стенах Кэрлеона позвали своих офицеров, и к тому времени, когда маленький отряд поднялся по склону к замку, ворота его были открыты, приглашая войти. Новоприбывших ожидал Кэй, приемный брат Верховного короля: на его печати были вычеканены ключи, указывающие на должность сенешаля.

Немного не доехав до ворот, королева натянула поводья. Ее герольды выехали вперед, остановились перед Кэем, и знаменосец сказал: «Моргауза Лотианская и Оркнейская приветствует Верховного короля и просит у него аудиенции. Она везет послание от Лота, своего супруга».

«Верховный король сидит в своем зале, — ответил Кэй. — Она может посетить его там». Моргауза, услышав такую грубую речь, удивленно подняла брови, но ничего не

Символ гордости и бдительности, двуглавый орел служил эмблемой Лота Лотинского и Оркнейского.

сказала. Сделав знак своим спутникам, она пустила своего коня величавым шагом, и маленький отряд вступил в Кэрлеон. Они проследовали за Кэем через двор замка, поросший травой, где находилось длинное турнирное поле, на котором столбы с мишенями для удара копьем праздно стояли в полуденной жаре, проехали мимо стрельбища для лучников, мимо помещений, где располагались воины, мимо складов с оружием, мимо псарен и конюшен,строенных в крепостную стену. Все пространство было занято людьми и животными. Служанки в белых платках сплетничали у колодца на глазах у бездельничающих солдат; покрытый потом кузнец стоял в дверях своей кузницы, освещенный пламенем. Мимо прошел псарь с двумя гончими, оруженосцы держали лошадей наготове для своих хозяев. Они смотрели на Моргаузу без всякого интереса. Они привыкли к просителям.

У дверей королевского зала Кэй остановился и произнес: «Никому из чужеземной охраны сюда входить нельзя. Ты пройдешь к королю одна, миледи». В его речи ясно было слышно заикание.

Моргауза взглянула на него миндалевидными зелеными глазами. Она покачала головой: «Я оставлю здесь свою охрану и герольдов, хотя моя честь требует их присутствия. Но мои сыновья пойдут со мной». Она протянула руку, и Кэй, после минутного колебания, помог ей спешиться. Стоя рядом с ним, она прибавила шепотом: «Сын Эктора, поговаривают, что ты начал заикаться от зависти, когда Верховный король занял твое место у груди твоей матери». И, прежде чем сенешаль смог ей ответить, Моргауза проскользнула мимо него в зал Артура в сопровождении своих сыновей.

В этой холодной и величественной комнате, где темноту разгоняли лишь тонкие солнечные лучи, королева опустилась на колени перед тронном Верховного короля, полная надменности, замаскированной кротостью. Она просила прощения за своего мятежного супруга, она предлагала принять от него присягу вассала. Она просила Артура взять ее сыновей под свое покровительство и воспитать их как рыцарей при своем дворе. Стоявшие позади нее мальчики уставились на золотого короля. Они стояли неподвижно, словно камни, пока она называла их имена королю — Гавейн и Агравейн, Гахерис и Гарет.

Со свойственным ему милосердием Артур поднял просительницу с колен и поцеловал ее в знак примирения. Темноволосая голова на длинной шее откинулась назад, Моргауза задержала на короле долгий взгляд своих зеленых глаз, и ее красные губы раздвинулись в улыбке.

Приглашение было совершенно явным. И Артур вовсе не был недоволен. Прежде всего он был покорителем. Рассказы о его доблести уже успели распространиться — о его силе в бою, о его любви к приключениям. Улыбка королевы обещала ему только то, что ему причиталось.

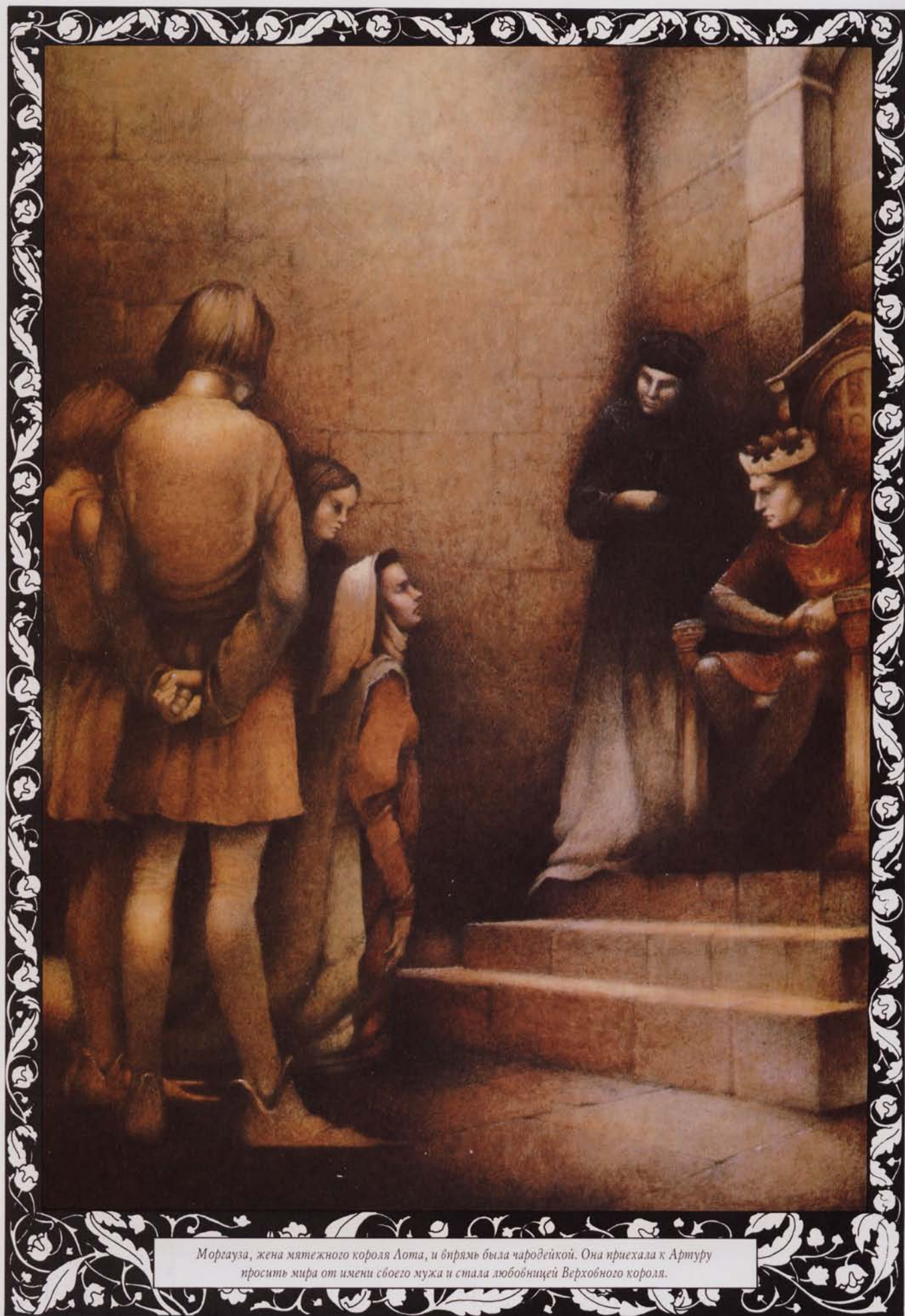
Итак, Верховный король взял жену своего старого врага в любовницы. Моргауза и ее сыновья остались в Кэрлеоне на месяц. Ласки Моргаузы были приятны, но цена за них была высока. Во сне Артура преследовали страшные видения: змеи, немыслимые бесформенные животные, чьи стоны, как говорят хроники, звучали громче, чем лай тридцати гончих псов, чье зловоние было смертельным. Моргауза за этот месяц порозовела и похорошела. Артур же приобрел неестественный, мертвенно-бледный вид, словно начал чахнуть.

Кэй-сенешаль угрюмо наблюдал все это, но не говорил ни слова. Он отправил на поиски того, кто должен был охранять короля, своих людей — не герольдов, а охотников и лесорубов, знавших тайные тропинки и убежища в королевстве Артура. Однажды поздно вечером подул прохладный ветерок, он пронесся через огромный зал, пламя факелов замерцало и вспыхнуло ярче, тени людей, собравшихся в зале, причудливо заплескались на стенах. К этим теням прибавилась еще одна. Это была тень чародея. Когда ветерок затих, старик уже во плоти стоял, согнувшись, у кресла Артура. Он пристально посмотрел в изможденное лицо короля и в лицо женщины, сидевшей рядом с ним за столом. «Ну что, господин?» — вот все, что он ему сказал. В эту минуту Моргауза положила свою белую руку на плечо Верховного короля. И, словно одурманенный своей страстью, он поднялся и вышел вместе с Моргаузой, с отсутствующим видом кивнув Мерлину головой.

Однако утром он отыскал комнату чародея. Он не стал упоминать о женщине. Но он просил Мерлина освободить его от кошмаров, и сам рассказал о них Мерлину.

Мерлин слушал, положив свои костлявые руки на колени и устремив на короля мрачный взгляд. Несколько минут он оставался спокойным. Потом он сказал: «Я расскажу тебе сказку. Жила-была принцесса, сведущая в колдовстве, но не настолько, чтобы у нее получалось все, чего она захочет. Она питала страсть к своему братцу, но заклинания ей не помогли, и он покинул ее. Тогда она взяла в любовники демона или, как говорили некоторые, волшебника. И, когда она заберемене-

Моргауза, жена мятежного короля Лота, и впрямь была чародейкой. Она приехала к Артуру просить мира от имени своего мужа и стала любовницей Верховного короля.

Артур сделал Моргаузу своей любовницей, но она принесла ему мало радости. Когда он был с нею, его во сне преследовали змеи и темные призраки смерти.

С помощью чародейства Мерлин объяснил Артуру значение его снов: Моргауза была сестрой Артура, ребенок, которого она зачала от него, родится в мае и станет причиной его гибели.

нела от этого существа, она сказала, что это ребенок от ее брата, который взял ее силой. Ее брата заковали в цепи и казнили. На него выпустили свору собак, и они терзали его, пока он не умер.

Пришло женщине время родить. В муках она родила чудовище: на четверть змею, на четверть льва, на четверть леопарда, на четверть похотливого зайца. Его плач напоминал рычание собак, пожиравших ее брата. Принцессу, которая этим себя выдала, убили за ее преступление, но чудовище, рожденное ею, никто не смог убить. Оно убежало, разрушив все вокруг себя». Закончив свою странную историю, Мерлин погрузился в рассеянное молчание.

«Ну и что? — сказал Артур. — Раскрой мне смысл этой сказки».

«Женщина, которую ты обнимаешь, наполовину твоя сестра. Она одна из трех дочерей Игрейны из Корнуэла, родившихся до того, как Игрейна стала женой Уостера Пендрагона. Каждая из них обладает волшебными чарами. Но Моргауза — это сосуд, избранный, чтобы хранить меч, который сокрушит тебя».

«Какой меч?»

«Сына, которого она родит тебе. Она уже носит его. Его будут называть дитя моря, но он будет зверем, который уничтожит деяния людей. Он погубит тебя и вместе с тобой всех твоих рыцарей».

«Кто же избрал ее этим сосудом?»

«Этого я не могу сказать. Завистливые создания, злобные, намного старше меня, мой король. Но взяв жену Лота в любовницы, ты тоже сделал свой выбор. У каждого человека своя судьба, и существуют люди, которые помогают этой судьбе открыться».

«Ты не предостерегал меня против этой сестры».

«Я не всегда могу все предвидеть. Я думал, в этом не было необходимости». Затем Мерлин, как говорят хроники, добавил в своей загадочной манере: «Я также могу сожалеть об этом, потому что я умру позорной смертью, а ты — достойной».

Не сказав более ни слова, король вышел из комнаты, направившись к башне, где жила Моргауза. Он обнаружил, что ее комната пуста: там не было ни ее мехов, ни гобеленов, ни занавесей. Ее сыновей не было в помещении для воинов. «Она взяла их с собой, — сказал Кэй-сенешаль, когда король призвал его к себе. — Она вернулась на свои пустынные острова, где ей и место». Но на дороге посреди долины не было видно никаких признаков отряда королевы, никаких следов ее кораблей не было замечено в гаванях Северна. Казалось, что волшебство ускорило ее путь и защитило от гнева Верховного короля.

Последовало время ожидания. В стране было спокойно. На юго-западе, на холме у реки медленно вырастал замок. Тысяча рабочих, плотников, кузнецов, каменотесов, носильщиков, грузчиков, землекопов — работали там. Хотя уэльские барды провозглашали, что у Артура было три главных замка — Кэрлеон-на-Аске в Уэльсе, Селливег в Корнуэле и Пенрин Рионид на севере, — именно Камелот, его великолепный дворец-крепость, построенный в первые годы его славы, остался жить в памяти летописцев.

А Верховный король, томившийся от военного бездействия, которому мир, заклю-

ченный с Лотом, не позволяя преследовать его жену, пустился на поиски приключений. Хроники этого времени отрывочны, это просто обрывки истории, но они дают представление о его доблести.

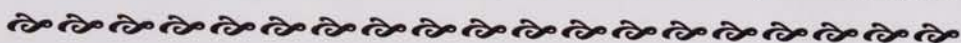
Одна история рассказывает о короле-мошеннике, огромном человеке по имени Районс из Норгая, у которого в обычае было украшать свою одежду бородами лордов, которых он победил. Районс хвастался совершенно открыто и повсеместно, что у него уже одиннадцать таких бород и что борода Артура будет двенадцатой. Когда посланец рассказал Артуру об этой похвальбе, Верховный король заметил, что его борода «слишком коротка для этого». И добавил: «Прежде длинный Районс принесет мне присягу вассала, иначе он лишится головы. Передайте ему, что я получу его голову, если он не принесет присяги». Потом он отправился к Районсу. Согласно некоторым свидетельствам, Верховный король и двое его рыцарей подстерегли великана и убили сорок его воинов. Районс, чтобы остаться в живых, сдался Артуру и стал его вассалом.

Хроники также повествуют о врагах Артура из иного мира; существует рассказ о коте, который еще котенком попался в рыбацью сеть в озере и был принесен рыбаком в дом. Как только кот попал под его кров, он вырос до огромных размеров. Он разорвал рыбака на куски и убежал в горы, где залег в пещере и начал разорять окрестности. Услышав об этом, Верховный король отправился на поиски зверя, прихватив с собой Мерлина. Чародей свистом выманил кота из его логова, и Артур собрал все силы, чтобы проткнуть его копьем. Однако кот был таким огромным, что копье короля раскололось надвое. Тогда Артур, «держа меч в правой руке и прикрывая грудь щитом», стал бороться за свою жизнь. Когти кота процарапали щит и кольчугу короля и вонзились ему в плечо. Отчаянным взмахом огромного меча Калибурна Артур отсек ему передние лапы, и все же зверь еще продолжал бороться, поднявшись на дыбы и вцепившись в короля огромными зубами. Но наконец Артур нанес ему смертельный удар, и кот на окровавленных обрубках уполз в пещеру.

Рассказывают также, что Артур выезжал за пределы своих владений, что он вторгался во владения старцев и бросал вызов их чародейству. Говорили, что он отважился отправиться в страны, где крепости были из стекла, и захватил там сокровища, что он путешествовал по странам, где правили единороги. Никто не знает, правда ли это. Рассказы об этих приключениях были записаны в виде загадок, а сокровища, — если они и в самом деле были завоеваны, — либо спрятаны, либо пропали.

Но все эти схватки с волшебными силами были омрачены тайным колдовством, угрожавшим жизни короля и его народу. Однажды, в конце весны, год спустя после того, как Моргауза приехал в Кэрлеон, к Артуру пришел Мерлин и сказал: «Мой господин, ребенок, о котором я тебе говорил, родился в первый день мая. Больше я ничего не могу сказать, потому что его спрятали от меня. Я не знаю, где его найти».

Верховный король не мог позволить старцам насмехаться над его могуществом. Он приказал, чтобы всех мальчиков, родившихся в королевстве в первый день мая, отдали ему. Он не сказал, зачем это нужно. Он и не должен был ничего говорить: власть Верховного короля в те времена была неограниченной. Королевские всадники, носившие на своих плащах эмблему в виде золотых корон, обыскивали всю Британию, стараясь

попасть в любое самое маленькое королевство — в Лионесс и Корнуэл на юге, в уэльские земли Горры, Сьюгаля и Норгаля, в королевства на западных островах. Поскакали они и в Кэндебенет, и в Стрэнгор, и в Нортуберленд и в Гарлот. Кроме того, они побывали в Лотиане и Оркнее.

В деревнях и селениях, в городах, в больших и малых поместьях, в замках принцев — всюду происходило одно и то же. Посланцы Верховного короля собирали народ, показывали королевскую печать и оглашали королевский указ. Иногда матери охотно отдавали своих маленьких сыновей, возможно, думая, что король даст им хорошее состояние. А что до тех, кто не повиновался указу или не слышал его, то слуги Артура были умелыми допросчиками, и им требовалось совсем немного времени, чтобы узнать, какие младенцы мужского пола родились в первый день мая. Когда они узнавали о детях, которых не отдали добровольно, они их отбирали. По ночам они врывались в камышовые хижины, в плетеные, обмазанные глиной домишки, в маленькие каменные дома бедного лесом севера, где даже скамьи были каменные. Они отталкивали разгневанных родителей и вынимали детей из деревянных колыбелей или поднимали их с соломенных постелей. Дети были уже запеленуты либо в отбеленное полотно, либо в шелк, либо в грубые тряпки у бедняков; в те времена детей пеленали туго, чтобы их ноги были прямыми. Посланцы бережно клали детей на седло перед собой и уезжали по узким грязным проселочным дорогам или по каменным большакам, оставшимся от прежних времен, когда страной владели римляне, и исчезали из виду.

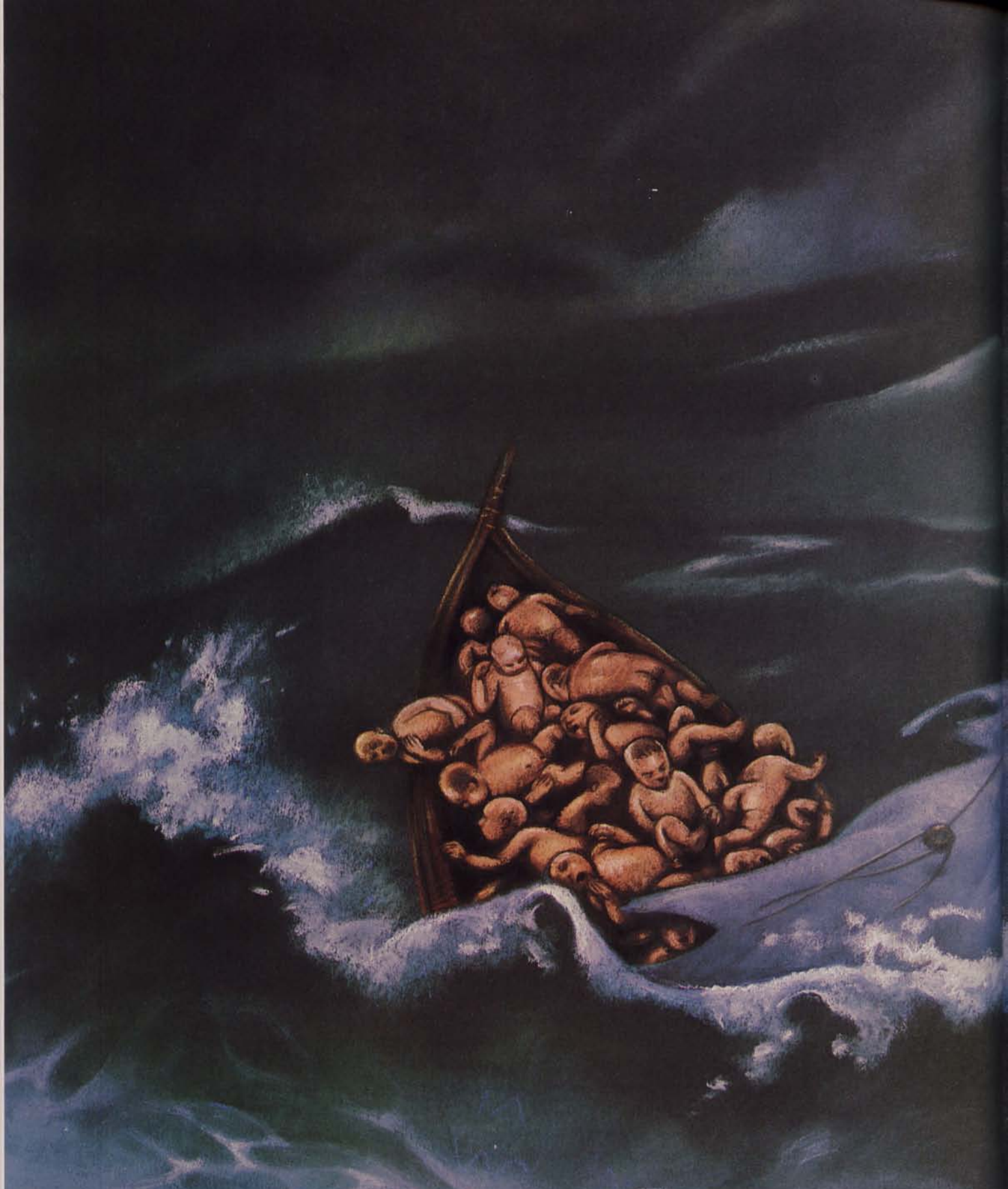
Наконец в Кэрлеоне Мерлин сказал Артуру: «Твоего сына нашли среди детей, которых ты собрал. Его отдали на ферму кормилице на далеком острове. Я не могу сказать тебе ничего более, мое зрение не подсказывает мне, который из них твой сын». Он замолчал, ожидая ответа Артура. Поскольку Артур ничего не отвечал, он спросил: «Должны мы закончить это дело?» Верховный король кивнул.

Лорды и рыцари, фермеры и рыбаки, нищие и воры — ни один из них не знал, куда

Волшебный меч Калибурн стал оружием короля Артура. Его пылающий клинок был непобедим, его ножны обладали способностью излечивать самые жестокие раны.

Всех мальчиков, рожденных в Британии в первый день мая, положили в лодку, где не было рулевого, и отправили в бурное море. Артур думал таким образом помешать исполниться предсказанию, что мальчик, родившийся в первый день мая, убьет его. Но один ребенок выжил — тот мальчик, которого боялся Артур.

делись их дети, и им ничего об этом не сказали. Но по прошествии нескольких месяцев по стране поползли слухи, и они были ужасны. Говорили о том, что в грозную ночь солдаты Артура принесли майских младенцев на неизвестный никому берег моря. Говорили, что младенцев вынули из пеленок и голышом положили на корабль, спрятанный в укрытии. Поставили парус и, протаскивая корабль по гальке, столкнули в разбушевавшееся море. И, когда корабль с немыслимой быстротой удалился от берега, солдаты повернулись и ускакали прочь. Однако остался один наблюдатель — человек с белой бородой, который стоял у кромки воды. Его плащ развевался у него за спиной, словно у него были крылья; он стоял там, пока плач детей не потонул в грохоте шторма и корабль не скрылся в морской пене.

Кругом шептались, что Мерлин совершил это преступление, но именно Артур приказал совершить его.

Но после того, как слухи уже распространились, однажды осенней ночью Мерлин в Кэрлеоне, уставясь на огонь в камине, внезапно произнес: «Господин, ребенок жив. Море вернуло его, он здоровствует в хижине какого-то крестьянина, но где, не могу сказать».

Ответ Артура прозвучал напряженно и устало: «Откуда ты знаешь?»

«Я на мгновение увидел его в пламени, я услышал его плач в вое ветра за дверью».

«Эти смерти на моей совести, — сказал Верховный король. — И все впустую».

Мерлин пожал плечами. «Сколько их там погибло. Меньше, чем умирают при осаде или грабеже. Меньше, чем от голода. Меньше, чем от болезней. Твой народ хилый».

Это были единственные слова, произнесенные Мерлином по поводу умерщвления невинных младенцев. Но их значение было достаточно ясно для того, кто жил в эти времена. Артур был королем, отмеченным богами, и ему было присуще нечто божественное. В нем заключалась безопасность государства. Он был мечом, защищавшим его, и источником его благосостояния; некоторые даже верили, что само плодородие земли зависело от него. Угроза королю была угрозой всему государству, потому что вслед за гибелью короля, конечно, последовали бы раздоры и войны, болезни и голод и разрушили бы хрупкий порядок, который люди установили на земле. Судя по обстоятельствам зачатия ребенка и способу, каким он был сокрыт от него, Мерлину было ясно, что старцы принялись за работу, стремясь подорвать основы власти Артура. По словам Мерлина, любое оружие, которое могло быть использовано против них, было справедливым, каким бы ужасным оно ни было.

Летописцы, естественно, мало что могли рассказать об этом грешном деянии, они просто записали его без всяких комментариев и перешли к другим событиям. К примеру, ни одна из хроник ничего не сообщает о горьких стенаниях простых людей по своим погибшим детям. Простые люди всегда страдают.

Вот реакция благородного сословия Англии — это другое дело, это хроники увековечили. Один из младенцев, которых Артур отобрал у родителей, находился под покровительством Лота Лотианского и Оркнейского, и он пользовался тем же почетом, что и другие сыновья Лота. По сроку рождения Лот знал, что ребенок был не его. Ребенок был зачат в Кэрлеоне, и Лот либо догадывался, либо знал, кто его отец, и имел

законное право гневаться. Но он скорее был склонен признать ребенка своим, чем развестись с женой. А исчезновение ребенка служило извинением для его бунта против своего старинного врага, обесчестившего его.

Союзников у Лота было множество. Некоторые из них и в самом деле были готовы выступить против Верховного короля. Районс из Норгая, «совсем обезумевший», как сообщают хроники, собирал войска на северных болотах уэльских владений Артура, чтобы отомстить за смерть детей. Его брат Ниро выступил вместе с ним.

Лот призвал к мятежу еще девять союзников: герцога Кэндебенета, Брандегора из Странгоры, Клэренса из Нортумберленда, Короля-с-сотней-рыцарей, чью страну никто не мог назвать, Индриса из Корнуэла, Энгйша из Ирландии, короля Кардельманса, короля Карадоса, короля Шотландии. Все силы объединились и двинулись через болота на юго-запад, выслав вперед к войскам Районса герольдов.

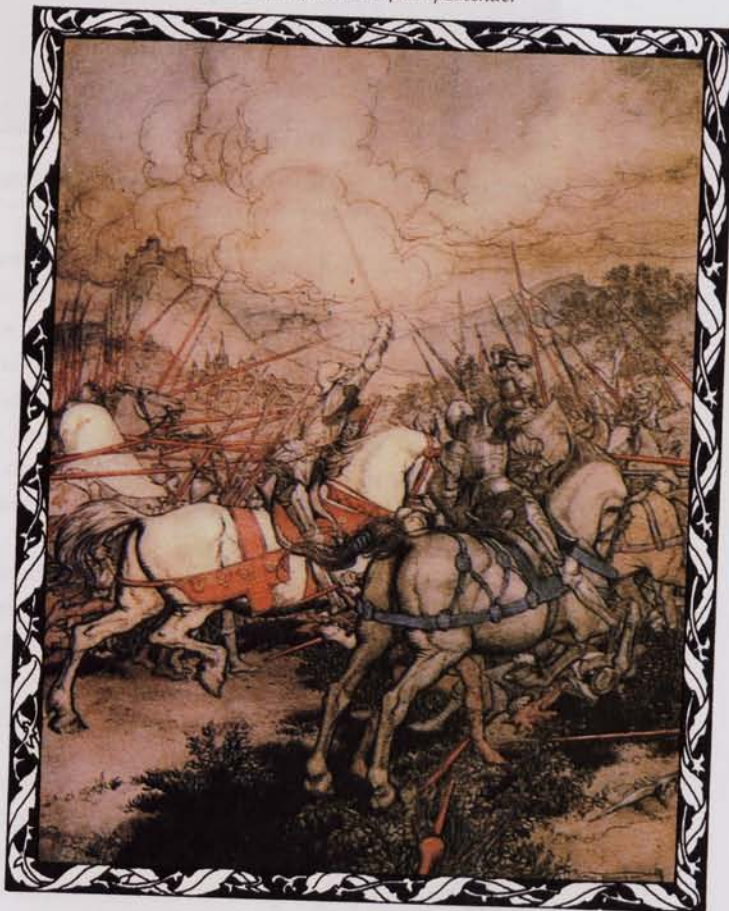
Но вместо того, чтобы присоединиться к Районсу и Ниро, они остановились на расстоянии одного дня пути от войска Норгая. Хроники позже сообщали, что появился

Мерлин и обманул Лота лживым предсказанием, но ни одна из них не говорит, что это было за предсказание. К концу дня прибыл окровавленный и обессиленный голец, он соскочил со своего коня и доложил Лоту: Районс и Ниро и все их воины убиты воинами Артура.

«Увы, — ответил Лот, — будь мы вместе, ни одно войско не сумело бы устоять против нас». Тем не менее он подал знак своим спутникам и вместе со своим сыном Гавейном, который в качестве оруженосца ехал рядом с ним, повел свои войска туда, где ждал его Артур.

На большой равнине, окаймленной горами, лишенными растительности, войска встретились. На рассвете этого дня прошел дождь, теперь поле выглядело печальным и темным при свете неяркого зимнего солнца, оно было забрызгано кровью, пролитой в битве, над ним нависли стаи кружащихся воронов. На северном конце поля под знаменем с двуглавым орлом Оркнея выстроился длинный ряд мятежни-

Около границы с Уэльсом Артур встретился с войсками Лота и его мятежных союзников. Как это бывало и раньше, Верховый король выиграл сражение.

Сделанные Мерлином из позолоченного металла двенадцать мятежных королей Британии стоят, держа в руках свечи, которые горят постоянно. Над ними стоит Артур, обнажив свой неутомимый меч.

ков с поднятыми копьями, их кони беспокойно перебирали ногами, сдерживаемые железной уздой, пока воины выжидали. Далеко на противоположном конце поля в таком же порядке сверкали шлемы всадников Артура, в центре этого ряда возвышался украшенный золотыми коронами штандарт Верховного короля.

Знамена мятежников склонились и поднялись. Ряды рыцарей дрогнули и пришли в движение. Копья заколебались над их головами, когда они пустили коней сначала рысью и легким галопом, а потом в полный галоп. Земля задрожала от топота копыт. Копья приняли боевую позицию. Под боевые крики воинов и улюлюканье, под ржанье лошадей войска столкнулись друг с другом.

Копья ломались сотнями. Люди и лошади смешались в диком клубке из раненых тел и бьющих по воздуху копыт. В неразберихе боя герольды, которые описывали его, могли различить только отдельные взмахи меча Калибурна, блистающего огнем, когда Артур наносил удары, или братьев Балина и Балана, рыцарей Артура, о которых герольды говорили, что они дрались так яростно, что нельзя было сказать, ангелы ли они, ниспосланные с небес, или дьяволы, вышедшие из ада. И герольды всегда рассказывали о Лоте, похожем на медведя, загнанного в угол, свирепого и не желающего отступать, о Лоте, сзывавшем своих воинов под знамя с двуглавым орлом снова и снова. «Увы, — говорили летописцы, — он не мог больше выдержать, и было очень печально, что такой достойный рыцарь должен был погибнуть».

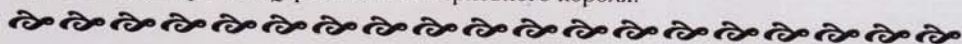
Терольды видели его гибель. Соратник Артура Пелинор с Островов вырвался вперед, поднял свой меч и нанес удар. Меч скользнул по броне и вонзился в шею коня Лота. Кровь животного брызнула алым фонтаном, конь опустился на колени и упал на землю. В одно мгновение Лот был уже на ногах, безоружный, перед ним был Пелинор. И Пелинор снова нанес сокрушающий удар, который «пробил голову и шлем до бровей» северному королю.

Когда Лот упал, разбитые остатки Оркнейского войска бежали — все, кроме молодого Гавейна, который стоял над телом своего отца, глядя на мертвеца и призывая месть на голову убийцы Пелинора. Поле битвы осталось за Артуром, и пожиратели падали уже ожидали своей добычи, кружа в зимнем небе.

Верховный король шагал среди тел врагов; вожди лежали на поле в лужах собственной крови. Артур с почестями поднял их тела и привез их на юг, в Камелот. Там они были похоронены, как полагается. Могила Лота была вырыта отдельно от других и украшена богатой резьбой, чтобы воздать честь его доблести, потому что Лот гибелью обеспечил себе славу, а Артур был всегда великодушен к побежденным.

Мерлин сделал памятник в честь этой победы. Из меди и бронзы, покрытых золотом, он создал изображения всех двенадцати вождей, сражавшихся против Артура. Он изобразил их всех вместе, как они погибли, а над их головами он поместил изображение Верховного короля с обнаженным мечом, поднятым в победном ударе.

Каждый из мятежных главарей держал в руках длинную свечу, которая горела постоянно день и ночь. Свечи будут гореть, сказал чародей, пока он сам не умрет и не будет больше охранять царствование Верховного короля.

ГИНЕВРА

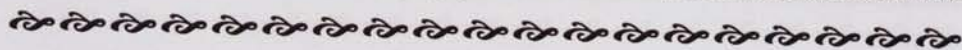
Тод спустя после побед Верховного короля, весной ему привезли невесту. Она была наградой за мир, она была обещанием ясной погоды после бури. Очевидцы говорили, что даже небеса улыбались ей. В день ее приезда небо было безоблачно голубым. Солнце сверкало на позолоченных камнях стен Камелота и искрилось в водах широкой реки, огибавшей замок.

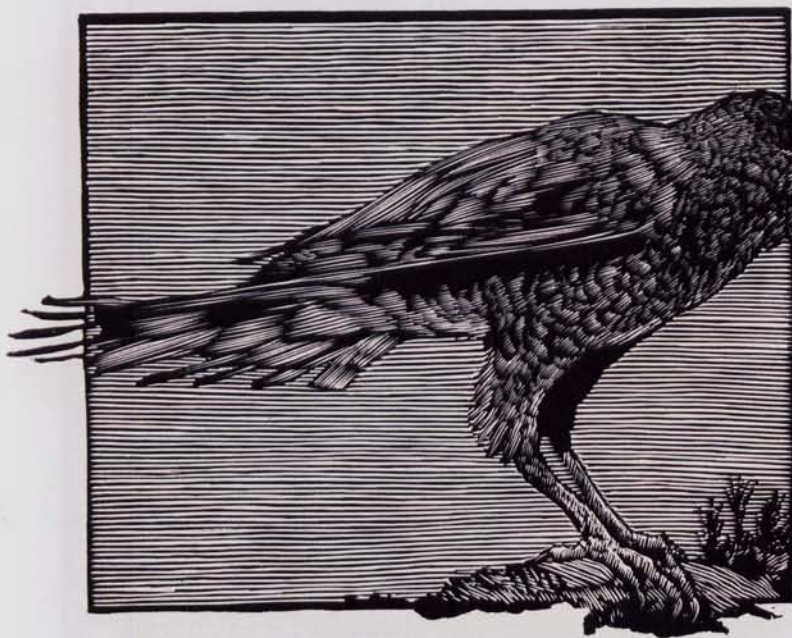
Река была той дорогой, по которой прибыла невеста. Она, словно лебедь, плавно плыла по реке в украшенной золотом королевской барке под шелковым балдахином. Ее гребцы носили белые одежды, а позолоченные весла сверкали на солнце.

Мимо ив, серебрившихся при дуновении свежего ветерка, мимо осиновых рощ, мимо зеленого речного камыша скользила белая барка под тень стен Камелота. Когда барка коснулась берега, гребцы одновременно подняли весла. На берегу стоял сам Верховный король, вышедший приветствовать свою королеву. Поблизости теснился простой люд, но они только мельком увидели ее, когда она сошла с барки и приняла протянутую королем руку. Они увидели высокую молодую девушку, с блестящими волосами, свободно рассыпавшимися по ее плечам, как и приличествовало девице; ее платье, называемое *sate hardie*, было словно из лунного света, а волочащиеся по земле полы ее верхней одежды были опушены серебристым мехом горностая. Придворные из Камелота, в ярких одеждах, словно разноцветные птицы, окружили ее и заслонили от посторонних взглядов.

Этой девушкой была Гиневра, дочь Леодеграна из Камелерда. Очевидцы говорили, что она была лилией Запада, единственной девушкой, достойной короля Артура. Однако чародей Мерлин был не согласен с выбором короля. Голосом, холодным, как зимний ветер, Мерлин сказал Верховному королю, что Гиневра принесет ему несчастье. Артур, ощущавший после побед свое могущество, пренебрег предостережением старика, и Мерлин замолчал.

Леодегран только радовался и открыто выражал свое удовольствие. В приданое за Гиневрой он дал Артуру сто рыцарей. Он также послал Верховному королю огромный стол, сделанный еще во времена Утера Пендрагона; его форма — совершенный круг — наводила на мысль о совершенстве того круга воинов, который создал Артур. В этот круг, кроме рыцарей Леодеграна и рыцарей, которые участвовали в битве вместе с Артуром, входили три сына Лота Оркнейского. Артур держал их при себе, чтобы воспитать их среди своих воинов. Их мать, Моргаузу, он выслал в ее Оркнейские владения. Млад-

Истинным воином был Гавейн Оркнейский, посвященный в рыцари в день свадьбы короля Артура. Поэты говорили, что его имя значит «майский ястреб».

ший сын Лота находился на ее попечении. Старший из сыновей, Гавейн, был посвящен в рыцари в день свадьбы Артура.

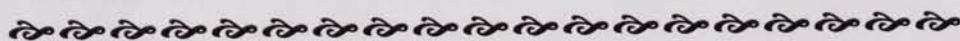
Итак, бракосочетание состоялось, и начались праздничные дни. На полу в зале Верховного короля поверх камыша были разбросаны цветы примулы и лаванды для аромата. На длинных столах сверкали золотом солонка в виде корабля, чеканные тарелки с отделениями для гвоздики, мускатного ореха, корицы, тмина, аниса и кориандра — специй, которые любили придворные; кувшины и чаши для ополаскивания рук, тяжелые блюда с жареными и украшенными их же перьями лебедями, павлинами, куропатками и фазанами, миски с тушеной олениной, крольчатинной, кабаниной и

свининой. Количество еды было поистине королевским. За обедом было только три перемены — о каждой из них возвещали звуки фанфар, — но каждая перемена состояла из тридцати блюд.

Пиршественный зал гудел. Сновали взад и вперед слуги. Посреди на полу играли королевские гончие и грызли кости, которые им бросали. Над пирующими на своих насестах сидели королевские ястребы с бархатными колпачками на головах и серебряными колокольчиками на лапах. Еще выше, на балконе, играли арфисты и пели менестрели.

Гинебра восседала рядом с королем, ее темные волосы были теперь заплетены в косы и уложены в кольца над ушами, как подобало замужней даме; их покрывала золотая сетка. Она обладала подобающим королеве спокойствием, свойственной ей мягкостью взора и приличествующей скромностью, которая проявлялась в легком румянце, расцветавшей у нее на щеках, когда она склоняла голову, заметив улыбку супруга. «Ее рады видеть, — сказал Артур, встречая ее на реке. — Я давно люблю ее, и потому мне ничего так не дорого, как она». И это было правдой, и все это видели. Непринужденное восхищение короля осветило праздник и доставило удовольствие всем собравшимся.

Но у Мерлина настроение было совсем иное. Хотя он встретил королеву с подобающей учтивостью, вид его был мрачен. Королева ничего не сказала по этому поводу, вероятно, полагая, что такова была обычная манера чародея. Но Кэй-сенешаль, рас-

красневший от вина и обидевшийся за брата, сердито сказал, заикаясь: «Твои угрюмые взгляды, старик, не слишком уместны на свадебном пиру».

Мерлин ответил: «Гинебра принесет Артуру несчастье, а она здесь по его выбору».

«Похоже, что нет. Она принесет ему радость. Вероятно, твоя волшебная сила покинула тебя». Кэй хлебнул еще вина и открыл рот, чтобы продолжить свою речь, но, поймав холодный взгляд чародея, закрыл его.

«Ты никогда не был речист, — сказал Мерлин. — Тебе следовало бы хорошо помнить, что мое могущество не покинет меня, пока я сам не откажусь от него».

«Ну так покажи свое могущество», — сказал Кэй. Головы присутствующих повернулись к ним, потому что сенешаль говорил громко. В большом зале воцарилась тишина.

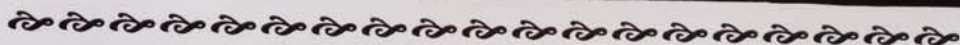
Мерлин ответил: «Мое искусство не для праздной забавы. Если пользоваться им попусту, особенно, если использовать его открыто, то можно привлечь к себе внимание старцев, которые сразу становятся бдительными, когда в воздухе пахнет колдовством. Их взгляд может обратиться на нас. А без них нам спокойнее». Кэй сделал знак, отвращающий дьявола, и несколько рыцарей рядом с ним сделали то же самое.

Королева улыбнулась и сказала: «Господин чародей, мы не бросаем вызов вашему могуществу. Только покажите фокус, сделайте мне свадебный подарок, доставьте мне удовольствие».

После минутного молчания Мерлин кивнул головой. «Как вам угодно, мадам, — сказал он. — Если вы придете ко мне, когда солнце будет клонится к полудню, я покажу вам свое волшебство». Его темные одежды заколыхались; старик повернулся и вышел из зала.

Часом позже — потому что в те

*Почти такая же неудовимая, как народ
Волшебной страны, Гинебра носила имя под
стать своему характеру. По-уэльски ее имя
означало «Белый призрак».*

На холме у реки вырос Камелот с крепкими стенами, серебряными башнями. Это была главная крепость Артура и свидетель его могущества: ни один враг не мог проникнуть за ее высокие стены.

времена застолье начиналось в десять утра — придворные по двое, по трое пришли во двор, который примыкал к зданию, называемому Башней королевы. Это было славное, солнечное местечко, окаймленное цветущими грушами и яблонями, которое король устроил для своей невесты. Чародей ожидал их, его плащ был распахнут, чтобы показать, что он носит меч. У его ног лежал небольшой холщовый мешок. Странное выражение — шутовской хитрый взгляд — искажало его суровые черты.

Его окружили перешептывающиеся придворные. Гиневра, у которой глаза блестели, словно у ребенка, подала знак начинать колдовство.

«Я покажу вам старое колдовство, которому я обучился в Уэльсе. Это не мой фокус, — сказал Мерлин. Взглянув на сомневающегося Кэя, он добавил: — Я собираю облака». Медленно и спокойно белые перья и клубы стянулись со всей голубизны неба и свернулись вокруг башни, образовав белоснежный потолок на расстоянии сорока футов над головой чародея. Холодная тень упала на кирпичи, которыми был вымощен двор.

«И лестница в небо». Из холщового мешка чародей достал веревку, свернутую кольцами, держа ее на вытянутых руках. Он начал пронзительно насвистывать тоскливую мелодию. В ответ веревка дрогнула. Развертываясь, кольцо за кольцом, избиваясь, словно змея, под звуки песни Мерлина, веревка поднялась вверх, достигнув белых облаков, и вытянулась во всю длину, свободно свисая над кипарисами.

«И заяц для охоты». Чародей снова полез в мешок и достал оттуда крошечное существо, не более мыши. Он поднес его к губам, что-то прошептал над ним, и, пока он шептал, оно разросло до размеров обычного зайца светло-серого цвета с черными глазами. Его уши вопросительно вздрагивали, пока Мерлин говорил. Потом чародей быстро поднял руку, словно посылая птицу в полет, и заяц полез по веревке, как кошка, и исчез в облаках.

«**И** девушка, чтобы поймать зайца». Мешок выпустил маленькую куклу в виде крестьянской девушки. Мерлин поставил ее на землю и снова зашептал, и на глазах собравшихся кукла выросла и ожила. Девушка стояла среди них, неуверенно моргая и перебегая взглядом с одного лица на другое. По знаку своего хозяина она ухватилась за веревку и стала взбираться по ней, пока не добралась до облаков. Она ступила на облако, как на твердую землю, и тоже исчезла в белых клубах. Последнее, что было видно, была ее свисающая босая нога.

Оглядев собравшихся, торжественно уставившихся в небеса и очарованных его заклинаниями, Мерлин, подмигнув, добавил: «И мужчина, чтобы утешить девушку», — и снова порывшись в мешке. На этот раз он достал крепкого пригожего молодца, который ухмыльнулся своему создателю и быстро вскарабкался по веревке в заоблачную страну. Придворные разразились смехом. Это была отличная выдумка, подходящая для свадебного праздника. Даже Кэй засмеялся над суматохой, которая поднялась над их головами, когда девушка в облаках завизжала и наконец замолкла, издавая только приглушенное хихиканье.

Но лицо Мерлина приняло непроницаемое и мрачное выражение. «Это не утешение, а озорство», — сказал он. Он щелкнул пальцами. Хихиканье прекратилось, и спустя

мгновение молодая девушка, которую он создал, выскользнула из облаков и спустилась на землю, часто дыша. Ее растрепанные волосы и расстегнутый корсаж свидетельствовали о ее приключениях, и она прятала свое лицо от взглядов улыбающихся придворных.

Мерлин снова щелкнул пальцами. В ответ появился молодой человек, легко спрыгнувший на землю с зайцем в руках. Он поклонился всем собравшимся и Мерлину, потом подошел к девушке. Но Мерлин сказал: «Стыдно, стыдно соблазнять молодую девушку. Оставь ее в покое». Он повернулся к Кэю-сене-шалю: «Конечно, соблазнитель заслуживает наказания?» — «Да, — усмехаясь, ответил Кэй. — Сила у него есть, ему добродетели не хватает».

В следующее мгновение усмешка застыла у него на губах. Внезапным движением чародей выхватил свой меч и взмахнул им. Голова юноши покатилась на землю. Одно мгновение его тело стояло прямо, из него бил фонтан крови, забрызгавший землю и платья дам, стоявших вокруг. Затем тело тоже упало.

Артур загородил собой побелевшую от страха королеву и сказал: «Это безумие. Смерть слишком суровое наказание за игру в любовь, которую ты сам придумал, Мерлин. Что это за свадебный подарок?»

«Ты считаешь меня слишком суровым?» — ответил чародей. — Ну, тогда я должен придумать сча-

Мерлин занялся колдовством ради забавы: показал зайца, который карабкался по веревке, как кошка. Это было опасно, так как привлекло к себе внимание народа Волшебной страны.

В пирах и беселье проходили дни, когда, соблюдая все церемонии королевского двора, Артур взял себе в жены Гиневру.

Камелерда. Охотница из иного мира, преследовавшая заколдованного белого, как снег, оленя, ворбалась в этот мир.

стливый конец». Он нагнулся над телом и головой мертвого юноши, скрыв их под своим плащом. Потом он отступил назад, и юноша встал на ноги, оживленный колдовством Мерлина.

Но что-то было не так. Голова у него на плечах сидела задом наперед, а ноги стояли в луже его собственной крови.

«О Боже, — сказал Кэй, — лучше уж умереть, чем жить вот так».

Что, тогда совсем не наказывать?» Своей рукой он повернул голову юноши, чтобы она встала на место. Затем он по очереди дотронулся до юноши, девушки и зайца, они уменьшились до игрушечных размеров, и он сунул их в мешок. Свистом позвал веревку, и она сама свернулась кольцами. Облака над головами придворных растаяли в голубом небе.

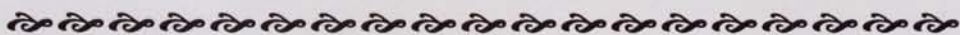
«Плохо, что ты сомневаешься в моем могуществе, Кэй, — сказал Мерлин и добавил, обратившись к королеве: — Смотри, леди, это был фокус. Даже кровь пропала». И затем он тоже исчез.

Вот так закончилось это представление, в котором восторг и ужас, надежда и страх соединились так же причудливо, как был причудлив сам чародей. Но это упражнение в магии, обычное само по себе, казалось, привлекло к себе внимание народа Волшебной страны, как и предсказывал Мерлин. Словно играя с могущественной силой, которой он обладал благодаря своему волшебному происхождению, чародей широко распахнул двери для старцев, сделав смертных, которых он предостерегал, уязвимыми для их оружия, как и самого себя.

Первое вторжение старцев последовало почти сразу и привело к драме, разгравшейся прямо в зале Артура. Как и другие праздники в те времена, свадебный пир продолжался много дней. И утром, два дня спустя после сцены во дворе, праздник был нарушен. В зал — как выяснилось, не замеченный наружной охраной — прискакал белый олень. Его бока были покрыты клочьями серой пены, а из ноздрей сочилась кровь. Он пронесся через зал, за ним гналась гончая. За гончей устремилась свора собак, и среди них — женщина, сидящая верхом на белой лошади. Это было бледное создание, увенчанное темным облаком развевающихся волос; на ней было зеленое платье волшебницы, а на шее у нее висел охотничий рог из слоновой кости.

Преследуемая жертва и охотница неслись таким галопом, их вторжение было настолько внезапным, а крики такими неистовыми, что все присутствующие в зале застыли на своих местах. Однако вся сцена длилась всего несколько секунд. Животные носились вокруг столов; вдруг из воздуха возник воин и схватил гончую, другой поймал охотницу, и все они исчезли. Олень и собаки выбежали из зала, оставив позади себя перевернутые столы и лавки, разбитое стекло и растоптанное золото.

В одно мгновение Верховный король был на ногах, но до того, как он отдал приказ, Мерлин опередил его. Чародей отрядил трех рыцарей: одного — преследовать оленя и принести его голову, другого — найти гончую, а третьего — освободить охотницу. Рыцари повиновались ему; как рассказывают хроники, они прискакали в Волшебную страну и нашли то, что искали. Через несколько недель они вернулись с головой оленя, гончей и сообщением

о том, что охотница находится в безопасности в своих владениях. Но для истории неважны приключения этих рыцарей. Важно было это вторжение в зал, что понимал только Мерлин. Отдав рыцарям приказ отправиться в погоню, он с посеревшим лицом стоял рядом с королем. Его щеки запали, как у мертвеца, глаза потускнели, руки дрожали.

«Что вас беспокоит, господин чародей?» — вскричала королева.

Когда Мерлин заговорил, его голос был старческим, надтреснутым и слабым. «Она все же пришла. Все еще молодая, все еще непослушная. И она появилась здесь по моей вине, я сам открыл ворота, чтобы впустить ее».

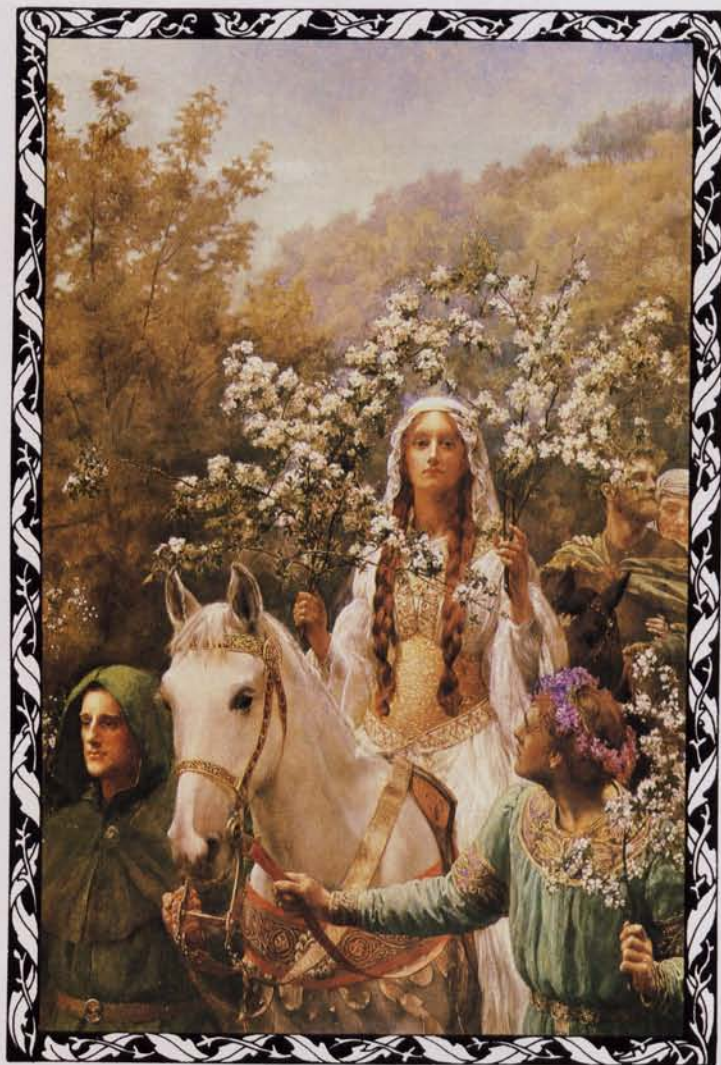
«Кто эта охотница?» — спросил Верховный король.

«Ее зовут Ниниана».

Он ничего более не сказал, ограничившись пророчеством. В эту ночь он покинул замок.

Прежде чем закончился месяц, старцы нанесли новый удар. Наступил первый день мая, который в те времена называли Праздником костров. Это был священный день, отделяющий зиму от лета, и по всему королевству Артура народ устраивал празднества, чтобы прогнать эльфов и фей, разгуливающих в эту ночь, и чтобы встретить время года, когда все цветет и плодоносит.

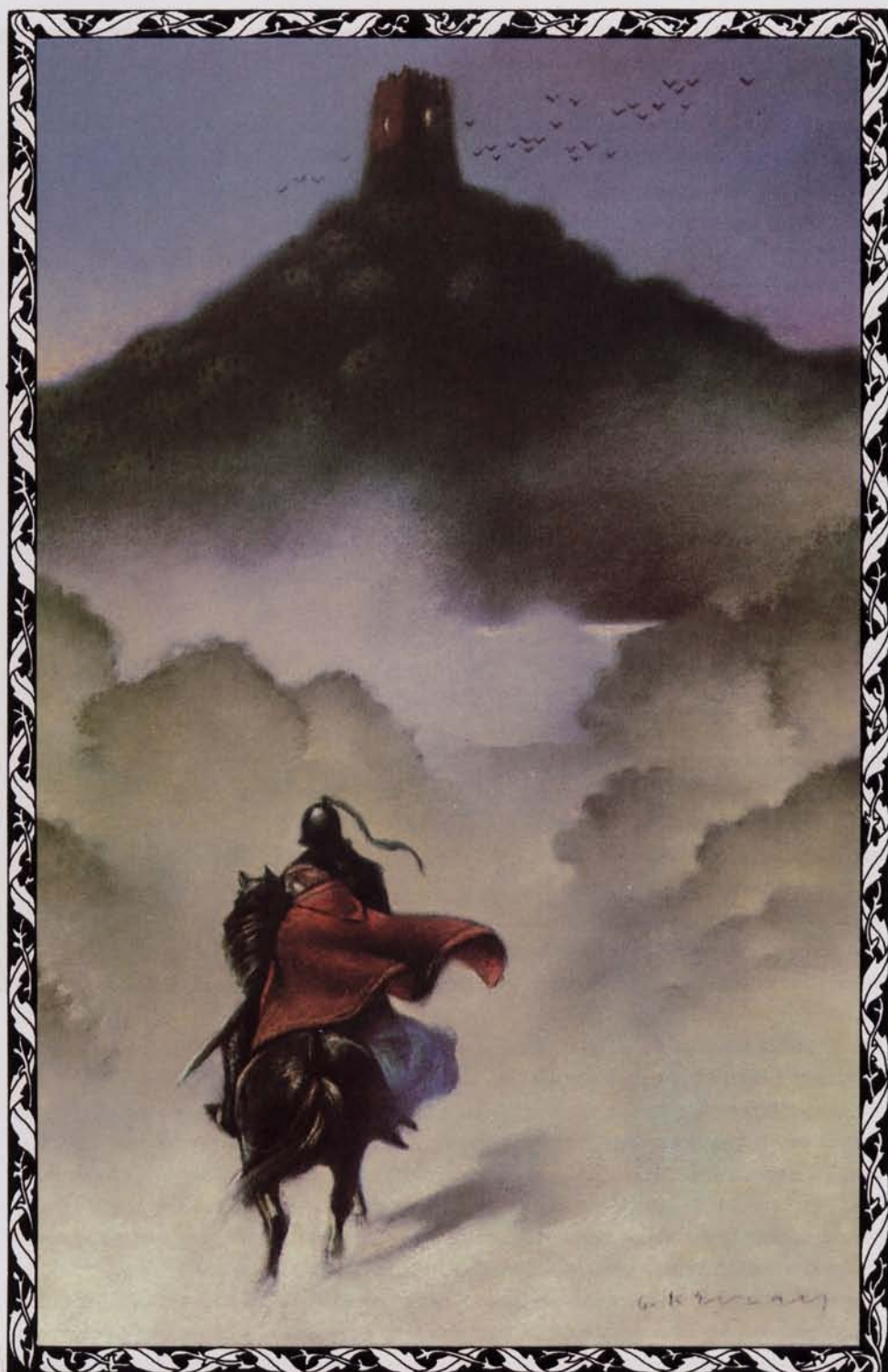
В эту ночь с восходом луны разжигались костры, причем каждый из них зажигали девять человек девятью ветками от девяти разных деревьев. Огни этих костров сверкали на каждом холме, словно маленькие солнца, славящие небесное светило, дающее жизнь. А вокруг костров люди совершали свои старинные обряды, моля о здоровье и процветании. Они пекли праздничные лепешки из ячменя и овса, круглые, как солнце. Эти лепешки делили на части и распределяли по жребию. Некоторые куски предназна-

В первый день мая королева Гинебра вышла нарвать белых веток боярышника, чтобы защитить себя от фей. Это не помогло: силы иного мира уже поджидали ее.

Мелвас из Летней страны, став невидимым, похитил королеву Гиневру и унес ее в свои владения. Его замок был скрыт от людских глаз, но Артур не единожды побеждал врагов из иного мира, и на этот раз он тоже победил.

чались для волков, чтобы хищники не крали овец, а некоторые — для воронов, чтобы голодные птицы не таскали дыплат. Один кусок каждой лепешки чернили углем, и те неудачники, которые вытягивали их, становились жертвами Праздничного костра — жертвами, приносимыми для того, чтобы отвлечь опасности, угрожавшие здоровью людей. Стоявшие рядом с жертвой притворялись, что бросают неудачника в огонь Праздничного костра, и целый год после этого называли того мертвецом. Фермеры проводили сквозь огонь свою скотину, чтобы защитить животных от заразы. Со склонов холмов в течение всей ночи разносились по полям звуки свирелей и треск маленьких барабанов, созывая на танец, в то время как мужчины и женщины вели свой хоровод по часовой стрелке между кострами. Их силуэты чернели на фоне золотых огней, они приветствовали светлое время года.

Прямо перед рассветом, когда костры догорали, а танцоры спускались с холмов, женщины, которые не танцевали, покидали свои дома и хижины и выходили в поля увидеть летний восход солнца и встретить Май. Они срезали ветки боярышника — цветка волшебниц. Из них они сплетали венки, чтобы придать им большую силу, и этими венками они украшали каждую дверь, чтобы защитить каждый дом от обитателей Волшебной страны.

Среди этих женщин была Гиневра, истинная королева Мая, как называли ее люди. Ведь став супругой Верховного короля, она стала, как и другие увенчанные цветами Майские королевы в каждой деревне в Британии, матерью плодородия полей. Она выехала из Камелота в своем белом с золотом свадебном наряде, на белом коне, покрытом попоной с позолоченными колокольчиками; рядом с ней шли ее пажы, а ее оруженосцы и дамы ехали сзади. Ни у кого не было никакого другого оружия, кроме охотничьих ножей, но все оружие королевства было бессильно против созданий, которые свободно разгуливали везде в этот рассветный час.

В этот день Гиневра не вернулась домой к мужу. Пажи и оруженосцы из ее эскорта вернулись в Камелот без нее. Они стояли перед Верховным королем, похолодевшие от ужаса, и клялись, что не видели ничего, кроме тумана, или облака, или сияния, белым покрывалом окутавшего королеву и затем растаявшего в воздухе, оставившего ее коня без наездницы. Заикаясь, они говорили, что не могли защитить ее. Нападение было совершено так внезапно, что едва можно было перевести дыхание.

Артур бросил их в темницу. Затем он отправился искать королеву. Его всадники побывали в каждом уголке страны, через каждую деревню проскакали маленькие отряды рыцарей; лица их были свирепы, голоса неприветливы. Среди народа распространился слух: без королевы урожай не родится и земля погибнет. А через несколько месяцев до всадников донесся слух: королева находится в Гластонбери, она пленница Мелваса, короля Летней страны, который, хотя сам и не был чародеем, находился под покровительством волшебников. Никто не мог сказать точно: замок Мелваса, якобы построенный из стекла, был спрятан внутри холма, называемого Гластонбери Тор, и этот холм возвышался посреди обширного водного пространства. Летописцы отмечают, что его положение было неуязвимым «благодаря зарослям камыша и болотам».

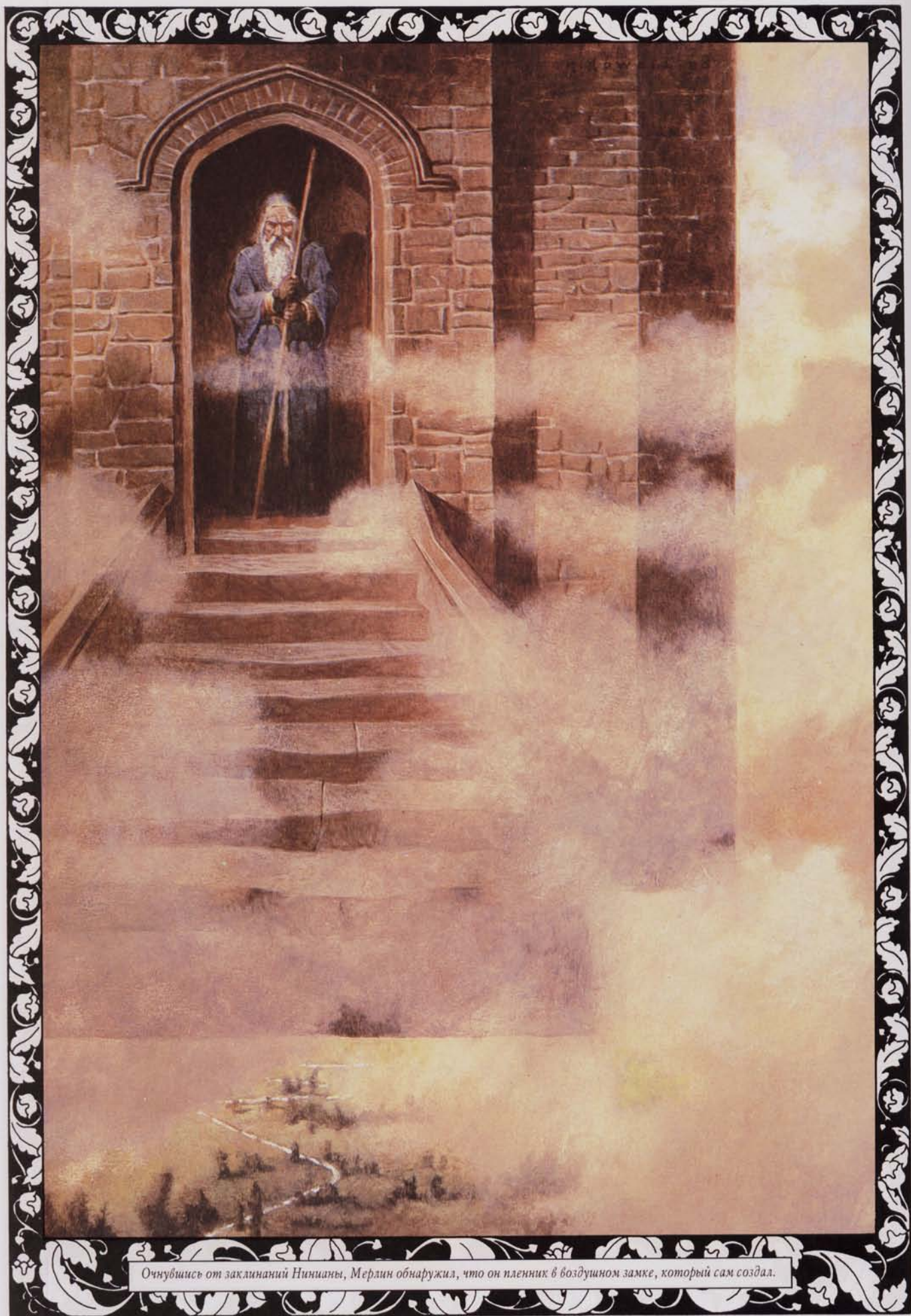

J. HOWELL 1860

Чтобы показать свое мастерство, Мерлин быстроил воздушный замок, чтобы покорить сердце Нинианы.

Выведав секреты волшебства у Мерлина, она станцевала волшебный танец, чтобы заколдовать чародея.

Очнувшись от заклинаний Нинианы, Мерлин обнаружил, что он пленник в воздушном замке, который сам создал.

Н о с настойчивостью Артура в это время ничто не могло сравниться. Сведения о его действиях неполны, а порой противоречивы. Самая точная версия изложена монахами, жившими в маленьком аббатстве Гластонбери. По их словам, Артур собрал огромное войско в королевствах Девона и Корнуэла, с этой армией он грозился разорить Летнюю страну и открыть Тор. Тогда аббат Гластонбери и монах по имени Гилдас заставили Мелваса освободить королеву, не причинив ей вреда. Именно они установили перемирие, которое спасло страну. Артур получил Гиневиру живой и невредимой.

Но где же был чародей Мерлин, которому бы следовало защищать Артура своим волшебством от потустороннего мира? Его не было видно с той ночи, когда он покинул Камелот. Постепенно, спустя месяцы и годы, стала проявляться его судьба — в песнях менестрелей, в отрывках стихов, в загадочных высказываниях старцев. Одни говорили, что он отправился на морской остров и был колдовским образом заключен в ствол дерева. Но некоторые хроники рассказывают иную историю.

Мерлин покинул Артура, чтобы следовать своей судьбе, которую он увидел в пиршественном зале Верховного короля. Казалось, его жребий заставил его стать глупцом, предметом сожаления для тех, кто уважал его. Заболев от страсти, внушенной с помощью колдовства, он проехал всю Англию и переправился через море в Бретань, преследуя охотницу Ниниану, дочь Волшебной страны.

Он подвергал себя любым унижениям, он делал глупости, как любой другой влюбленный старик. Он мог бы превратиться в оленя ради его быстроты, стать зайцем или совой, чтобы его никто не заметил, он путешествовал в обличье молодого и красивого оруженосца, скрыв при помощи чужодейства свои седые волосы и желтое лицо в жалкой надежде, что его вид пленит Ниниану.

Поскольку его вела вперед волшебная сила, он довольно скоро нашел Ниниану в лесу Броселианд, который все еще находился под властью потустороннего мира. Разодетый в свой фальшивый наряд, он ехал по дороге между деревьями, и, если он чувствовал на себе чей-то взгляд или слышал безжалостный смех, от которого шелестели листья и хрустели ветки, он не подавал виду. Дорога привела его к поляне на вершине холма. Там на траве сидела волшебная охотница, бледная и прекрасная, далекая, как звезда, и смотрела на него такими большими и нежными глазами, что смертный в нем затрепетал, хотя в то же время бессмертная часть его существа утратилась. Он взял ее за руку, как сделал бы любой кавалер, и предложил ей свое сердце. Ниниана отняла свою руку и покачала головой. Она сказала, что ей не нужен никакой молодой оруженосец.

«Я больше чем оруженосец, — ответил чародей. — Посмотри, что мое искусство может сотворить для тебя». Он заставил ее посмотреть на небо и в облаках создал для нее дворец. Он строил его, кладя один волшебный камень на другой, высоко, выше птичьего полета, пристраивая для ее удовольствия парящие в воздухе башни с золотыми крышами, добавляя шелковые вымпелы, развевающиеся по ветру, деревья и цветы, растущие там, где нет земли. Все это великолепное сооружение плыло высоко над лесом, безмятежное в небесной тверди.

Как только Мерлин сотворил этот мираж, признаки искусственной молодости исчезли с его лица, но волшебница, казалось, не заметила этого. Было бы удивительно, если бы она не знала, кем он был на самом деле.

Заколдованный чародей жил в облаках, навеки потерянный для короля, которому служил.

«Это чудо, — сказала она ему. — Ты мастер в чародействе, которое мой народ утратил. Ты не обучишь меня этому волшебству?» На ее губах мелькнула улыбка, полная обещания любви. И Мерлин сделал для волшебницы то, о чем она просила. Час за часом он проводил рядом с ней. Напевая мелодии, с помощью которых он творил свои чудеса, повторяя заклинания, заключенные в рунах, он передал Ниниане свою силу и могущество. Он научил ее создавать миражи и узнавать будущее, обучил ее заклинаниям, помогавшим делать людей и предметы невидимыми или изменять их внешний вид. Его старческие руки показали ей, как можно раздобыть оружие прямо из воздуха и выковать цепи, которые никто не сможет разбить. Он обучил ее секретам, как выигрывать битвы и заманивать противника в ловушку.

Целые дни они проводили вместе на зеленой поляне в лесу, и Ниниана слушала его, и улыбалась своей потаенной улыбкой, и гладила его руку. И наконец, однажды в полдень, когда теплый и нежный солнечный луч ласкал его седые волосы, Мерлин умолк. Своими долгими речами он обессилил себя и теперь лежал на траве, как обыкновенный старый человек, слабый, как любой старик, у которого нет ничего, кроме памяти о былой славе.

Затем Ниниана с бесконечной нежностью положила руку ему на голову и сказала: «Я научилась тому, чему ты учишь. Теперь я дам тебе отдохнуть, если ты научил меня этому». И она начала ему петь самым нежным голосом. Она поднялась и стала танце-

вать, напевая. И пока она танцевала, она сняла со своей талии легкий шелковый пояс. Она опустила один конец пояса на ноги Мерлина. Он смотрел на нее, и в его глазах блеснули слезы, а потом его тяжелые веки опустились, и Мерлин заснул.

Когда он проснулся, он лежал на соломенном тюфяке на каменном полу, под каменными сводами. Рядом с ним стояла Ниниана, свертывая в кольца свой пояс. Она уже не пела, и взгляд, которым она наградила его, был холоден и спокоен. «Не думай, что я оставляю тебя здесь одного, Мерлин, — сказала она. — Я буду приходить к тебе время от времени». Потом она повернулась и вышла через узкие двери.

Старый чародей медленно встал и пошел вслед за ней. У дверей он остановился, тупо глядя наружу. Над его головой возвышались позолоченные башенки дворца. У его ног, на ступенях, ведущих от двери, клубились и свивались облака, порою их завеса приоткрывалась, и тогда сквозь них были видны холмы и вершушки деревьев Броселианда далеко-далеко внизу.

Обреченный на бессмертие, на вечное отчуждение от мира живых людей, лишенный своей власти, отторгнутый от Верховного короля, Мерлин был заключен в тюрьму, которую сам построил. С помощью Нинианы властители иного мира отняли его у короля Артура.

МОРГАНА

Сестрами Артура были три королевы, три женщины, объединенные кровным родством и, как видно, службой старцам. Старшая, Моргауза, рано набросила тень на жизнь Артура. Она соблазнила его, стала его любовницей, родила от него сына, которому суждено было стать оружием, направленным против Артура. Совершив все это, она удалилась в изгнание на свои холодные Оркнейские острова, где воспитывала втайне своего ребенка, дожидаясь, когда придет его время действовать. О средней сестре, Элейне из Гарлота, хроники сообщают только, что она жила в своих владениях вдали от Верховного короля, по всей видимости, не причиняла ему вреда. Однако младшая сестра многие годы старалась держаться поближе к Верховному королю и была его вечным врагом, хотя и скрывала свое истинное лицо, покуда могла. Она была королевой страны Горры, и из всей этой троицы она была самой могущественной.

При рождении ей дали имя Моргана, но ее часто называли Феей, или Волшебницей, за ее склонность к чародейству. Поговаривали, что у нее есть пристанище в ином мире, что ее юность прошла уединенно на острове, в монастыре у старцев, где она обучалась секретам чародейства. Согласно некоторым сведениям, она была на Стеклянном Острове одной из девяти хранительниц котла духов, который Артур похитил в юные годы. Некоторые заявляли, что ее обучал сам Мерлин, что она и была Нинианой, только в другом обличье. Люди верили, что Моргана понимала язык звезд, что она знала все секреты исцеления, могла летать вороном и превращаться в паука. Ей было подвластно любое тонкое волшебное искусство.

Но в первые годы пребывания Морганы в Камелоте никто ничего подобного за ней не замечал. Она была одной из многих, одной из тех, кто принадлежал ко двору Верховного короля, когда солнце его славы стремилось к своему апогею. Она жила в замке вместе со своим мужем Уриеном. Уриен служил королю вместе с его воинами, их сын Ивейн обучался вместе с королевскими оруженосцами, а Моргана стала одной из фрейлин королевы. Она была красивой женщиной, но много времени проводила в одиночестве, в стороне от остальных фрейлин Гиневры и, по-видимому, от рыцарей, постоянно толпившихся вокруг королевы, подобно маленькому двору безупречных поклонников. Моргана странно выглядела в таком тесном кружке, каким в те времена был двор Артура, и ее странность вместе с пением, доносившимся из ее комнат по ночам, да с воронами, прилетающими на ее призыв и кормившимися из ее рук, словно они были голубями, — все это вызывало пересуды. Хотя она не слишком уповала на свое родство с

Верховным королем, все же оно защищало ее от более суровых суждений. Ее охраняло от сплетен это родство и присутствие ее мужа и сына, людей столь храбрых и столь преданных, что никто не осмеливался сказать о ней худого слова.

В действительности же Моргана завела шашни с младшими рыцарями, служившими при дворе короля Артура. Она была не очень юной и обладала опытом, который их привлекал, и пользовалась их слабостью в своих целях. Поначалу она скрывала свое поведение, но по прошествии времени она стала менее осмотрительной или более высокомерной, чтобы заботиться о предосторожностях. Она собрала кружок из собственных поклонников, и по склокам среди них, а также по неодобрительным взглядам Уриена становилось ясно, что восхищение рыцарей ею носит небезупречный характер. Стоило спокойной и улыбающейся Моргане появиться, как начинало казаться, что собираются тучи недоброжелательства и рождаются раздоры.

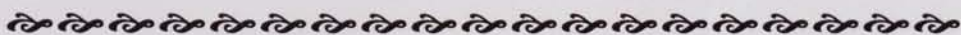
Одним весенним днем Гиневра вошла в залитую солнечным светом комнату и застала там Моргану и рыцаря по имени Гийомар, своего кузена, которые сидели, спрятавшись в глубокой оконной амбразуре. Их моментально прервавшийся шепот и виноватый взгляд Гийомара ясно показали, как обстоит дело. Королева оглядела их: она была новобрачной, воспитанной в понятиях о чести и верности. Помолчав немного, она сказала Гийомару: «Ты можешь идти. Этим займется Верховный король». Моргане же она сказала: «Ты бы лучше шла к своему лорду Уриену, леди». Ответом Морганы была вежливая улыбка. Она присела в реверансе и выскользнула из комнаты.

В результате Гийомар был удален от двора, чтобы он мог охладить свою горячую кровь на северных границах владений Артура. Он уехал, не протестуя и не прощаившись с Морганой. Связь с королевой из Горры была тяжелой и утомительной, и он был рад освободиться от нее и умчаться прочь от темных и душных комнат, где Моргана удерживала его своим волшебством. Сама же Моргана осталась при дворе, потому что Артур не мог позволить себе осрамить ее мужа. По крайней мере, на людях ее поведение стало более приличным.

Но она просто ждала благоприятного случая, пока не представится возможность отомстить за унижение. Тайно она завела себе нового любовника по имени Акколон Галльский. Скрытно она ковала волшебное оружие против Верховного короля. И одним летним днем она пустила его в ход.

Артур целый день охотился на холмах рядом с Камелотом. К концу дня, преследуя огромного оленя, он опередил своих спутников и углубился в лес. Он въехал в глухую чащу. Голоса охотников замерли вдали, и единственными звуками, которые он слышал, был хруст веток и храп его коня.

Наконец лес расступился и показалась поляна, которая спускалась к реке. На берегу реки лежал олень. Он был мертв. Но Верховный король едва взглянул на него, потому что по реке, мягко качаясь на волнах, плыла хрустальная лодка с парусами из перепончатого шелка. Суденышко казалось таким прозрачным и призрачным, словно созданным из воды и речного тумана. Ничья рука не направляла его, но когда Артур подошел к воде, лодка повернулась и скользнула к песчаному берегу.

Это был корабль из Волшебной страны, это был вызов старцев, это было приглашение к приключениям. Как любой рыцарь, который высоко ставит свою доблесть, Артур принял вызов. Он спешился, хлопнул своего коня, чтобы тот отправился домой, и вошел в лодку. Лодка тут же соскользнула в воду и поплыла вниз по реке. Ее шелковые паруса надувал ветер из потустороннего мира. День клонился к вечеру, лодка плыла, следуя всем изгибам реки, и свернула в неведомую страну, скрытую за стеной густых деревьев, которые качались, вздыхали и шептались на берегу. Наконец дневной свет погас, но на бортах лодки плясали огоньки, вспыхивая в хрустале. От этого колдовского свечения Артур заснул.

Он пробудился, ощутив холод, услышав приглушенный звон кандалов и тихое бормотание узников. Он заговорил, и ему ответили. Его товарищами по заключению были английские рыцари, взятые в плен лордом по имени Дамас для того, чтобы они сразились в поединке с его братом из-за наследства. Если рыцарь отказывался, — а они все отказывались, потому что Дамас был жестоким тираном, а его брат — хорошим человеком, — его бросали в тюрьму. Некоторые из рыцарей уже годы сидели в темнице. Артур молча слушал их, ожидая известий от посланца Дамаса.

Известие пришло через час. Тяжелая дверь отворилась, в проеме показалась женская фигура, освещенная пламенем факела, который она держала в руке. Моргая от яркого света, Артур сказал: «Леди, ты не принадлежишь к двору Верховного короля?» Но женщина отрицательно покачала головой. Она сказала, что она дочь Дамаса и не принадлежит к двору. Она не взглянула на Артура, но вручила ему послание своего отца: если Артур сразится с братом Дамаса, он будет освобожден.

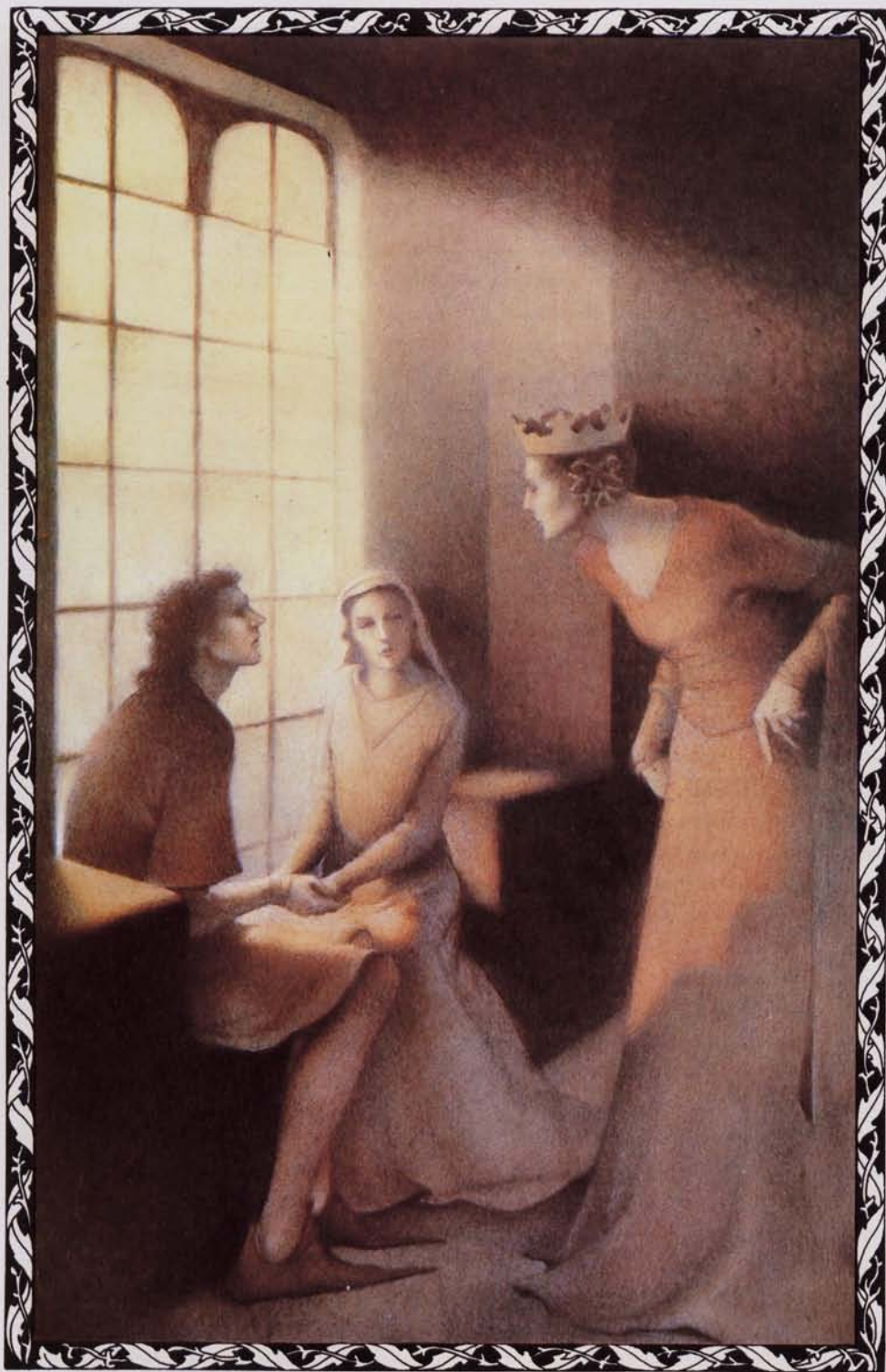
«Если этих рыцарей освободят до начала боя, то я буду сражаться за Дамаса», — ответил Верховный король. Так и сделали. С рыцарей сняли кандалы, и охрана увела их прочь. Артура тоже расковали, чтобы он подождал возвращения дочери Дамаса.

В монастыре на зачарованном острове Моргана, сестра Артура по матери, училась колдовать, вызывать духов и менять свой облик.

Урисн из Горры и его супруга Моргана состояли при дворе Артура. Но как обнаружила Гиневра, Моргана не была верной женой. Она соблазнила кузена королевы, и молодого человека изгнали из Камелота.

Когда она появилась снова, она принесла ему щит, доспехи и его собственный меч Калибурн в драгоценных ножнах. Она сама помогла Артуру надеть доспехи.

«Леди, как мой меч попал к тебе?» — спросил Артур, пристально глядя на нее. Но лицо девушки было скрыто завесой темных волос. Она прошептала: «Его прислала мне королева, твоя сестра Фея Моргана». И она больше ничего не сказала.

Девушка привела его в высокий зал, на стенах которого пылали факелы, и в их колеблющемся свете он увидел человека, с которым ему предстояло сразиться. Человек был высокого роста, его лицо скрывалось в тени, он стоял, небрежно опираясь на меч, казалось, столь же великолепный, как и собственный меч Артура. Девушка отошла в сторону, чтобы наблюдать за поединком. Не говоря ни слова, Артур поднял щит и обнажил меч, приветствуя противника. Оружие показалось ему странно тяжелым и неподвижным в руке.

Тем не менее он высоко поднял меч и, прежде чем противник мог отразить удар, обрушился на него. Клинок Артура скользнул по щиту противника, не причинив ему вреда, а когда клинок опустился, меч противника огнем сверкнул в воздухе, разрубив броню и вонзившись в руку Артура. Из раны полилась горячая кровь, когда Верховный король нанес ответный удар. Будь у него в руках Калибурн, его удары были бы смертельны; если бы ножны Калибурна висели у него на бедре, ни один клинок не мог бы ранить его. Казалось, он был совсем незащищен.

Все же Артур продолжал безоглядно сражаться. Скрипя зубами от напряжения, двое мужчин размахивали мечами и наносили друг другу удары; Артур получал рану за раной, пока не начал дрожать от слабости и боли. Поняв, что его клинок почти бесполезен, он стал действовать своим мечом, как дубиной, снова и снова колотя им по шлему своего противника, заставляя его отступать. Уже целых два часа сверкал меч, и Артур истекал кровью. Все же он продолжал сражаться, не дрогнув. Враг заставил его опуститься на колени. Артур поднял меч, целясь под щит своего противника, и рукоятка его меча сломалась. Его противник поднял свой меч для последнего, решающего удара. Но огромный меч, пылая, вырвался у него из рук, описал огненную дугу в воздухе и зазвенел, ударившись о пол. Воин слегка покачнулся и стал потирать руки. Он неуверенно озирался по сторонам, не понимая причины падения меча.

В зале появилась высокая женщина — женщина из Волшебной страны, судя по ее призрачному виду. Резким голосом, холодным, как горное озеро, она прокричала: «Это меч Калибурн. Он принадлежит озерному народу, но находится во владении Верховного короля, пока он жив. Ты не имеешь права носить его, рыцарь!» Затем она исчезла, раньше, чем смолкло эхо ее слов.

Артур схватил меч. «Ты слишком долго не был у меня в руках, и ты причинил мне много вреда! — закричал он, обращаясь к мечу. Не переводя дыхания, он крикнул своему противнику: — Много боли ты причинил мне этим мечом. Теперь он принесет тебе смерть».

Он сорвал с бедра противника целебные ножны Калибурна и бросил их на каменный пол. Потом мощным взмахом разрубил шлем незнакомца надвое. Его противник упал, кровь хлынула у него изо рта, носа и ушей. В одно мгновение Артур опустился на коле-

ни рядом с ним и стал снимать шлем с его головы, чтобы нанести смертельный удар. Шлем соскользнул с головы, открыв лицо умирающего. Это был Акколон Галльский.

За дверью слышались голоса, темноволосая девушка исчезла, но хозяин замка Дамас с братом и их люди столпились в зале и слышали слова Акколона: «Горе мне, что я взял этот меч. Он принес мне смерть».

«**К**ак попал к тебе этот меч? Как случилось, что ты стал сражаться со своим господином?» — спросил Верховный король. И Акколон тогда поведал, как его возлюбленная, Моргана, при помощи колдовства сотворила поддельный меч, в точности похожий на Калибурна Неустрасимого, как она дала эту подделку королю и украла его собственный меч для Акколона; как она плела заговоры против Артура и пыталась лишить жизни своего мужа, Уриена, чтобы вместе с Акколоном захватить трон силой и отдать страну во власть старцев.

Окончив рассказ, Акколон отвернулся и умер. Артур своею рукою закрыл глаза рыцарю. Затем он спросил у присутствующих: «Кто из вас Дамас?»

«Это я, господин». — Из толпы выступил человек, протягивая Артуру свой меч, рукояткой вперед в знак повиновения.

Верховный король сказал: «Ты был пешкой в этой игре, Дамас. Вряд ли ты знал, что твой противник — Верховный король. Поэтому я прощаю тебя и оставляю тебе жизнь. За все остальные твои деяния я выношу тебе мой приговор: твои земли отойдут твоему брату, а ты будешь его вассалом. А ездить ты будешь на дамской лошади, пока не докажешь, что достоин своего рыцарского коня». Артур замолчал и стер кровь с лица. Затем он промолвил: «Акколон был человеком, чье мужество превышало его разум. Положите его тело на похоронную повозку и отвезите в мой замок Камелот. Отдайте его тело моей сестре Моргане и скажите, что я шлю ей подарок. Скажите ей, что Калибурн и его ножны у меня. Скажите далее, что, когда я залечу свои раны, я примусь за нее». Он покачнулся, но слуги Дамаса подхватили его и не дали ему упасть. Они отнесли его в один дом во владениях Дамаса, где жила женщина, владевшая искусством исцеления, и там он пролежал несколько недель.

Что касается Морганы, то, как рассказывают хроники, она приступила к выполнению своего плана. Хроники описывают, как в ночь после поединка Артура с Акколоном она прокралась к постели Уриена с мечом в руках. Некоторое время она стояла у его постели, с мрачным торжеством глядя на него, и эти несколько мгновений спасли Уриену жизнь. Появился сын Морганы, предупрежденный фрейлиной, и вырвал меч из рук Морганы. Он мог бы ее убить, но Моргана была слишком хитрой для такого молодого человека. Она упала на колени, рыдая и говоря, что ее околдовал демон и что теперь она освободилась от его чар, и сын поверил ее словам.

Артур ничего об этом не знал. Место, в котором он находился, было тихим и уединенным. Женщины, прислуживавшие ему, не произносили ни слова: вместо слов они обменивались знаками. Только их тяжелые черные одежды производили легкий шум, когда волочились по полу. Лежа в этой мирной комнате, Артур не выпускал Калибурн из рук, а ножны его лежали на полу у постели.

Но однажды ночью его покой был нарушен. Короля разбудил звон металла. Ухва-

тившись покрепче за меч, он повернул голову и в слабом свете свечи увидел ножны Калибурна, которые держала женская рука. Сверкнули драгоценные камни и зашуршала юбка. Спустя мгновения по булыжнику зацокали копыта. Артур тотчас же вскочил на ноги и позвал женщин, которые прислуживали ему. Он приказал надеть на него доспехи, оседлать ему коня и указать направление, в котором скрылись неизвестная женщина и ее спутники. Женщины тряслись от страха перед ним, но ничем не могли ему помочь. Неизвестная женщина была увенчана короной, она приказала, чтобы Верховного короля не будили для встречи с ней, и они сделали так, как им было сказано.

Артур пришпорил своего коня и галопом поскакал со двора аббатства в лес. В первые полуночные часы путь ему освещала только луна. Когда же настал рассвет и на землю лег туман, скрывавший стволы деревьев, он наконец услышал впереди цокот копыт и тихие голоса. Деревья расступились, и показалась поляна. На поляне было озеро, казавшееся мрачным в тусклом свете утра. Над водой на мгновение засияли драгоценные камни ножен Калибурна. Потом ножны исчезли, а по воде побежали широкие круги.

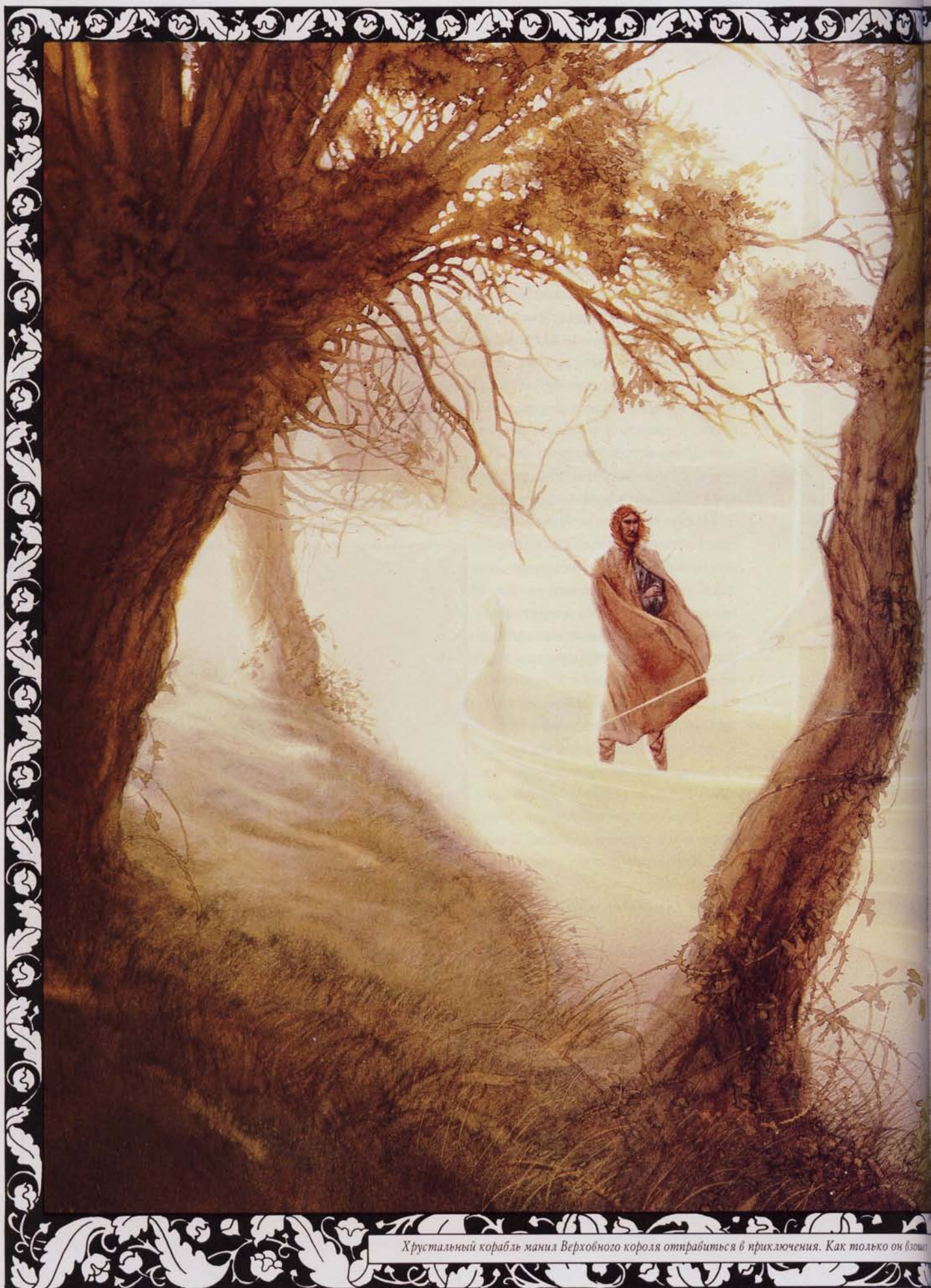
На берегу стояли каменные статуи. Король шел среди них и смотрел на них задумчивым взором. У воды верхом на коне сидела окаменевшая Моргана, вокруг нее стояли ее слуги, окаменевшие в тех позах, в которых они находились, когда грянул удар. Статуи были словно живые, так полны движения, что он подъехал поближе и потрогал их. Но они были всего лишь камнями, холодными и сырыми от тумана. Кругом царила тишина.

«Подходящее наказание для ведьмы и ее слуг», — сказал Артур. Затем он повернул коня и поехал домой.

Там его ждал Уриен, бледный и мрачный от бесчестья, которое жена нанесла его имени. Он предложил лишить его жизни, чтобы смыть это пятно, но Артур не согласился. Уриен решил удалиться в свои владения, но Верховный король отказался отправить его в ссылку. Уриен был верным человеком и сильным союзником.

Всегда стремившаяся к действию, Моргана хотела убить Урисна и стать свободной. Это ее сын Ивейн остановил ее руку и спас жизнь своему отцу.

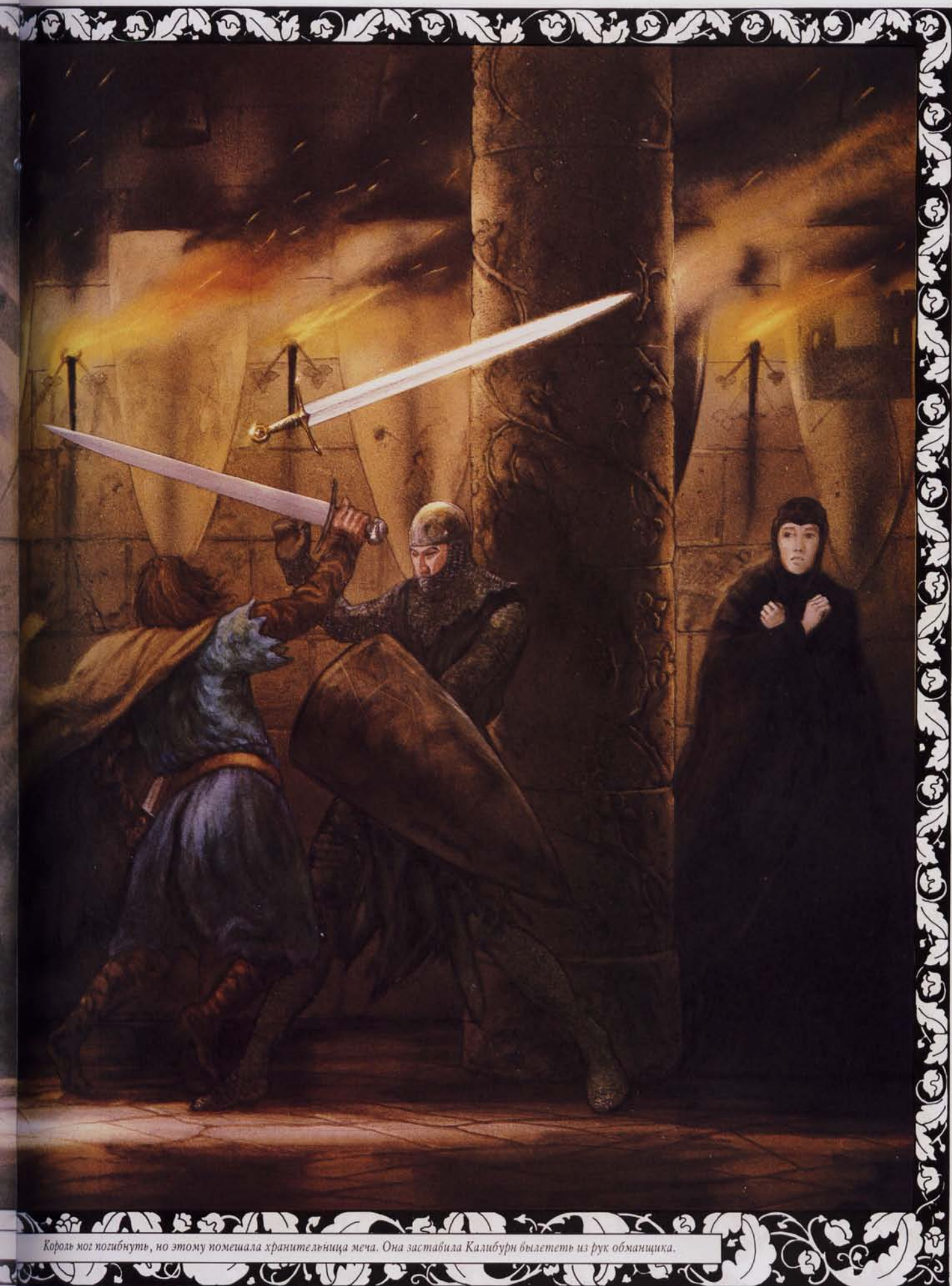
Хрустальный корабль мнил Верховного короля отправиться в приключения. Как только он бзош

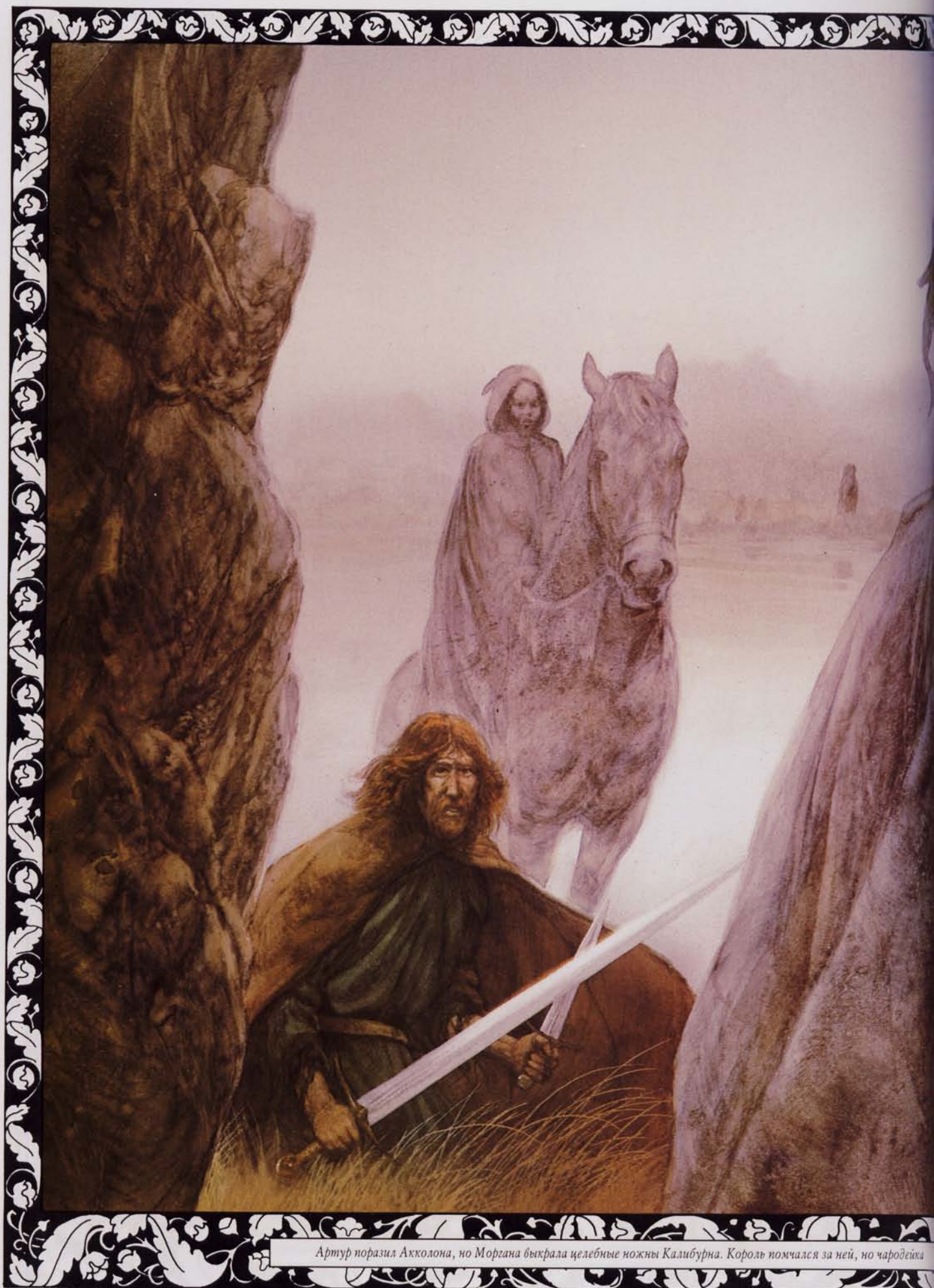
на него, судно поплыло по извилистой реке через неизвестную ему страну в темноту.

Хрустальный корабль привез Артура в страну, где он сразился с возлюбленным Морганы Акколоном, заблудившим мечом Артура.

Король мог погибнуть, но этому помешала хранительница меча. Она заставила Калибури вылететь из рук обманщика.

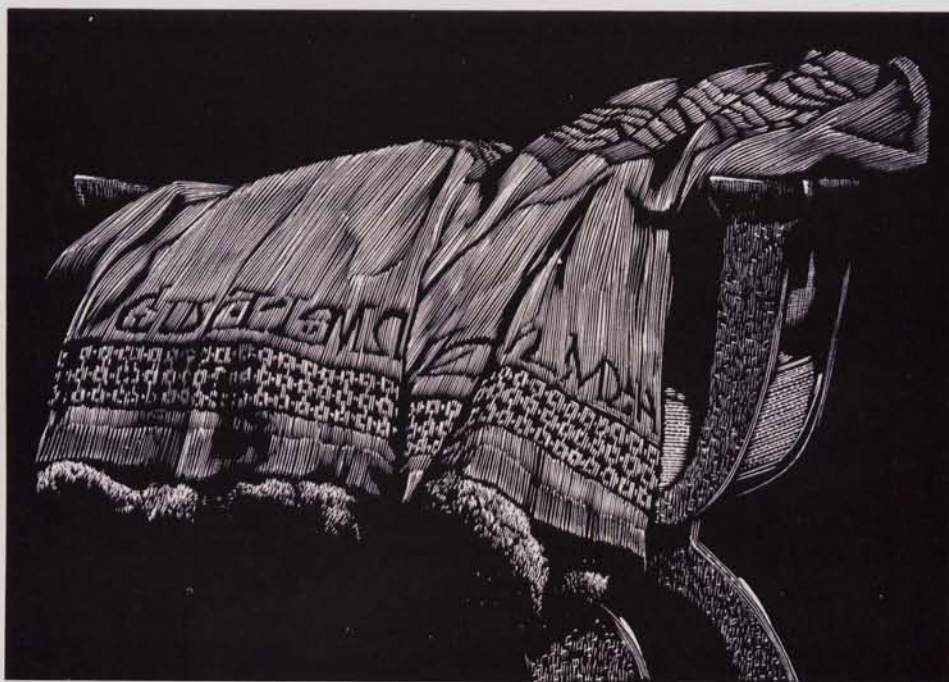

Артур поразил Акколону, но Моргана выкрала целебные ножны Калибурна. Король помчался за ней, но чародейка

ускользнула. Она бросила ножны в озеро, а потом превратила себя и своих спутников в каменные статуи.

Моля Артура о прощении, Моргана послала ему подарок: плащ из шерсти, тонкой, как шелк, теплой, как мех. Но этот плащ убивал тех, кто надевал его.

Ивейн, его сын, был иным. Юноша был совершенно одурачен своей матерью. Артур на год удалил его от двора, чтобы он мог показать свою доблесть. Вспыльчивый Гавейн Оркнейский, взбешенный оскорблением, нанесенным его кузену, уехал вместе с ним. Казалось, Моргана сеет раздоры даже после своей смерти.

Но Моргана была жива, она не была даже околдована. От нее стали прибывать гонцы. Первым был молодой человек по имени Манассен, неотесанный рыцарь, говоривший раскатисто, как все, кто жил у западного моря. Он прискакал в Камелот без свиты и отдал свое оружие оруженосцам Верховного короля, заявив, что он прибыл сюда в качестве герольда одной дамы и что его жизнь находится под защитой той службы, которую он исполняет. Это было правдой — и счастьем для Манассена. Когда он вручил свое послание в зале Верховному королю, лицо Артура побелело от гнева.

«Я приехал от госпожи Феи Морганы, — сказал Манассен. — Она велела сказать тебе, что она тебя не боится, пока обладает способностью превращать себя и своих слуг в камень и снова возвращать их к жизни. Она говорит, что сейчас находится в Горре и что замки и города в ее владениях способны выдержать любую осаду. Она говорит, что в конце твоей жизни именно она встретит тебя в царстве мертвых».

«Любезная сестрица, — ответил Артур. — Накормите и напоите этого человека, и пусть он едет прочь».

После этого чародейка примолкла. Лето сменилось осенью, и замок Камелот стал запасаться продуктами на зиму. С окрестных полей привозили пшеницу, ячмень и рожь и ссыпали в высокие амбары. Собирали яблоки и складывали их грудками в сарай. В ноябре, называемом «кровавым месяцем», тех животных, которые не могли сами про-

кормиться зимой, пригнали в замок: коров с пастбищ, а из леса — свиней, где они паслись, жирея от каштанов и желудей. Затем их забивали, а мясо засаливали на голодное время года. Из разных частей Британии возвращались воины Артура, уехавшие на поиски приключений. Потрепанные и утомленные своими путешествиями, они возвращались под защиту Камелота. Не зима, а лето было временем военных действий. Зимними вечерами в прокопченном зале Верховного короля эти искатели приключений рассказывали свои истории, чтобы развлечь короля и королеву.

И однажды зимним днем, когда глубокий снег лежал на полях и на крышах домов, когда из леса доносился вой волков, прямо перед вечерним сигналом закрыть ворота замка в Камелот прибыл второй гонец от Морганы — молодая женщина, которая приехала верхом в сопровождении одного лишь паж. Это была миловидная девушка, на вид хрупкая и такая застенчивая, что говорила почти шепотом.

Стража отправила лошадей в стойла, а паж на кухню. Девушка попросила разрешения поговорить с Гиневрой. Ее отвели к Кэю-сенешалю, который, увидев, что она безопасна, повел ее по заснеженным переулкам и дворикам к Башне Королевы. По винтовой лестнице он привел ее в небольшую комнату со сводчатым потолком, украшенным резными звездами. На каменных стенах охотники в ярких одеждах преследовали оленя, который никогда не был пойман; на зеленых полях, покрытых тысячами цветов, маленькие зверьки — заяц и лиса, барсук и дикобраз — резвились в вечной игре. Над этими нарисованными полями птички крапивник и малиновка вечно кувыркались в воздухе, безмолвно воспевая королеву. В комнате стояла ее высокая кровать, покрытая гобеленом. Каменный пол покрывала оленья шкура, в глубоком камине пылал огонь. Около камина, завернувшись в мех, чтобы защититься от холода, сидела королева. Она любезно приветствовала девушку и попросила передать ей послание.

Когда она увидела, что принесла с собой девушка, и услышала историю, которую та ей рассказала, Гиневра послала молодого паж за Верховным королем. Артур довольно скоро появился, стряхнув снег с волос и плеч и распахнув плащ, когда входил в комнату. Королева слегка подтолкнула девушку вперед, подав ей знак говорить.

«Моя госпожа из Горры, твоя сестра, шлет тебе привет, господин, — сказала девушка. — Она хочет, чтобы ты принял от нее этот подарок, и она обещает, что, как бы она ни оскорбила тебя, она возместит тебе все в том виде, как ты пожелаешь».

«Вот как? — сказал Верховный король. — Давай посмотрим на этот дар мира».

Подарок лежал на стуле около камина. Это был плащ из шерсти кремового цвета, затканый по краям золотом и серебром, — отличная защита от зимних холодов, красивая вещь, действительно достойная короля. Девушка тихо сказала, что Моргана сама соткала этот плащ. Она взяла его со стула и держала перед собой, чтобы Артур мог его рассмотреть.

Стены комнаты отразили серебристое эхо, словно напоминание о голосе, слишком слабым, чтобы разобрать слова. Но Верховный король их услышал. Он отдернул протянутую руку. «Девушка, — сказал он, — я хочу сначала увидеть этот плащ на твоих плечах».

Посланница Морганы посмотрела на Верховного короля, и румянец исчез с ее щек. Девушка покачала головой и медленно отступила назад, на мгновение лишившись

*По приказу Артура посланница Морганы накинула плащ на плечи — и умерла, как умер бы Верховный
король, в языках колдовского пламени.*

дара речи. Потом она прошептала: «Господин, негоже мне надевать королевскую одежду».

«Тем не менее сейчас ты наденешь ее», — сказал Артур. Его голос был спокоен, и девушка опустила голову, не смея возражать и повинясь приказу. Как можно медленнее она встряхнула плащ и накинула его на себя. Он окутал ее хрупкие плечи и красивыми складками спустился на пол.

Она издала только один крик, замерший при всполохе огня и последовавших за ним звуках. Волосы встали дыбом у нее на голове, каждая прядь превратилась в горящий с треском факел. Под горящими волосами лицо ее почернело и запеклось, широко открытый рот застыл в беззвучном стане. Гинебра отвернулась, но Верховный король стоял прямо, наблюдая, как огонь пожирает посланницу его сестры. Девушка в агонии согнулась дугой, она была вся охвачена пламенем. В конце концов там, где она стояла, остался только пепел.

«Все кончено, — сказал Верховный король своей жене. — Хорошо, мы вспомнили, что моя сестра находится в бегах. Темное создание, предназначенное для тьмы». Он послал солдат найти пажа девушки, но мальчик растаял в воздухе, возможно перенесенный колдовством Морганы в замок, где она обитала.

ЛАНСЕЛОТ

Ни один рыцарь, рожденный женщиной, и ни один рыцарь, когда-либо сидевший в седле, не мог сравниться с ним» — так хроники писали о Ланселоте Озерном, представлявшем собой цвет рыцарства. Он был самой яркой звездой в короне Артура и славой своего времени. Однако уделом Ланселота было обладать душой, всегда пребывавшей в смятении. Он был образцом чести, но жизнь его была омрачена бесчестьем; лучший воин Верховного короля — он стал его врагом, разбившем его большое сердце.

Почти с самого начала жизнь Ланселота заволокли тучи. Он был сыном союзника юного Артура — Бана из Бенвика, и имя, данное ему при крещении, было не Ланселот, а Галахад. Из-за предательства, слишком изощренного, чтобы описывать его здесь, Бан лишился своего королевства, и оно досталось узурпатору. Бан умирал на склоне холма, видя, как огонь пожирает его замок, и оплакивая судьбу своего маленького сына. Однако ребенок был спасен. Старцы, знавшие его судьбу и решившие сохранить его для предначертаний этой судьбы, взяли мальчика под свою опеку. С детских лет и до юношеского возраста они укрывали его в стране, скрытой от человеческих глаз густыми лесами. Людям казалось, что это просто широкое и глубокое озеро. Этой страной управляла волшебница.

Когда старцы взяли ребенка в свою страну, они лишили его имени и стали называть Красавчик Найденыш. Но, подготавливая его к тому дню, когда он должен будет вернуться к людям, Дева Озера (как хроники называли его спасительницу) дала ему образование и воспитание, достойные любого принца. У него был наставник. Когда он был совсем маленьким, ему давали миниатюрные луки и крохотные легкие стрелы и обучали стрельбе — сначала в цель, затем, по мере возрастания его мастерства, в птиц или в мелких зверей. Когда Ланселот достаточно подрос, чтобы сидеть в седле, началось более серьезное обучение, так как он должен был овладеть искусством наездника. Он научился метать копьё и обращаться с мечом, боевые приемы стали привычными для него настолько, что он мог, атакуя врага, управлять конем и держать наперевес копьё длиною в два своих роста.

Жизнь его проходила в постоянных упражнениях. Без них нельзя обучиться искусству войны. Дни и годы постоянного обучения сделали из Ланселота великолепного воина. Но Ланселот был не просто воином. Хроники говорят, что он обладал несравненным обаянием, что его натура была благородной и чувствительной, что он был очень

сообразителен и имел острый ум. Серые глаза Ланселота были полны весельем, за исключением тех моментов, когда он предавался гневу. Он блистал среди оруженосцев, которых Дева выбрала для него, — даже рядом с Лионелем и Борсом, которых Дева Озера взяла к себе, чтобы его кузены росли вместе с ним.

Впервые Артур увидел того, кому предназначено было стать его радостью и болью, июньским вечером, через восемнадцать лет после смерти Бана из Бенвика. Весь день король охотился на мелких зверюшек в лесу неподалеку от Камелота. К концу дня, когда лучи солнца стали просвечивать сквозь листву деревьев, а птицы запели свои вечерние песни, он повернул своего коня к дому. Рядом с ним в дружеском молчании ехал Гавейн. В стольких битвах они сражались бок о бок, столько лет охотились вместе, что у них не было большой необходимости разговаривать. Поэтому, когда до их слуха донесся стук копыт и звон колокольчиков на уздечках, ни один из них не произнес ни слова. Они оба осадили своих коней и стали ждать.

Минуту спустя Гавейн сказал: «Я думаю, что это королева». Но Артур отрицательно покачал головой. Возможно, его осенило какое-то предчувствие или особо звонкие звуки колокольчиков предупредили его о том, что старцы где-то поблизости.

Через несколько мгновений они увидели незнакомцев, ехавших друг за другом под сенью зеленых деревьев, на которых играли солнечные блики. Пеший мальчик вел двух белых мулов, нагруженных белыми с позолотой доспехами. За ними на белых конях ехали оруженосцы. Один из них держал белый щит, другой — белый шлем, третий — белое копье, а последний вел в поводу белого боевого коня. За ними ехали слуги, расчищая путь для женщины и мужчины, которые были их господами.

На женщине была надета туника, белая, как лунный свет, а лицо ее было покрыто вуалью из льна мягче облака. Конь, на котором она сидела, был запряжен серебряной упряжью, седло на нем было украшено слоновой костью, а белая попона спускалась складками почти до земли. Мужчина, ехавший рядом с ней, держался в седле с легкостью и грацией, которые приобретаются долгой практикой. Мужчина был высок ростом, одет в белое с серебром, его взгляд был серьезен и тверд.

«Приветствую вас, — сказал Артур. — Нечасто гости из Волшебной страны посещают нас».

Леди подняла вуаль, чтобы Верховный король мог увидеть ее лицо. «Приветствую тебя, Верховный король, — ответила она. — Мы не все относимся к старцам. Я веду к тебе этого королевского сына, которого я воспитала. Его место рядом с тобой. Он несравненный воин, и я прошу тебя посвятить его в рыцари в Иванов день. Его зовут Ланселот».

Верховный король взглянул на Гавейна, и тот кивнул головой.

Молодой мужчина был прекраснее любого из окружения Артура и был воспитан старцами, знавшими о воинском искусстве больше, чем любой смертный. Он был достоин заменить Артуру сына, которого королю так не хватало. «Леди, я возьму его к себе с большой радостью», — сказал Верховный король.

Женщина обернулась к своему приемному сыну, в ее глазах блеснули слезы. «Прощай, сын короля, — сказала она. — Я не могу назвать тебе имя твоего отца. Скоро ты

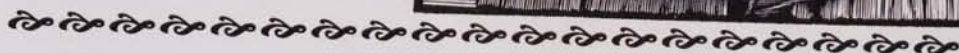
узнаешь его, я пришлю к тебе твоих кузенов, чтобы они были рядом с тобой и сражались за тебя. Не задерживайся при дворе Верховного короля, ведь замок — не место для воина. Выходи на широкую дорогу и покажи свою удаль».

Вот так Ланселот приехал вместе с Артуром и Гавейном в Камелот. Последнее, что он увидел на месте, где стояла женщина, воспитавшая его, было белое мерцание в сумеречном лесу.

Верховный король, как и обещал, посвятил его в рыцари, а королева своими руками пристегнула ему меч. Ланселот вздрогнул при ее прикосновении. Он был молодым человеком, не привыкшим к женскому обществу, и те, кто заметили, как он вздрогнул, улыбнулись, очарованные его робостью.

Действительно, первым его чувством было чувство робости, но он ощутил и нечто большее. Ланселот опустился на колени перед Верховным королем и королевой, чтобы принести клятву верности. Как и повелевал обычай, он спросил, может ли он стать личным рыцарем королевы и ее ленником, чтобы защищать ее и посвящать ей свои трофеи. Как только он произнес эти слова, он поднял голову, чтобы принять благословение королевы. Последовала самая долгая пауза: королева и рыцарь смотрели друг на друга, погружаясь взглядом в незащищенные души друг друга. Так смотрел Утер Пендрагон на Игрейну из Корнуэла, так Моргауза увлекла своего брата Артура. Однако их взгляды обе-

Знающей толк в чародействе была волшебница, которую называли Девой Озера и которая спрятала маленького французского принца Ланселота и сделала его лучшим воином в мире.

Когда пришла пора, Ланселот совершил путешествие из своего дома в иной мир к двору

Артура. Он был посвящен в рыцари Верховным королем, королева Гинебра опоясала его мечом.

Ланселот был самым любимым из рыцарей Артура, потому что он защищал своих товарищей. Во время своих приключений он снова и снова становился их защитником в любой беде.

Даже спортивные упражнения были подготовкой к войне. В каждом королевстве — не важно, насколько оно было велико — регулярно проходили рыцарские турниры, и эти турниры не были похожи на развлечения более поздних времен. За исключением того, что о времени и месте турнира сообщалось заранее и что уставшие и раненые рыцари могли покинуть турнирное поле, чтобы передохнуть, и за исключением того, что лучшим бойцам вручались призы, эти турниры почти не отличались от настоящей битвы. Группы рыцарей сомкнутым строем мчались друг на друга в открытом поле. Если рыцаря выбивали из седла, он сражался пешим, орудуя мечом. Побежденные рыцари отдавали своим победителям все личное снаряжение: доспехи, оружие, лошадей. Это было действительно серьезной потерей, так как снаряжение рыцаря и его конь стоили столько же, сколько стоило стадо быков, то есть целое состояние. Некоторые из рыцарей победнее сколачивали себе состояние, благодаря своей доблести, переезжая с турнира на турнир и собирая оружие, которое у них потом выкупали за

мелота в обществе своего оруженосца.

В те времена такие путешествия были главным рыцарским занятием. Рыцарей воспитывали для поединков и сражений, и они становились сами собой только в бою. Они должны были испытать себя в бою, причем делали это постоянно, чтобы показать свою силу и мужество. А в схватках недостатка не было. Благодаря Верховному королю, в Британии царили мир и согласие, но сама Британия в те времена была совсем иной. Она была покрыта непроходимыми лесами, населена разрозненными, малоизвестными племенами, и в ней сохранилось немало тайных владений старцев. В Британии — как и во Фландрии, и в Бретани, и в королевствах Франции — жестокие, иногда длившиеся десятилетиями междоусобные войны и наследственная вражда были обычным явлением. Ни один путешественник не мог предугадать, когда он вступит на поле битвы и где будет вовлечен в какую-нибудь жестокую схватку бок о бок с незнакомыми людьми.

золото. Другие же, как Ланселот или Гавейн, сражались ради славы и ради удовольствия.

Хроники приключений Ланселота состоят из разрозненных сведений о битвах и турнирах, без упоминания о том, где, когда и в каком порядке они происходили. О его самом первом путешествии, до того как он узнал свое настоящее имя и услышал о своем происхождении, известно, что он отправился в Нортумберленд, чтобы найти там один замок, который называли замком Печальной Стражи, и узнать о судьбе рыцарей Артура, пропавших там.

Дорога привела его в суровый край, где жило очень мало людей. Когда он проезжал через далеко отстоящие друг от друга деревушки, при виде его люди замолкали; когда он задавал им вопросы, люди съеживались от страха, а если и отвечали, это было испуганное бормотанье. Наконец они сказали ему, что он близок к своей цели, и Ланселот оставил своего оруженосца устраивать лагерь в небольшом лесочке, а сам в одиночку поехал через вересковые холмы к тому месту, где стоял замок.

На первый взгляд замок казался вымершим. Его зубчатые стены высились на вершине скалы, вокруг его стен, в которых не было окон, с криками летали чайки, и их резкие крики да завывание ветра были единственными звуками, доносившимися до слуха Ланселота. Он помедлил, стоя среди деревьев и оглядывая местность. По всей видимости, к замку нельзя было подойти незамеченным.

«Не к лицу тебе красться тайком», — раздался голос среди деревьев. Конь Ланселота отпрянул в сторону. Ланселот железной рукой удержал его и посмотрел вниз. Среди стволов что-то двигалось, то появляясь, то исчезая, — что-то серебристое, как береза, и коричневое, как дуб. Он стал ждать, что будет дальше.

«Я служу той, что охраняет Озеро, той, что воспитала тебя», — сказала волшебница. Ее с трудом можно было отличить от деревьев, выдавали ее только глаза. «Она приказала мне сказать тебе вот что. Десять рыцарей охраняют наружные ворота замка и еще десять — внутренние. Их хозяин — медный человек. Если ты сумеешь пробиться через внешние ворота, медный человек погибнет и защитники замка сдадутся на твою милость. Я могу дать тебе этот щит, чтобы ты обладал такой же волшебной силой, как и твои враги».

«Я буду сражаться сам, своими силами», — сказал Ланселот. По каменной дороге он подъехал к воротам замка и прокричал свой вызов. Но никто не ответил, но когда он спустился на поляну, чтобы у него было пространство, на котором можно сразиться, ворота замка широко раскрылись. Быстрый как ветер, рыцарь несся на него. Скорость его движения возрастала, оттого что дорога шла под уклон. Ланселот неподвижно сидел на своем белом коне. Он крепко держал свое копье, упершись им в седло. Конеч копья Ланселота попал в щель забрала его противника, и тот упал с седла. Когда он стукнулся головой о землю, его шея хрустнула, и он бездыханный покатился к ногам Ланселота. Странно, но крови на нем совсем не было видно. Однако у Ланселота была всего лишь одна минута, чтобы отметить эту странность, потому что из ворот вылетел второй рыцарь и помчался по каменной дороге прямо на него.

Этого рыцаря он тоже убил или, по крайней мере, поборол. Бездыханное тело лежа-

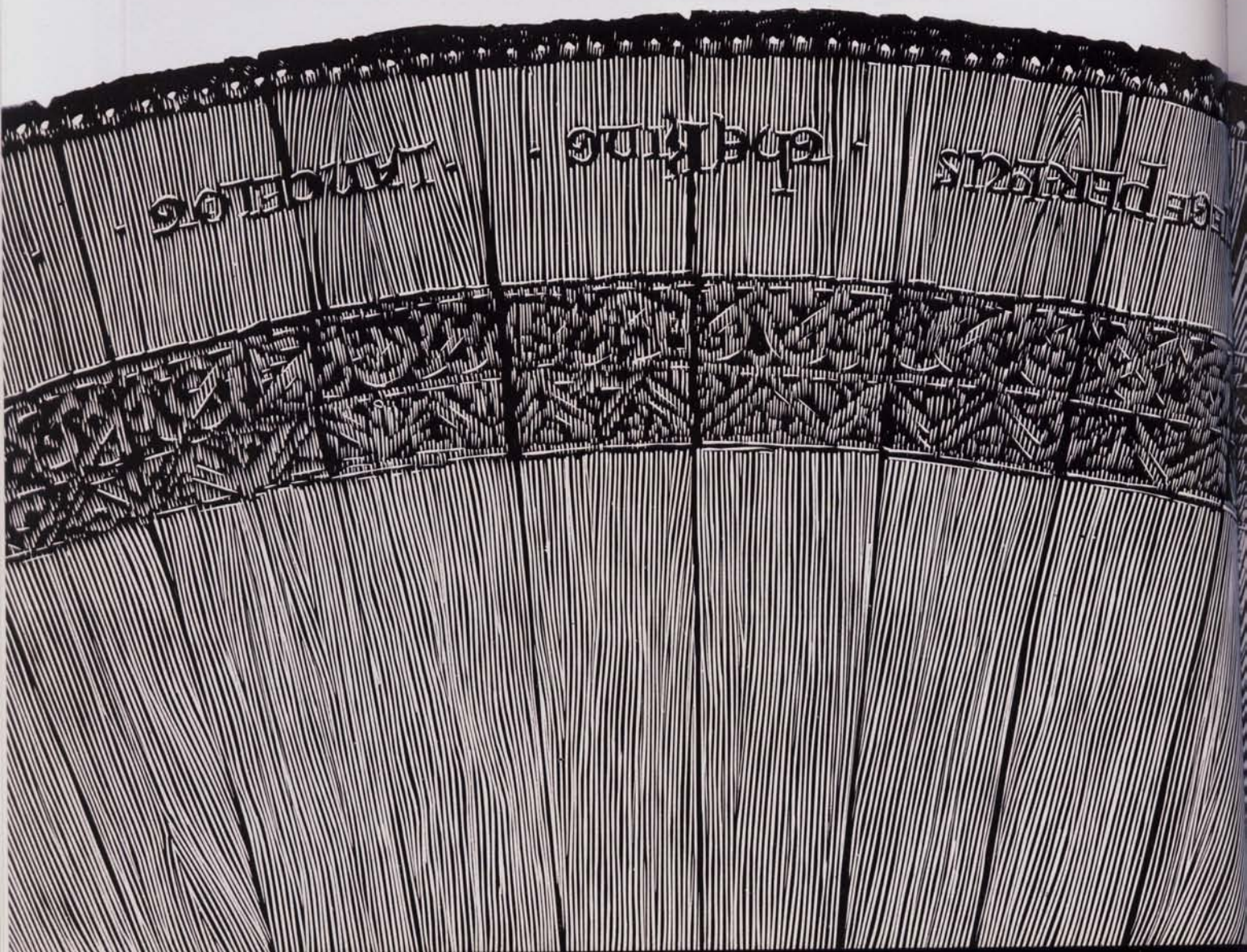
*В годы расцвета царствования Артура Круглый стол был символом единства и совершенства.
И Ланселот Озерный, первый рыцарь Верховного короля, сидел по правую руку от него.*

ло рядом с телом первого всадника, и крови на нем было не больше, чем на предыдущем. Не успели кони обоих рыцарей ускакать по вереску прочь, как Ланселот увидел третьего рыцаря.

«Их силы выше человеческих. Будет справедливо, если ты примешь мою помощь», — произнес голос, и Ланселот наклонился вперед, чтобы принять серебряный щит, который волшебница протягивала ему. Она слилась с тенью папоротника, но Ланселот все равно видел ее. В тот момент, когда он коснулся щита, руки его налились могучей силой, а душа наполнилась боевой отвагой. Он сражался с холодной яростью, не обращая внимания ни на что, кроме мечей и копий своих врагов, и не ведая, сколько прошло времени с начала боя и когда кончится этот день.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Снова воцарилась тишина, если не считать хриплых криков чаек. На поле вокруг Ланселота лежали десять тел, сливавшихся с землей. Высоко над его головой внешние ворота замка стояли распахнутыми, за ними зияла чернота.

«С первым лучом солнца ты начнешь бой за внутренние ворота, — произнес голос волшебницы. — У тебя будет другой щит. Теперь ты отдохни, а я буду охранять твой покой».

И в сером свете утра, держа в руке щит, который дала ему волшебница, Ланселот поскакал вверх по холму и въехал в открытые ворота. В широком промежутке между внутренними и внешними стенами замка выстроились десять рыцарей, десять безликих в стальных шлемах. Над ними, на надворной арке стоял огромный медный воин, опустив вниз свои медные глаза. Пока Ланселот разглядывал его, статуя наклонилась вперед и упала прямо на одного из его противников. С мечом в руке, высоко подняв щит, Ланселот бросился на остальных. Тех, кто не смог убежать, он изрубил в куски.

А когда он закончил бой, внутренние ворота замка медленно отворились. Снова появилась серебристо-коричневая женщина, чуть более плотная, нежели тень. Она поманила его за собой. Припадая на раненую ногу, Ланселот с трудом последовал за ней, и волшебница показала ему стоящие в каждой амбразуре стены черепа в шлемах. У подножия стены под каждым черепом лежал могильный камень с именем убитого рыцаря. Только на одной плите не было имени; эта длинная мраморная плита пустая лежала на траве. На мраморе появились следующие слова: «Эту плиту сможет поднять только тот, кто покорит этот замок слез. Его имя написано на другой стороне камня».

«Это я здесь буду лежать?» — спросил Ланселот. Его спутница кивнула.

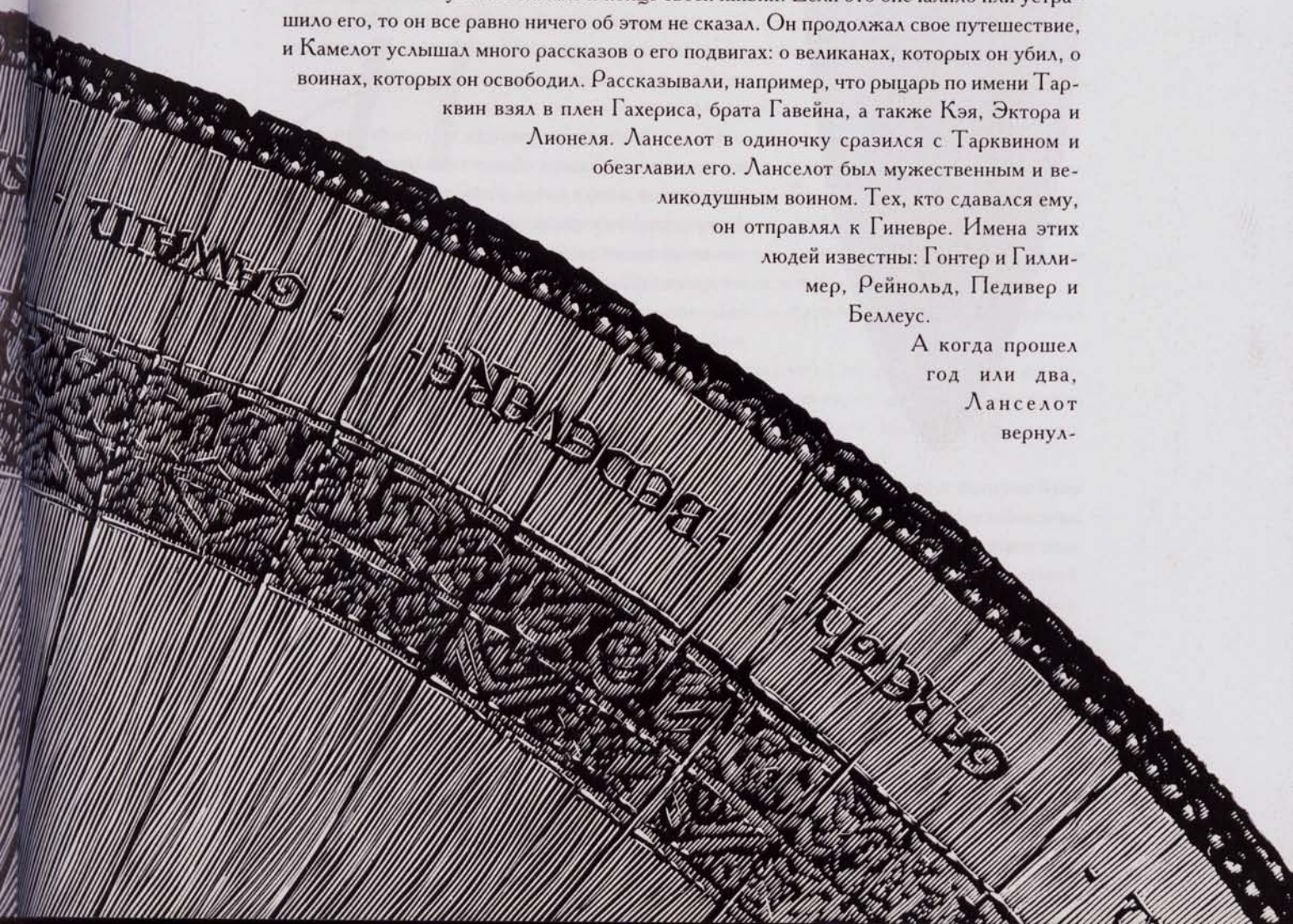
Он наклонился, просунул руку под плиту и поднял ее. Мраморная плита повернулась и стали видны слова, вырезанные на обратной стороне: «Здесь будет лежать Ланселот Озерный, сын короля Бана из Бенвика».

Так Ланселот узнал о начале и конце своей жизни. Если это опечалило или утратило его, то он все равно ничего об этом не сказал. Он продолжал свое путешествие, и Камелот услышал много рассказов о его подвигах: о великанах, которых он убил, о воинах, которых он освободил. Рассказывали, например, что рыцарь по имени Тарквин взял в плен Гахериса, брата Гавейна, а также Кэя, Эктора и Лионеля.

Ланселот в одиночку сразился с Тарквином и обезглавил его. Ланселот был мужественным и великодушным воином. Тех, кто сдавался ему,

он отправлял к Гиневре. Имена этих людей известны: Гонтер и Гиллимер, Рейнольд, Педивер и Беллеус.

А когда прошел год или два, Ланселот вернулся.

Среди Волшебных предметов Фея Моргана был щит с изображением короля, королевы и рыцаря. Он воскрешал историю любви Гиневры и Ланселота, но прошло много лет, прежде чем Верховный король понял смысл этого изображения.

этой жизнью в страстном желании уничтожить власть Артура. Фея Моргана, колдовавшая в своих собственных зачарованных владениях, собирала, словно ворона, обрывки слухов, намеков и сплетен. Когда она решила, что время пришло, она начала действовать.

В один год случилось так, что Верховный король со своим двором остановился на

ся к своему королю, доказав всем свою доблесть. Он похудел, лицо его осунулось и было теперь покрыто шрамами, открытый прежде взгляд стал сосредоточенным. Белые доспехи исчезли, они были утеряны в давно забытом бою. Но Гавейн, который присоединился к Ланселоту, когда их пути пересеклись, и любивший Ланселота, как только один рыцарь может любить другого, увидел его, когда Ланселот поднимался вверх по дороге, ведущей к замку, и окликнул его по имени. Даже на расстоянии он узнал Ланселота по его манере держаться в седле.

И когда Ланселота провели в зал и он снова встретился с королевой, она узнала его душу, которую знала раньше. Его единственный взгляд сказал ей, что в нем ничто не изменилось. За исключением этого единственного взгляда, Ланселот не сделал ни одного движения ей навстречу. Он был воспитан в понятиях о чести. Верховный король был его сеньором, и их союз был самым крепким из тех, что могли заключить между собой рыцари. Гиневра тоже не подала никакого знака Ланселоту. Она была дочерью короля и женой короля, ей было присуще сознание священного долга королевского сана. Она любила своего мужа, и его честь была также и ее честью.

Однако в последующие годы они стали менее осторожными. Рассказы об их отношениях настолько разнятся между собой и так противоречат друг другу, что истину трудно установить, и в любом случае это не имеет значения. Гиневра и Ланселот стали любовниками и оставались тайными любовниками много лет. То, что их связь не была обнаружена столь долгое время, было весьма удивительно, принимая во внимание открытость жизни в королевских замках. Но постепенно их тайна выплыла наружу. Глаза иного мира наблюдали за жизнью при дворе Артура — глаза, которые следили за

осень в Лондоне и принимал там своих рыцарей, вернувшихся из летних путешествий. Один за другим они приезжали в Лондон, приходили в зал к королю и там расписывали свои приключения. Последним из них приехал Гавейн. В один холодный день оркнейский рыцарь, измученный непогодой и уже поседевший, сидел у камина в зале Артура и рассказывал свою историю Верховному королю и королеве. Это была длинная и несвязная история о турнирах и скачках, а заканчивалась она рассказом о том, как его обезоружили и заключили в каменную башню в глубине леса. Ланселот спас его, в припадке гнева убив Карадоса, и освободил. Это был замечательный бой, сказал Гавейн с улыбкой сожаления; он наблюдал за этим боем из окна своей темницы. Гавейн описал Артуру некоторые подробности этого боя. Королева слушала его спокойно и внимательно, не обращая внимания ни на дождь, барабанивший по камням за окном, ни на собак, игравших у ее ног, ни на пажей, сновавших туда и обратно и приносивших вино и мясо для путешественника. Когда Гавейн закончил свой рассказ и остановился, чтобы глотнуть вина, она спросила: «А что же Ланселот?»

«Он уехал, как только увидел, что я способен сидеть в седле. Он сказал, что собирается поехать в одно хорошее место. Я думал, что он уже здесь».

Если сердце королевы и сжалось от нетерпеливого желания, она не подала виду. Она привыкла к разлуке, и она была женщиной, которая хорошо умела держать себя в руках. Она только сказала: «Его здесь нет. Мы не получили от него никаких вестей».

«Ну, тогда он, возможно, отправился в свои владения», — равнодушно произнес Гавейн. Со временем Ланселот получил земли своего отца во Франции, и в Британии у него были земли, так как Артур даровал ему северную крепость, которую он покорил в первое свое путешествие. Ланселот переименовал ее название на замок Веселой Стражи.

Но Ланселота не было ни в его замке, ни во Франции. Вечером того же дня, словно приурочив свое появление к приезду Гавейна, в зал вошла молодая женщина, высокая, смуглая, одетая в плащ с капюшоном, удобный для путешествия. Она стояла между двумя воинами, спокойно оглядывая присутствующих. Артур сделал знак воинам отойти от нее. Когда они отошли, она сказала: «Государь, я приехала из дальних стран и привезла странные известия. Прежде, чем я что-либо скажу, я должна быть уверена, что не потерплю ни позора, ни урона за то, что я расскажу. Некоторые из моих известий могут кое-кого оскорбить». Ее черные глаза метнули взгляд на королеву.

«Говори, — ответил Верховный король. — При моем дворе еще ни разу не нанесли вреда посланцу за его новости».

«Верховный король, я принесла тебе вести о Ланселоте Озерном. Знай, что вы никогда больше не увидите его здесь: ни ты, ни кто-либо из твоих друзей, потому что он находится там, где его нелегко найти. И даже если его найдут, это будет бесполезно, потому что он не сможет больше вступить в бой со своим щитом».

Гиневра медленно встала и повернулась, чтобы уйти. «Государь, если позволишь королеве уйти, я не буду рассказывать дальше», — сказала посланница, и Гиневра осталась на месте, вцепившись в спинку своего высокого стула так сильно, что костяшки ее пальцев побелели.

«Сэр Ланселот был ранен, когда уезжал от этого рыцаря, — продолжала женщина,

указывая на Гавейна, который кивнул в знак согласия. — Рана загноилась, и он опасался за свою жизнь, поэтому он покаялся мне в ужасном грехе и преступлении, которое он совершил против своего господина. Он сказал, что он обманывал Верховного короля с этой леди, с королевой. И он послал это кольцо королеве, чтобы она знала, что мои слова являются правдой. Это кольцо, которое она сама дала ему». Женщина вытянула руку: на ее ладони лежало тяжелое кольцо-печатка, украшенное гербом Ланселота.

Присутствующие уставились на него.

Королева повернулась к Верховному королю и твердым голосом стала отрицать свою вину. «Если бы я начала перечислять все благородные достоинства Ланселота, — сказала она, — мой язык отсох бы прежде, чем я закончила. Он был самым честным и самым лучшим среди рыцарей, он превосходил их всех своей доблестью. Но пусть простит мне Господь, если Ланселоту не выкололи глаза перед тем, как он нагородил эту ложь. Господь Бог и люди знают, что ни я, ни Ланселот никогда не питали друг к другу плотской любви. Но даже если все обстояло так, как рассказывает эта женщина, я не могу отрицать, что это мое кольцо. И

каждый, кто захочет, может обвинить меня за это. Мне это безразлично, ведь это обвинение без доказательств».

Так королева Гиневра предала свою душу, произнеся перед своим мужем и своим народом ложную клятву. Артур поверил ей и сказал об этом. Посланица пожала плечами, услышав ответ Верховного короля. Она собралась уходить, но Гавейн дал приказ стражникам, и они схватили ее.

«Какому хозяину ты служишь, женщина? — спросил оркнейский рыцарь. — И где вы спрятали Ланселота?»

«Где его спрятали, я не могу сказать. А служу я своей госпоже, королеве Горры». Тут стражники сделали знак, отвращающий дьявола.

«Пусть она уйдет, эта женщина, которая служит королеве Лжи», — сказал Верховный король. Он обернулся к Гавейну, самому лучшему из его воинов после Ланселота. Но Гавейн вместе с Ивейном и Лионелем, кузенами Ланселота, уже выходили из зала, готовые ехать на поиски своего друга.

Они искали Ланселота долгие месяцы, но известия, с которыми они вернулись, были неутешительны. Они нашли щит Ланселота и видели его самого. Он был ранен, слаб и бредил. Потом он снова исчез. К Верховному королю Ланселот вернулся только год спустя. Он был бледным и изнуренным. Ланселот рассказал о Фее Моргане, которая при помощи колдовства заточила его в темницу и так опоила его, что сумела снять кольцо с его пальца. Она наслала на него безумие, а потом отправила его бродить по лесам.

Королева плакала, слушая рассказы о его ранах и о его борьбе с чародейством. И если даже кто-то винил ее за это, никто ничего об этом не говорил. Хроники отмечают, что народ любил ее и почитал за то, что она защищала честь Ланселота.

Кольцо-печатка Ланселота было украшено золотым гербом. Оно было дано ему королевой.

В тихих уголках, подальше от глаз придворных Верховного короля, Ланселот и Гиневра клялись друг другу в любви, хотя их клятвы влекли за собой бесчестье, опасность и, в конце концов, гибель.

Рыцари Верховного короля, это славное воинство, вместе отправились на поиски Грааля, и королева плакала, когда они уезжали. В последний раз рыцари были едины.

Но эта защита была лживой, и в последующие годы за этой парочкой наблюдало немало глаз, когда они бывали вместе.

Все же это были золотые, спокойные времена. Как обычно, летом рыцари уезжали. Как обычно, Ланселот отсылал своих пленников к королеве, прославляя ее имя своей доблестью. При дворе они вместе с Гавейном были самыми близкими друзьями Верховного короля.

А пока народ наблюдал за обоими любовниками, приближались более важные события. Рыцарям Артура предстояло выполнить свою последнюю грандиозную задачу. Из песен менестрелей, из рассказов путешественников до них дошли слухи о стране, находившейся далеко на севере. Страна эта была опустошена и зачарована, потому что охранявший ее талисман был осквернен, а королю этой страны было нанесено оскорбление. Только рыцарь, безупречный во всех отношениях, мог разрушить эти чары и возродить жизнь в стране.

Разные рыцари пытались выполнить эту задачу. Едва услышав об этой стране, сам Ланселот отправился туда. Он увидел короля этой страны, дочь короля родила ему ребенка. Но он не увидел талисмана, который называли Граалем. Честь Ланселота

была запятнана его любовной связью с Гиневрой и его неверностью Верховному королю. Неудача сказала ему о том, чего никто не знал: он не был избранником, он не был лучшим рыцарем на свете.

Эта история о судьбе Артура, а не Ланселота, и рассказ о Граале относится к другим хроникам. Достаточно вспомнить, что сын Ланселота, безупречный рыцарь Ланселот-младший, который носит имя своего отца — Галахад, тоже прибыл ко двору Артура, когда вырос, и после его приезда в зале Артура в воздухе появился Грааль. Достаточно вспомнить, что последние замечательные рыцари из окружения Артура — Ланселот, Лионель, Борс, Гавейн, Персиваль, Галахад и другие — все они с развернутыми знаменами отправились на север, чтобы освободить королевство от заклатья.

Те из них, кто вернулись потом обратно, стали более серьезными людьми, чем были раньше. Они видели чудеса: они видели, как безупречный рыцарь Галахад произнес слова, которые освободили Пустынную Страну от заклатья; как Персиваль остался управлять этой страной вместо старого короля; как некоторые из рыцарей умирали или сходили с ума; как Ланселот потерпел неудачу и слава отвернулась от него, хотя они и не знали почему.

Они вернулись, чтобы создать совсем иной двор. Самые молодые и самые неугомонные из рыцарей начали собираться в кланы, которые не вели еще себя открыто враждебно по отношению к Верховному королю, но которых уже раздражала его власть. Это была скрытая междоусобица, снова и снова проливалась кровь. По мере того как Артур старел, собирались и росли силы, стремившиеся уничтожить его. Трещиной в его броне стало бесчестие, о котором он не подозревал, — давняя любовная связь Ланселота и Гиневры. Оружием, при помощи которого старцы пробили его броню, стал сын Верховного короля, рожденный его сестрой, — тот самый ребенок, которого много лет назад безуспешно пытались разыскать Мерлин и Артур. Это был Мордред Отинский и Оркнейский.

МОРДРЕД

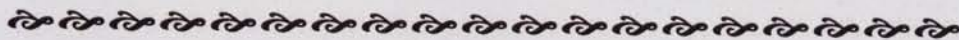
Хроники, повествующие о дворе Верховного короля, мало рассказывают о сыновьях Лота Лотианского и Оркнейского. Конечно, известно, что Гавейн вскоре после смерти Лота стал почти членом семьи короля Артура и был посвящен в рыцари в день королевской свадьбы. В течение всей своей жизни он был опорой королю. Оба его брата — красивый, но дурного нрава, Агравейн и Гахерис — по-видимому, приехали ко двору Артура вместе с Гавейном. Еще один брат, Гарет, прибыл ко двору несколькими годами позже. Он так стремился показать, чего он стоит сам по себе, что путешествовал инкогнито и служил при кухне Верховного короля, пока не получил возможность доказать свою храбрость и ловкость. Он славился своим мягким характером.

Вскоре после того, как Гарета посвятили в рыцари, его мать Моргауза последовала за ним в Камелот, движимая, как она утверждала, желанием посмотреть на своих сыновей. Когда молодые люди узнали, кто она, они упали перед ней на колени. Они не видели свою мать пятнадцать лет.

Моргауза приехала не одна. Она привезла с собой своего младшего сына якобы для того, чтобы представить его королю. Этим сыном был Мордред, такой же красивый, как его мать, и такой же скрытный. Они были очень близки между собой. Мордред не знал, кто его настоящий отец, и имя Лота часто срывалось с его губ. Если Артур и узнал в нем своего сына, то он об этом ничего не сказал. Как и его братья, Мордред был посвящен в рыцари и занял свое место за Круглым столом. Гавейн сблизился с ним, как раньше с другими братьями. Ланселот тоже приглядывал за молодым рыцарем ради Гавейна.

Моргауза осталась при дворе и пользовалась почестями как сестра короля. Кроме нее самой и Артура, никто не знал о том, что было в молодости между ними. Моргауза сохранила свою красоту. Казалось, белые пряди в черных волосах венчали ее тонкие черты. Ее глаза не потеряли своего жадного блеска, а голос — своего очарования. Через несколько месяцев она завела себе любовника, который был моложе ее старших сыновей, — Ламорака Уэльского, считавшегося третьим по счету лучшим рыцарем в окружении Артура после Ланселота и Тристрама из Лионесса. На турнирах Ламорак носил ее эмблему — шелковую ленту с вышитым двуглавым орлом Лотиана и Оркнея, укрепленную на шлеме.

Ее сыновья были вне себя от гнева. Потомки свирепых северных племен, они были

не из тех, кто забыл о кровной мести. Отцом Ламорака был Пелинор с Островов, тот самый, который много лет назад убил мятежного Лота в бою. Гавейн, тогда еще мальчик, поклялся отомстить ему, и он достиг своей цели. Через некоторое время после того, как их посвятили в рыцари, Гавейн и Гахерис убили Пелинора. Теперь их гнев снова разгорелся. Их мать позорила их, взяв себе в любовники человека, в чьих жилах текла кровь Пелинора.

В те времена сыновья вдовы имели право руководить своей матерью. Все сыновья Моргаузы во главе с Гавейном решили сами заняться этим делом. Они услали Моргаузу подальше от придворных соблазнов и поселили ее в хорошеньком охотничьем домике в нескольких милях от Камелота. Моргауза, которая никогда не шла на открытый конфликт, покорилась с достоинством и милой улыбкой и поблагодарила сыновей за их заботливость. Помимо всего, это не было для нее тяжким наказанием. У нее был красивый дом, и она не испытывала недостатка в слугах, которых могла послать куда угодно.

Через неделю она призвала к себе Ламорака. Но Гахерис увидел фрейлину своей матери, которая шепталась с уэльским рыцарем в коридоре замка, и когда Ламорак выехал из Камелота, Гахерис последовал за ним, держась на расстоянии. К вечеру он подъехал к дому матери и увидел коня ее любовника у ворот. Гахерис спокойно спешил и пошел через зал, где слуги его матери спали на соломе у камина. Он постоял у дверей, которые вели в комнату матери. Щит, меч и кольчуга Ламорака лежали у дверей на стуле. Гахерис вытащил свой меч и открыл дверь.

Его мать лежала на широкой постели. Ее белое лицо было повернуто к нему, волосы рассыпались по обнаженным плечам. В два прыжка Гахерис оказался возле кровати и вонзил свой меч ей в горло, издав нервный вопль, который заставил Ламорака вскочить на ноги. Кровь брызнула фонтаном и обагрила простыни, Ламорака и самого Гахериса. Тяжело дышавший и рыдающий Гахерис увидел Ламорака рядом с корчащимся в судорогах телом.

«Ты дьявол и подлец, ты убил свою мать!» — закричал уэльский рыцарь. Но Гахерис в гневе вряд ли расслышал его слова.

«**Н**е суйся не в свое дело! — закричал он. — Твой отец убил нашего отца, и для нас слишком большой позор, что ты делишь постель с нашей матерью. Это предел распутства. Поскольку ты безоружен, я не буду сейчас драться с тобой. Но берегись, Ламорак! Когда ты уйдешь отсюда, я и мои братья найдем тебя». Затем Гахерис выскочил из комнаты, ни на кого не глядя и растолкав слуг, толпившихся у дверей.

Новость о смерти Моргаузы потрясла двор, но не так сильно, как это было бы в другое, менее кровавое время. Гахериса на время отправили в изгнание. Ламорак не появлялся: по-видимому, он уехал в свои владения в Уэльсе. Но он был погибшим человеком, как сказал Верховному королю Ланселот, тщетно споривший с Гавейном. Через несколько месяцев братья, за исключением Гарета, который не захотел присоединиться к ним, нашли любовника своей матери, когда он ехал по безлюдной дороге. Говорили, что Агравейн, Гавейн, Гахерис и Мордред вместе вызвали его на бой и что он храбро принял их вызов. Они убили под ним его коня, и он дрался с ними пеший. Ламорак был так силен, что выдерживал их натиск в течение трех часов. Но в конце концов он

упал, потому что Мордред ударил его ножом в спину.

Итак, наследственная вражда между семьями Пелинора и Лота, казалось, закончилась. Она закончилась тем, что четверо убили одного, нанеся ему трусливый удар ножом в спину. Насколько стала известна роль Мордреда в этом деле, трудно сказать. Мордред пользовался репутацией храброго, но неопытного бойца. Он был рыцарем всего два года. Рыцари Круглого стола охотно приняли его не столько ради него самого, сколько из любви к Гавейну, этому отважному льву. И действительно, преданность Гавейну однажды спасла Мордреда от Ланселота. Ланселот тогда мог бы сразиться с ним и таким образом изменить судьбу Артура.

Однажды майским утром, несколько лет спустя после того, как Мордред получил рыцарские стремена, случилось так, что Ланселот в одиночку уехал из Камелота на поиски приключений, достойных рыцаря. В глухих лесах Уэльса пути их пересеклись. Обрадовавшись встрече в таких диких местах, они дальше поехали вместе, и в их совместных приключениях, которые не имеют отношения к данной истории, Мордред отличался храбростью и ловкостью в бою. Ланселот похвалил его, заставив молодого человека покраснеть от удовольствия, что было ему несвойственно. Мордред редко обнаруживал свои чувства, что и сделало последующие события тем более удивительными.

В лесу у ручья возвышалась каменная пирамида — возможно, могила какого-то древнего, давно забытого принца. Казалось, могилу кто-то охранял. Рядом с могилой стоял шалаш из ветвей плакучей ивы, похожей на те, какие строят лесные эльфы, а у входа на солнышке сидел человек и клевал носом. Он не был похож на эльфа. Он был старым и горбылым, косматые седые волосы спускались ему на плечи, а одежда его состояла из

Моргауза Лотианская и Оркнейская была женщиной с ненасытными желаниями и малой толикой благоразумия. В своем немолодом возрасте она взяла себе в любовники Ламорака Уэльского, сына человека, убившего ее мужа.

Гахерис, сын Моргаузы, однажды ночью застал ее с Ламораком. Пылая гневом и стыдом

от того, что она так открыто предала память отца, рыцарь убил ее своим мечом.

рванных лохмотьев, достойных самого ревностного отшельника-аскета. Казалось, он спал. Однако, когда оба рыцаря спешили, чтобы напоить коней, он тут же проснулся и приветствовал их свистящим шепотом. Они вежливо назвали ему свои имена, и он улыбнулся, но при этом морщины на его лице сложились в гротескную гримасу.

«Добро пожаловать, — сказал он. — Я приветствую двух самых несчастных рыцарей на свете». Он поманил их, и рыцари, оставив своих коней у ручья, направились к нему. Как только они подошли ближе, надтреснутый голос начал опять быстро и монотонно бормотать: «Мордред, ты причинишь большое зло. Из-за тебя Круглый стол погибнет. Ты убьешь своего собственного отца. Из-за тебя перестанет существовать твое великое наследие».

«Старик, это бессмысленная болтовня, — ответил Мордред. — Я не могу убить своего отца, потому что он умер».

Но старец продолжал бормотать: «Король Лот не был твоим отцом. Твой отец Артур,

*Ламорак погиб, сражаясь с четырьмя
сыновьями Моргаузы. Смертельный удар
ножом в спину ему нанес Мордред.*

Верховный король. В ночь, когда Моргауза зачала тебя от него, ему снилось, что из него выползает змея. Он убил ее. Во сне он умер от ее укуса. Та змея — это ты, Мордред, безжалостный дьявол. Твой отец убьет тебя за это. Его копье пронзит твой живот, и в дыру будет виден дневной свет. После этого Артура уже больше никто не увидит на этом свете».

Мордред уставился на старика.

«А ты убьешь меня», — произнес старческий голос. Так и случилось. Мордред вытащил свой меч и одним жестоким ударом заставил старика замолчать. Мордред вытер свой клинок о его лохмотья, потом вложил меч в ножны и сказал: «Среди лжи ты сказал и правду. Старик, я убил тебя». Он посмотрел на Ланселота и встретил его угрюмый взгляд.

«Стыдно, Мордред, убивать безоружного старика, — сказал Ланселот. Его рука сжала рукоятку меча. — Если бы Гавейн не был твоим братом, я бы убил тебя на месте».

Но он не убил Мордреда и никому не рассказал об этом случае. Даже позже, когда Мордред стал его смертельным врагом, Ланселот молчал об этом.

После этого случая Мордред уже не отправлялся на поиски приключений. Он проводил время при дворе, прячась по углам, скрываясь в конюшнях и наблюдая за Ланселотом, который слышал предсказание старика. Мордред боялся разоблачения и стремился убрать французского рыцаря со своего пути. У него было оружие против Ланселота. Преданность Ланселота королеве носила такой длительный характер, что на нее мало кто обращал внимания, но Мордред все замечал: чью-то мужскую фигуру в комнате королевы, слишком долгий взгляд, которым обменивались эти двое, легкое прикосновение. Его наблюдения поведали ему правду: Ланселот и Гинебра все еще были любовниками. И Мордред заговорил. Он говорил с младшими рыцарями, такими же, как он сам, слишком юными, чтобы помнить славные дела молодого Артура. Этих рыцарей раздражали старые придворные порядки. Мордред говорил и со своими братьями, снова и снова нашептывая им о бесчестье, которое Ланселот наносит Верховному королю, делая его рогоносцем. Он также говорил о королеве, причем подбирал самые грязные выражения. Особа королевы была священна. Народ полагал, что она, как и Верховный король, была залогом благосостояния и процветания Британии. Ее измена королю была государственной изменой, угрожавшей опасностью королевству.

Отношение братьев к этому вопросу было весьма характерным для каждого из них. Гавейн велел Мордреду попридержать свой язык и потом некоторое время держался подальше от него, чтобы не видеть его многозначительных взглядов и не слышать его историй, свидетелем которых он был, когда прятался по углам или подслушивал под окном. Гарет не обращал на Мордреда внимания. Но вспыльчивый Гахерис и злобный по природе и завистливый Агравейн слушали его. И тоже болтали.

Чтак, поганные и злобные слухи поползли по коридорам и комнатам Камелота, заражая все и вся вокруг. Вспыхивали ссоры, потому что двоюродные братья Ланселота яростно защищали его. Кроме того, многие любили королеву и были готовы сражаться во имя ее чести. Гинебра же, когда слухи достигли ее ушей, решила на время расстаться со своим любовником. Но видеть Ланселота всегда на расстоянии, никогда не обнимать его тайно по ночам, никогда не разговаривать с ним наедине — это могло принести королеве одни страдания. И она отослала Ланселота прочь от королевского двора.

После этого Гинебра, женщина храбрая и отважная, собрала сплетников у себя и устроила им праздник. Там были сыновья Лотиана и Оркнея и девятнадцать других рыцарей. Некоторые из них были мрачны и молчаливы, некоторые сердиты, некоторые почти бесились от злобы. Гинебра приветствовала их и каждому из них протянула по очереди руку. И по очереди каждый становился на колени и целовал ей руку, как того требовал этикет. Когда полагающиеся ей почести были возданы, Гинебра подала знак. Заиграла музыка, около длинного обеденного стола засуетились пажы, приносявшие серебряные блюда с едой, наполненные вином кувшины из слоновой кости и тарелки с яблоками в качестве особой любезности для Гавейна. Старший сын Лота славился своим пристрастием к яблокам.

От незнакомого старика Мордред узнал, что он не родной сын Лота. Отцом Мордреда был Верховный король, и Мордред был той змеей, которой суждено было отнять жизнь у его отца. Мордред убил старика. Ланселот видел, как он сделал это.

Казалось, что любезность королевы положила конец всем сплетням. Однако в середине обеда рыцарь по имени Патрис Ирландский зашатался и стоял, качаясь и не произнося ни слова. В горле у него что-то булькало, в то время как его лицо вздулось и почернело, а глаза выкатились из орбит. Затем он грохнулся на стол, ударившись о блюда с едой и кувшины с вином. Его рука сначала сжалась в предсмертной агонии, потом разжалась, и из нее на скатерть выкатилось наполовину съеденное яблоко.

Раздался взрыв безумного хохота. «Отличную еду подаешь ты своим гостям, леди», — сказал Мордред. Гавейн заставил его замолчать, но лицо его было печальным и усталым. От имени всех присутствующих Гавейн заявил королеве, чтобы она побереглась. Она дала отравленные яблоки тем людям, которые сомневались в ней, и человек умер от этого. Месть настигнет ее. Так сказал Гавейн. Затем все присутствовавшие во главе с ним вышли из комнаты.

Месть действительно не заставила себя ждать. Двоюродный брат Патриса Мадор де ла Порт обвинил королеву перед Артуром и потребовал, чтобы ее вина была установлена обычным путем: он сразится с любым, кто захочет защищать честь королевы. Артур выслушал его. Сам он не мог вступить в поединок ради королевы, потому что он был Верховным королем и потому что королева была его женой. Он знал, что она невинна. Гиневра не была убийцей. Но поскольку Артур был справедливым человеком, он дал согласие на поединок и призвал рыцарей выступить на защиту королевы.

Ни один из них не вызвался. Ланселот уехал, и его нигде не могли найти. Казалось, что ни один человек не был уверен в невинности королевы, чтобы рискнуть своей жизнью и выступить против Мадора. Возможно, именно тогда, когда его жена, которую он уважал, была обесчещена, Артур почувствовал, что его затягивают сети судьбы. Он послал за Борсом, кузеном Ланселота, и сам просил Борса выступить на стороне королевы. Борс ответил, что он не сможет, потому что он присутствовал на этом обеде, и его друзья могут заподозрить его в соучастии.

В конце концов, сама королева, вынужденная умолять о помощи, на коленях просила Борса стать ее защитником. Ее рыцарь Ланселот уехал, и она не знает куда. Она сказала, что, если у Борса есть хоть какие-нибудь сомнения в ее виновности, он должен встать на ее защиту.

Борс поднял ее с колен в ужасе от ее унижения. «Мадам, — сказал он, — вы позорите меня». Но все же он уступил. Он согласился быть ее защитником, пока не появится более достойный претендент.

И когда его товарищи начали протестовать и называть королеву убийцей, Борс твердо отвечал, что убийство было совершено, но не королева совершила его. «Насколько мне известно, — говорил Борс, — она всегда помогала рыцарям. Она была великодушной и щедрой по отношению ко всем добрым рыцарям, и ее щедрость и великодушные превышали все, что я когда-либо видел и слышал, и я докажу это своей кровью».

В назначенный день придворные собрались на турнирном поле в Винчестере. Мадор де ла Порт со щитом на плече и копьем в руке подъехал к королю Артуру и закричал: «Прикажи своему защитнику начинать, если он посмеет!» Борс медленно выехал на край поля.

Яблоки, которыми королева угощала на празднике своих гостей, были отравлены, из-за этого погиб невинный рыцарь. Сыновья Лотианские и Оркнейские заявили, что королева Гинебра была отравительницей.

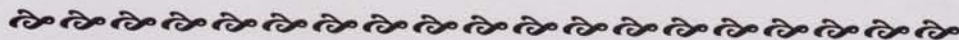
Прежде чем герольды протрубили о начале поединка, на поле выехал еще один рыцарь. Он был закован в белые латы, его забрало было опущено, поэтому никто не мог прочитывать его девиз или увидеть его лицо. Он направил своего коня к Борсу и церемонно произнес: «Прекрасный рыцарь, я прошу тебя не обижаться, ибо в поединок должен вступить рыцарь, который лучше тебя. Поэтому я прошу тебя удалиться. Сегодня я совершил долгий путь, и этот поединок должен быть моим. Для Верховного короля и для всех рыцарей Круглого стола большое бесчестие, что такую благородную и учтивую даму, как королева Гинебра, здесь позорят и подозревают в преступлении».

«Тогда я уйду», — бесстрастно ответил Борс. Он оставил поле боя двоюродному брату, за которым сам и посылал.

Противники повернулись лицом друг к другу и взяли копья наперевес. Когда они столкнулись, Мадор сломал свое копье, но оружие другого рыцаря выдержало этот удар. Мадор вместе с конем упал на землю. «О, хороший удар, — внезапно сказал Гавейн королю. — Это Ланселот, я узнаю его манеру».

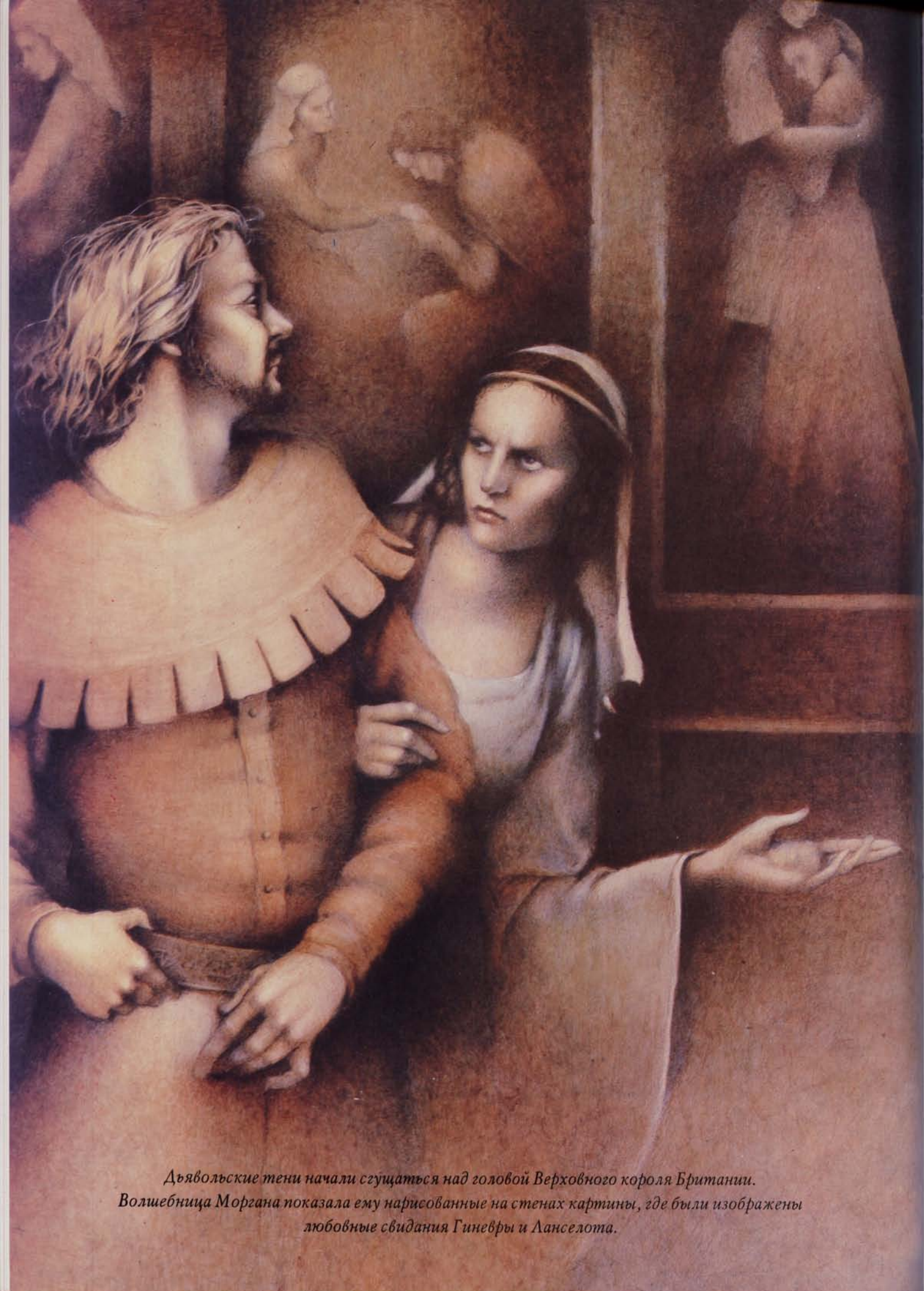
Искусный боец, Мадор быстро вылез из-под коня, освободился от спутанной сбруи и, вытащив меч, вскочил на ноги и закричал, чтобы его противник спешил и сразился с ним. Ланселот спешил, и оба противника закружились в тяжелом смертельном танце, размахивая мечами. Хроники писали, что они, «как два диких вепря, бросались друг на друга и сталкивались, и рубили с плеча, и пронзали мечами, и сокрушали друг друга». Они сражались около часа, пока Мадор не упал. Ланселот приблизился к нему, но Мадор снова был на ногах и нанес ему жестокий удар в бедро. И когда Ланселот почувствовал, что потекла кровь, им овладела ярость. Он нанес Мадору такой жестокий удар, что тот упал бездыханным. Через мгновение рука Ланселота уже была на шлеме Мадора и сбросила его, чтобы нанести смертельный удар. Но Мадор запросил пощады и стал молить о помиловании. Он снял свое обвинение с королевы.

Невиновность королевы была доказана победой Ланселота, но она была подтверждена еще и тогда, когда истинный отравитель сознался. Это был последний всплеск кровной мести между сыновьями Пелинора и Лота. Рыцарь по имени сэр Пионель де Саваж, кузен Ламорака, отравил яблоки в надежде убить Гавейна в отместку за смерть

Гиневра на коленях молила рыцаря быть ее защитником в поединке. Борс, кузен Ланселота, был единственным, кто согласился защитить ее.

Дьявольские тени начали сгущаться над головой Верховного короля Британии. Волшебница Моргана показала ему нарисованные на стенах картины, где были изображены любовные свидания Гиневры и Ланселота.

Ламорака. Когда Гавейн узнал об этом, он вздохнул, но сказал своим братьям: «Теперь вы знаете, что наша госпожа королева невиновна. Поэтому прекратите шептаться и сплетничать».

Но Агравейн — хроники называли его сэр Агравейн-Сплетник — огрызнулся: «Да, она невиновна в убийстве. Но Ланселот проводит у нее ночи, и позор нам, что мы допускаем, чтобы королю наносили такое оскорбление. Мы должны рассказать ему об этом дьяволе, который изо дня в день обманывает его».

«Ты наслушался Мордред, глупец, — сказал Гавейн. — Я тебе говорю, прекрати свою болтовню. Я тебе не верю и не буду вступать в твои заговоры, хоть ты и мой брат».

«Также и я», — сказал Гахерис.

«Также и я, — сказал Гарет. — Не буду я дурно говорить о человеке, который посвятил меня в рыцари».

«А я буду», — тихо сказал Мордред.

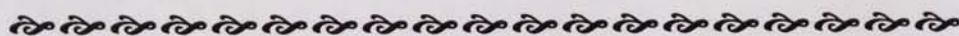
Тавейн повернулся к нему: «Эй, Мордред, я так и думал, что ты будешь. Вечно тебя тянет к чему-нибудь скверному. Ты забываешь — и ты тоже, Агравейн, — сколько раз Ланселот защищал и короля, и королеву, и сколько раз он поддерживал тебя в бою, когда ты был недостаточно опытен. Что до меня, то я никогда не пойду против сэра Ланселота, потому что он спас мне жизнь. И я говорю тебе, ты погубишь все королевство, если будешь продолжать болтать».

«Пусть будет, что будет», — ответил Агравейн, пожимая плечами. — Я все расскажу королю». А Мордред самодовольно ухмыльнулся, соглашаясь с ним. Гавейн окинул его долгим и пристальным взглядом. Затем вместе с Гаретом и Гахерисом, которые вышли вслед за ним, покинул двор замка.

Итак, Агравейн и Мордред попросили о личной встрече Верховного короля. Он принял их в комнате, расположенной в башне. В этой комнате почти ничего не было, кроме груды щитов и мечей, и пока они разговаривали, король смотрел из открытого окна на серебристую реку, которая огибала Камелот, на поля по берегам реки и на густой лес за ними.

Агравейн рассказал королю о вражде между семьями. Он сказал с сожалением: «Господин, я больше не могу таить это. Я и мой брат Мордред — сыновья твоей сестры, и мы не можем больше терпеть такой позор. Сэр Ланселот — любовник королевы, и уже давно. Мы все знаем, что он предатель, и мы раздобудем доказательства».

Верховный король ответил не сразу. Он продолжал смотреть на богатые мирные золотые поля, ожидающие жатвы. Несколько недель назад он слышал те же нотки сожаления в голосе своей сестры Фей Морганы. Однажды вечером, когда он ехал один, она возникла на его пути. Она попросила у него прощения, она отвела его в маленький домик, стоявший глубоко в лесу, и там она показала ему на стены, на которых были нарисованы Ланселот и Гинебра, то гуляющие в лесу, то лежащие на цветочной поляне у ручья, то входящие в комнату, где стояла большая постель. Король ничего не сказал. Он не сказал ничего о ночах, полных горьких дум, о жалости и любви, которые он испытывал к своей жене и к лучшему из своих воинов. Он понял, что старцы сделали свой последний шаг. Теперь чародейство,

которым они пользовались, уже было не нужно. Нить судьбы была затянута уже человеческими руками.

Артур сказал: «Ты говоришь о грязном предательстве, но ты говоришь бездоказательно».

«Мы добудем доказательства», — сказал Мордред.

Верховный король окинул его холодным взглядом и, наконец, сказал ему то, что сам он давно уже знал: «Ты мой родной сын, Мордред, и ты послан в этот мир уничтожить все, что я создал. Предупреждаю тебя, с Ланселотом нелегко будет справиться». Затем он вышел из комнаты.

Но этим дело не закончилось. По закону, если обнаруживалось предательство, назначалось расследование и, если предательство было доказано, следовало возмездие. Сам король, который являлся воплощением закона, не мог пренебречь этим правилом. Если бы он так поступил, то вера в его справедливость была бы утрачена.

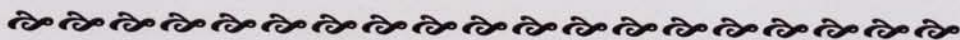
На утро следующего дня он с небольшим отрядом отправился охотиться в горы. Вечером того же дня Ланселот пробирался по темным переулкам Камелота к своей возлюбленной. Гинебра встретила его, как обычно. Она ввела его в свою залитую светом комнату и закрыла за ним дверь. Она взяла у него плащ и меч и положила их на скамью. Она разговаривала с ним о том, о сем, как обычно разговаривают старинные любовники, но она вся светилась от удовольствия, словно молодая новобрачная, и громко смеялась в восторге от его присутствия.

В то время как они разговаривали, в дверь постучали и раздались голоса, требующие смерти предателя Ланселота и лживой королевы Гинебры. Они были застигнуты врасплох и стояли не двигаясь. Затем Гинебра сказала: «Это конец нашей долгой любви».

Ланселот обернулся, ища свои латы. Их не было, потому что королева не оставляла доспехи в своей комнате. Стук в дверь на время прекратился, потом возобновился, но уже более тяжелый и ритмичный, словно снаружи использовали что-то в качестве тарана. Ланселот обнял королеву и быстро проговорил: «Ты всегда была моей доброй леди. И я никогда не подводил тебя, с того первого дня, когда Верховный король посвятил меня в рыцари. Если я погибну, молись за меня. Что бы ни случилось со мной, ищи убежища у моего родственника Борса. Он и другие мои родственники спасут тебя от смерти, и они постараются сделать так, чтобы ты жила, как королева, в моих владениях».

Она покачала головой, но улыбнулась ему своей прежней улыбкой, и Ланселот сказал: «Я бы отдал за мои латы весь христианский мир, чтобы этим людям было о чем вспомнить после моей смерти». Он поднял свой меч. «Не беспокойся, леди, — сказал он. — Если и пришел последний день нашей любви, то я продам свою душу так дорого, как только смогу». Он повернулся к двери и закричал: «Господа, прекратите шуметь. Я открою дверь, и тогда вы сможете делать со мной все что захотите».

Стук прекратился. Что-то прогремело по каменным ступеням лестницы за дверью, и голос Агравейна прокричал: «Тогда открывай! Тебе бесполезно драться с нами, нас здесь четырнадцать человек. Мы пощадим твою жизнь, пока ты не предстанешь перед Верховным королем!»

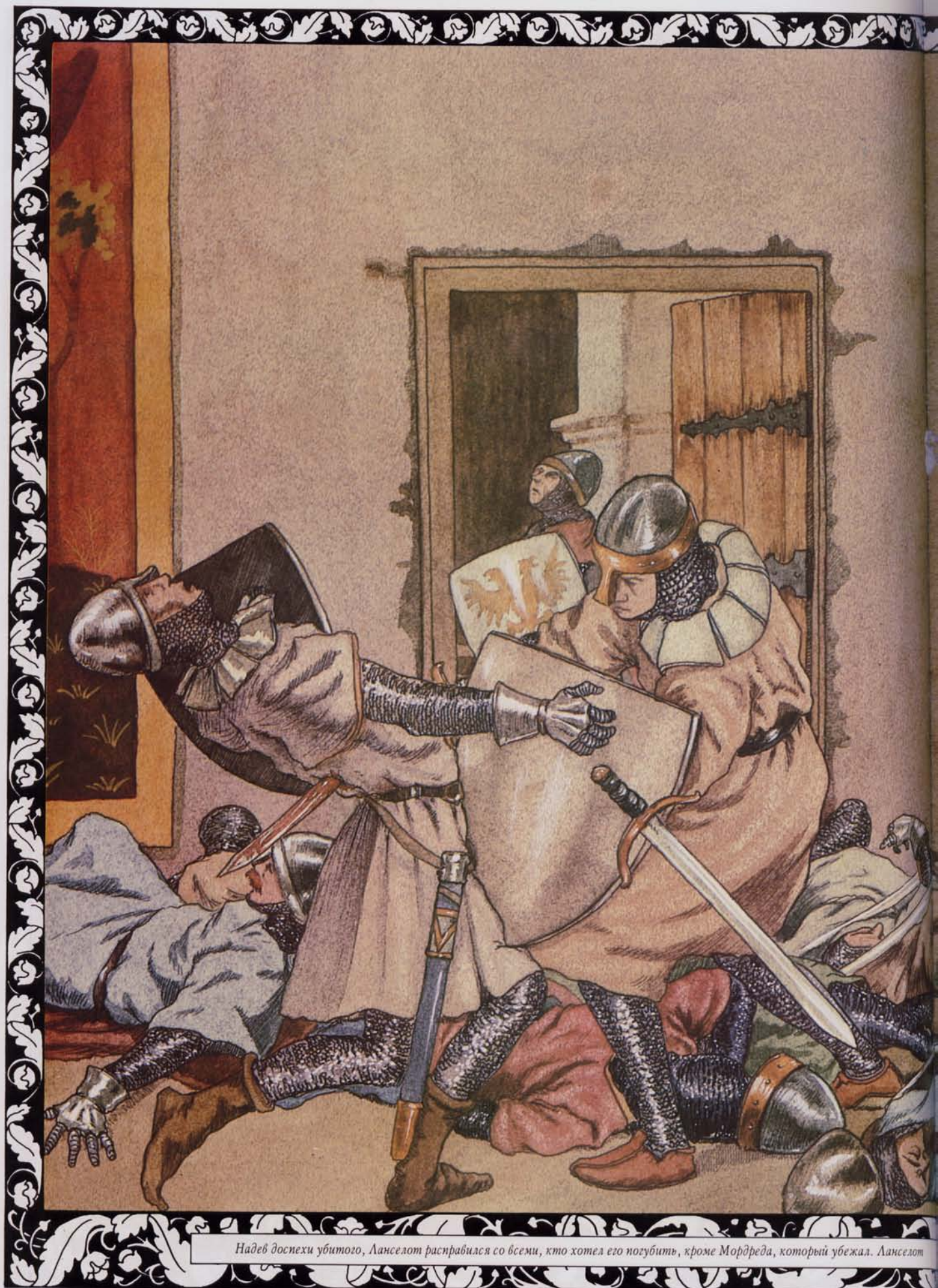
Ланселот и Гиневра встретились в последний раз. Но люди Мордредра стремились получить доказательства их предательства.

Громкий стук в дверь и крики в коридоре означали, что любовники попали в ловушку. Ланселот, оказавшись

без зат, действовал с военной хитростью. Он позволил одному человеку войти в комнату и убил его на месте.

Надев доспехи убитого, Ланселот расправился со всеми, кто хотел его погубить, кроме Мордреда, который убежал. Ланселот

покинул Камелот, но Гиневра осталась: честь требовала, чтобы она предстала перед мужем, чью любовь она предала.

Мордред заявил, что королеву-предательницу надо сжечь на костре. И он с удовлетворением смотрел, как ее приковывают к столбу.

В эту минуту Ланселот отодвинул засов и левой рукой приоткрыл дверь так, что в нее мог протиснуться только один человек. В щель просунулась рука. Он ухватился за нее и втащил человека в комнату, захлопнув за ним дверь. Это был рыцарь по имени Кольгреванс из Горры. Он бросился на Ланселота, но Ланселот слегка отступил в сторону и опустил свой клинок ему на голову, сбив при этом шлем. Кольгреванс упал замертво, сраженный сильным ударом. Тут же Ланселот обернулся к Гиневре, и она подошла к нему, не произнося ни слова. Вместе они сняли латы с тела Кольгреванса, и Гиневра помогла своему возлюбленному надеть их, как она сделала это в молодости, много лет назад.

Они проделали все это, пока враги скрежетали зубами и стучали в дверь, а когда Ланселот был готов, он крикнул: «Господа, прекратите этот шум! Агравейн, пойми, тебе не поймать меня сегодня. Если бы у тебя были мозги, ты бы отошел от двери и дал бы мне уйти. Клянусь своим рыцарским достоинством, если ты уйдешь, я завтра предстану перед тобой и Верховным королем. Тогда я узнаю, кто из вас обвиняет меня в предательстве, и я отвечу вам так, как полагается рыцарю. Я пришел к королеве не с дурными намерениями. И я докажу это на вашей шкуре своими собственными руками».

«Мы поймаем тебя и убьем, если захотим, — послышался ответ. — Чтоб ты знал, у нас есть разрешение короля убить тебя».

«Это ложь! — закричал Ланселот. — Если у вас не осталось ничего, кроме способности лгать, берегитесь!» Он отворил дверь и в мгновение ока оказался среди своих врагов. Его меч засвистел в воздухе. Первый смертельный удар сразил Агравейна-Сплетника. А потом Ланселот изрубил их всех: Мадора де ла Порта, Гинналина, Мельота де Логра, Птипейса из Уинчелси, Галерона из Галвея, Мельона из Маунтейна, Аскамора, Громерсона Эриора, Керсесмалина, Флоренса, Ловела. Все они были шотландцами, приятелями Мордреда. Только Мордред спасся. Он получил рану и убежал.

Стоя победителем среди трупов, Ланселот умолял королеву бежать с ним, но она отказалась. Она сказала, что не покинет Верховного короля. Потом добавила с улыбкой: «Если ты завтра услышишь, что меня приговорили к смерти, ты сможешь спасти меня таким образом, какой посчитаешь лучшим».

«Я буду спасать тебя, пока я жив», — сказал Ланселот. Он поцеловал ее и ушел, оставив королеву в комнате, залитой кровью.

Затем пришли стражники Артура и унесли тела прочь. Они сказали, что Верховный король приказал арестовать ее. Потом они заперли дверь. Она услышала, как зазвенели о камни их копья, когда они заняли свой пост у дверей.

Утром придворные Артура собрались в зале Верховного короля. Они обнаружили, что их теперь стало намного меньше. Борс уехал вместе с Ланселотом, так же, как и Лионель, Эктор де Марис и еще двадцать один рыцарь. Привратники сказали, что они все сели на коней и ждали, когда Ланселот покинет комнату королевы, так как они прослышали о бое в башне. Кто-то утверждал, что нет, они были предупреждены сном, который видел Борс. В любом случае, они последовали за Ланселотом, а не остались с Верховным королем. Круглый стол раскололся.

Мордред, весь перебинтованный, но в латах, еще более бледный, чем обычно, от потери крови, нетерпеливо отмахнулся. «Эта женщина должна умереть за свое предательство», — сказал он. Его голос был пронзительным, а глаза сверкали. — Она должна умереть на костре». Так было заведено, и все это знали. Особа королевы была настолько священна, что если бы ее лишили жизни за предательство, то даже в ее мертвом теле таилась бы опасность, поэтому ее следовало превратить в пепел и развеять по ветру.

«Фу, — сказал Гавейн. — Ты слишком кровожаден для человека, бежавшего с поля боя». Он обернулся к Верховному королю и продолжал, как обычно, медленно и серьезно: «Господин мой король, не торопись. Отложи суд над госпожой моей королевой. Она обязана Ланселоту, который защитил ее, когда никто другой не встал на ее защиту. Это правда, что он был в ее комнате, но, возможно, она послала за ним с добрым намерением, а не с дурной целью, просто, чтобы поблагодарить его. Я осмелюсь сказать, что твоя госпожа королева добра и верна тебе. А что до сэра Ланселота, я осмелюсь сказать, что он разделается с любым рыцарем, который обвинит его в предательстве и злодействе».

«Он так и сделает, — сказал король. — Он может положиться на свою несравненную силу и никого не бояться. Но королева умрет. И если я сумею схватить Ланселота, он тоже умрет, как повелевает закон».

«Никогда бы не видеть мне этого», — ответил старый рыцарь.

«Гавейн, что с тобой? У тебя нет никакой причины любить сэра Ланселота. Вчера он убил твоего брата Агравейна и чуть не убил твоего брата Мордреда. А двое других, которых он убил, были твоими сыновьями».

«Мой господин, — сказал Гавейн, — я знаю все это, и это печалит меня. Но я говорил моим братьям и сыновьям, чем это кончится, и, поскольку они не последовали моему совету, я не буду мстить за их смерть, которую они сами накликали на себя». Он скрестил руки на своей широкой груди и упрямо смотрел на Артура.

Словно волк, спустившийся с гор, Ланселот налетел на толпу, окружавшую приговоренную к смерти королеву. Двое безоружных людей погибли от его скорой руки, хотя он и не знал этого. Это были Гарет и Гахерис Лотианские и Оркнейские.

Так, Гиневру судил Верховный король и приговорил ее к смерти. Когда настал день казни, во дворе замка был сложен костер. В своем зале Артур обратился к Гавейну и попросил, чтобы братья Лотианские и Оркнейские проводили королеву к месту казни, где она услышит приговор и встретит смерть. Гавейн отказался, он сказал, что он не хочет иметь никакого отношения к смертному приговору. Он добавил с усмешкой, что Мордред слишком слаб, чтобы присутствовать при казни. Младшие его братья Гарет и Гахерис должны подчиниться, раз король приказал им, но им не хотелось бы видеть этот позор.

«Господин, — сказал Гарет, — мы подчинимся, если ты нам приказываешь, но против своей воли. Если мы пойдем туда, то пойдем без доспехов и без оружия».

«Тогда идите. Будьте готовы, потому что казнь скоро начнется», — сказал Верховный король. Гавейн, лицо которого казалось маской печали и боли, покинул зал.

Во дворе замка многие откровенно рыдали, но Гиневра не плакала. Она была бледна, но держалась прямо, когда шла между стражниками. По их приказу она спокойно стояла, пока ее фрейлины снимали с нее покрывало и расплетали ей волосы. Потом они сняли с нее плащ, верхнее и нижнее платье, и она осталась перед судьями в одной белой сорочке. Она не сопротивлялась, когда ее поставили на кучу хвороста. Она даже подняла руки, чтобы на нее надели цепи, которыми ее приковали к столбу.

И тогда послышались громкие звуки рога, которые разнеслись высоко над крышами домов. Во двор на огромных конях, с громкими боевыми криками ворвался отряд воинов, блестя клинками. Впереди всех был виден белый конь и красный с серебром щит, украшенный гербом Ланселота Озерного.

Бой закончился в одну минуту. Большинство присутствующих были безоружны, как Гарет и Гахерис, и могли оказать лишь слабое сопротивление. Ланселот ускакал, держа Гиневру в своих объятиях. Ее блестящие волосы развевались по ветру у нее за спиной. Воины оставили за собой мостовую, на которой лежали убитые и раненые. Среди них были Гарет и Гахерис, у обоих черепа были разрублены до подбородка.

Когда сэр Гавейн увидел своих братьев, он издал вопль скорби, но тут же подавил его. «Кто это сделал?» — закричал он. И паж рассказал ему, что Ланселот убил обоих молодых людей прямо на месте.

«Я не верю этому, — сказал Гавейн. — Ланселот никогда бы не убил безоружного человека».

«Господин, я сам видел это».

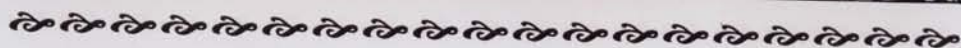
Тогда Гавейн повернулся к Верховному королю и сказал: «Господин, теперь готовься к войне. Ланселот убил моих братьев, которые всегда были на его стороне. Теперь он враг моей семьи. Я буду преследовать его и не остановлюсь, пока один из нас не убьет другого».

Так была объявлена война, которой суждено было разрушить королевство, созданное Артуром, и уничтожить самых лучших рыцарей на свете. Артур вместе с Гавейном повели огромное войско на север, к замку Веселой стражи, куда Ланселот отправился с Гиневрой и своими сторонниками. Осада замка длилась пятнадцать недель.

Ланселот стойко сопротивлялся. Хроники осады представляют собой собрание коротких печальных рассказов о перебранках между Гавейном, стоявшим внизу у подножия замка, и

Гиневера в объятиях Ланселота покинула замок Верховного короля и отправилась в замок Веселой Стражи, чтобы укрыться там.

Одетый в белые с золотом одежды Ланселот вернул свою возлюбленную Артуру. Гавейн наблюдал за этим и думал о мести.

ред Верховным королем на колени. Потом он поднял ее и стал говорить за них обоих. Ради ее безопасности он заявил о ее невинности, а потом заверил короля в своей преданности. Он говорил о битвах, в которых он сражался рядом с Артуром и его соратником Гавейном, о товариществе, которому он так долго служил. Его слушали в молчании, когда он вновь

Ланселотом, стоявшим на крепостном валу, о вылазках и яростных битвах под стенами замка. Ланселот отказывался встретиться в бою с Верховным королем, которому он когда-то служил. Говорили, что однажды Борс ударил Артура своим копьем. Пользуясь своим выгодным положением, он выхватил меч, чтобы ударить Артура по голове, и закричал Ланселоту: «Сэр, положить конец этой войне?» Но Ланселот запретил ему убивать Артура. Он спешил и проследил за тем, чтобы Артур снова сел на коня. Его учтивость вызвала слезы у Верховного короля. Но рядом с ним был Гавейн, жаждущий крови, непримиримый. Никакая учтивость не могла смягчить его гнев и утолить его жажду мести.

Неделя за неделей тянулась кровавая и тщетная осада. Хроники сообщают, что слух о беде в Британии перебрался через Ла-Манш и достиг ушей папы римского. Он и положил конец осаде: он послал своих епископов к Верховному королю и к Ланселоту, угрожая отлучением от церкви всему государству, если Гиневру не возвратят королю и если сражение не прекратится.

«По мне, так она может вернуться», — сказал Гавейн, когда услышал о решении папы, которое привезли с собой епископы. — Но убийца должен умереть. Если смогу, я убью его из-за моих молодых братьев».

Итак, весенним днем к замку Верховного короля в Карлайле двинулась процессия вместе с королевой. Ланселот вез Гиневру к королю со всеми почестями, какие ей полагались. В поезде королевы находились сто рыцарей, одетые в зеленое и с зелеными ветвями в руках, что было знаком мира. Ланселот на своем белом коне ехал рядом с ней, и оба они были одеты в белые с золотом одежды. Перед входом в зал Ланселот спешил и помог королеве сойти с лошади. Он провел ее сквозь ряды придворных к трону Артура, и они встали пе-

воскрешал воспоминания о людях, окружавших Артура в зените его славы, и просил о мире.

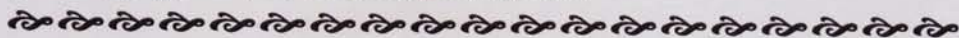
Но эти слова не произвели никакого впечатления на Гавейна, стоявшего перед Верховным королем. Он сказал Ланселоту: «Король может поступать так, как он пожелает. Но, сэр, учти, что пока мы живы, мы будем с тобой врагами, потому что ты предательски и безжалостно убил моих безоружных братьев, и я убью тебя за это».

«Хотел бы я, чтобы они были вооружены, тогда бы они были живы. Гавейн, я убил твоих братьев по незнанию. Я не узнал их в драке. Ты знаешь, что я любил сэра Гарета больше, чем родного. Ведь это я посвятил его в рыцари. Я буду оплакивать его смерть всю мою жизнь, но не из страха перед тобой, а потому, что он был доблестным и преданным. И вот что я сделаю, Гавейн, ради него и ради мира: я пройду босиком в одной рубашке от Сэндвича до Карлайла. Через каждые десять миль я буду делать пожертвования монастырю, где будут возносить молитвы за сэра Гарета и сэра Гахериса, чтобы исправить зло».

При этих словах гордого рыцаря по залу пробежал легкий шум. Но Гавейн сказал: «Я никогда не прощу смерть моих братьев, и если мой дядя, Верховный король, будет с тобой заодно, он лишится моих услуг». И он отвернулся. Ланселот ждал. Наконец, Верховный король отрицательно покачал головой, отказавшись от верности человека, который так долго служил ему.

Ланселот распрощался, соблюдая внешние приличия. Он поцеловал королеву и вложил ее руку в руку ее мужа. Он сказал ей громко, чтобы все слышали: «Мадам, теперь я должен навеки покинуть вас и это благородное общество. А раз так, то я прошу вас молиться за меня, а я буду молиться за вас. И, если когда-нибудь вас будут чернить грязные языки, пошлите за мной, моя добрая леди. Если рука рыцаря сможет защитить вас, это будет моя рука».

Гиневра ничего не ответила. Она неподвижно стояла у трона, глядя, как Ланселот широким шагом выходит из зала Верховного короля. Все его одетые в зеленое рыцари вышли вместе с ним, прочь от Артура, и направились во владения Ланселота во Францию. Мордред улыбнулся своими бледными губами.

ГАВЕЙН

В течение нескольких месяцев после изгнания Ланселота Верховный король собирал свои войска. По призыву своих сюзеренов из Кэрлеона, Камелота, Бедегрейна, Камелерда, из Лионесса и Тинтагиля прибывали вассалы Артура вместе со своими людьми. По сельским дорогам Британии ехали длинные вереницы всадников, возглавляемые маршалами, которые несли знамена сюзеренов. Караван состоял из рыцарей, впереди каждого из которых ехали оруженосцы с доспехами. За ними тянулись менее знатные всадники, отряды лучников, выючные мулы с запасами продовольствия. Все они сошлись в Кардиффе, на морском берегу Уэльса и раскинули свои яркие палатки рядом с дворцом Верховного короля. Совсем близко на якорях стояла сотня кораблей. Среди отрядов разъезжал сам Верховный король, и его знамя с золотыми коронами полоскалось на резком ветру, дувшем с моря. Но Артур ехал медленно, одинокий среди толпы, его лицо было отрешенным, глаза полуприкрыты. Приказы отдавали два человека, ехавшие по обеим сторонам от него под знаменем с двуглавым орлом Лотиана и Оркнея. Ими были Гавейн, нетерпеливый, полыхавший едва сдерживаемой яростью, и Мордред, бледный, вечно улыбающийся и отпускающий грубые шутки, которые нравились солдатам.

Наконец армада с войском Верховного короля поплыла по Бристольскому заливу, огибая зеленые мысы Лионесса, через море во Францию. Мордред остался в Британии, исполняя обязанности регента во время отсутствия отца. А во Франции воины понесли по полям и лесам, сжигая посевы и деревья на своем пути, пока не достигли высоких стен крепости города Бенвика — твердыни, где скрывался Ланселот. На равнине перед замком, в пределах видимости неприятеля, они разбили свой лагерь. Они начали копать землю и сооружать лестницы и платформы — осадные машины, которые использовались для того, чтобы влезать на стены.

Но со стороны Бенвика не последовало никаких ответных действий. По крепостным стенам расхаживали часовые и не отвечали на насмешки, доносившиеся из лагеря Артура. Железные ворота города оставались запертыми на засов.

Однако спустя несколько дней ворота со скрипом открылись. По дороге, спускавшейся от замка на равнину, выехала молодая женщина в сопровождении карлика, который нес белый флаг перемирия. Рыцарь по имени Лукан-Дворецкий взял поводья лошади и повел ее через многолюдный лагерь, мимо палаток и привязанных лошадей,

Под командованием Гавейна войско Верховного короля отправилось во Францию на войну с Ланселотом.

мимо бездельничающих солдат, игравших в бабки прямо на земле, к палатке, увенчанной знаменем Верховного короля. Артур сидел у входа в палатку, Гавейн стоял рядом с ним вместе с братом Лукана Бедивером, старым воином и верным товарищем Верховного короля, хотя несколько месяцев назад он и оплакивал отъезд Ланселота.

Девушка передала мирные условия, предложенные Ланселотом: он останется в своих французских владениях, король Артур должен прекратить осаду и вернуться в свою страну.

«Это честное предложение, — сказал Бедивер. — У меня нет столько мужества, сколько у Ланселота, чтобы умереть».

Верховный король кивнул. Но Гавейн посмотрел на посланницу пустыми и тусклыми глазами помешанного. По его седеющим усам потекла слюна, руки с набухшими венами задрожали. Он обратился к королю: «Как ты поступишь, мой господин, мой дядя? — спросил он. — Повернешь назад, и пусть весь свет кричит о подлости и позоре, после того как ты проделал такой длинный путь?»

«Да, — медленно произнес Артур, — я проделал долгий путь». Он помолчал, погрузившись в печальные размышления. Потом он сказал: «Я сделаю так, как ты советуешь, Гавейн, поскольку этого требует честь. Но я сделаю это против своего желания, ты можешь об этом заявить».

И тогда сын Лота грубо и раздраженно сказал посланнице: «Леди, скажи сэру Ланселоту, что он попусту тратит слова, обращаясь теперь к Верховному королю, моему дяде. И скажи ему, что я, сэр Гавейн, обещаю отомстить ему за смерть моих братьев. И я не уеду отсюда, пока один из нас не убьет другого».

Рыцари, стоявшие вокруг Верховного короля, заворчали, посланница покинула лагерь. А ночью войско Артура готовилось к сражению, подтягивая лестницы к стенам

Бенвика и выстраиваясь в сомкнутые ряды. Когда все было готово, Гавейн дал знать маршалам, чтобы они держали войско в готовности, и один поскакал к воротам замка. Его фигура в боевых доспехах казалась огромной и угрожающей. Он выкрикнул имя Ланселота. Над его головой солдат посторонился, чтобы Ланселот смог увидеть своего старого товарища. Рядом с Ланселотом стояли его родичи.

«Где же ты, лживый предатель, что ты прячешься в дырах в стене, словно трус? Иди сюда, и я отплачу тебе за смерть моих братьев!» Так сэр Гавейн прокричал свой вызов. Родичи французского рыцаря над его головой стояли в мрачном ожидании. По закону рыцарской чести у Ланселота не было другого выбора, как только принять вызов. Отказаться от поединка после обвинений Гавейна означало признать себя виновным и лишиться чести. Ланселот это понимал. Он сказал своим товарищам, что сожалеет о словах Гавейна. Он сказал им, что теперь он вынужден сражаться с другом своей юности.

Он возвысил голос, чтобы его враги могли слышать его. «Господин мой Артур, благородный король, посвятивший меня в рыцари! — закричал он. — Мне жаль, что ты вступаешь в борьбу со мной. Я слишком долго терпел, у меня нет больше сил терпеть. Сэр Гавейн назвал меня трусом и предателем. Против своего желания я должен сражаться с твоим родственником. Но я, как загнанный зверь, вынужден пойти на это».

«Кончай свою болтовню! — зарычал Гавейн. — Выходи, и давай отведем душу!»

Последовала пауза, во время которой Гавейн отъехал от ворот на поляну вниз. Солдаты расчистили поле для сражения, в разные стороны поскакали герольды, чтобы огласить условия поединка: ни один воин не должен приближаться к сражающимся для нападения или защиты, войска не должны вступить в бой, пока либо Гавейн, либо Ланселот не умрет или не попросит пощады.

Затем защитники Бенвика вышли за пределы крепости. Это было могучее войско. Ланселот и в самом деле проявлял долготерпение. Его войско было таким же сильным, как войско Артура. Они заняли позицию на одной стороне поля, которое расчистили солдаты Артура, и сидели на своих конях неподвижно, как статуи, напротив выстроившихся в ряд рыцарей Артура. Их разделяло огромное пустое пространство. Гавейн занял свое место на одном конце поля. Ланселот Озерный, верхом на белом боевом коне в серебряной сбруе, рысью поскакал на другой конец поля. В наступившей тишине герольды возвестили о начале поединка, и оба воина взяли свои копья наперевес.

Когда они сшиблись, копья ударили в щиты и раскололись, не нанеся рыцарям вреда. Однако удар был настолько сильным, что кони упали на землю. С фырканием и ржанием они освободились от своих седоков и ускакали с поля. Оба рыцаря тотчас вскочили на ноги и выхватили свои мечи, держа щиты на плече.

Гавейн сражался яростно, но у него в запасе было еще кое-что. Ему была присуща одна особенность — это был дар какого-то из старых богов. Его силы возрастали в первой половине дня и убывали во второй. Его натиск был таким сильным, его выпады такими стремительными, его удары такими жестокими, что к нему нельзя было подступиться. Ланселот, искусный воин, вел оборонительный бой. Хроники писали, что он «отступал и отражал удары», прикрываясь щитом и сберегая силы. Он заставлял Га-

вейна тратить силы на каждый удар. Но вскоре после полудня, когда солнце начало медленно клониться к горизонту, сила Гавейна стала иссякать. Он дрогнул, и Ланселот перешел в наступление.

«Ну, сэр! — закричал Ланселот, и его крик показался грубым шепотом из-за решетки забрала. — Я долго терпел, и я тебе отомщу». Он взмахнул мечом. Клинок отскочил от щита Гавейна. Ланселот снова взмахнул мечом и опустил его на шлем Гавейна. Гавейн упал. Он лежал, кашляя кровью, и был легкой добычей для своего противника. Ланселот опустил свой меч и отошел к краю поля.

«Почему ты уходишь? — закричал Гавейн. — Вернись и убей меня. Если я сумею оправиться, ты погибнешь от моей руки!»

«Я буду драться с тобой, Гавейн, — ответил Ланселот. — Но я не ударю тебя, когда ты лежишь в пыли». И он, прихрамывая, направился к своему войску, где стояли оруженосцы, державшие его коня. На поле выбежали солдаты и отнесли Гавейна в палатку Верховного короля.

Целых три недели соблюдалось шаткое перемирие — целых три долгие недели, в течение которых как в крепости, так и в лагере, рыцари и солдаты бездельничали и ссорились между собой без особого усердия. Три недели врачи заживляли рану Гавейна. То, что Ланселот отступил и унизил этим свою доблесть, но в то же время проявил милосердие, не оказало никакого впечатления на реши-

Мстительная ярость Гавейна против убийцы его братьев нашла себе выход, когда он встретился со своим старым товарищем Ланселотом в поединке на поле у крепости Бенвик.

мость шотландского рыцаря. Как только он был в состоянии сесть на коня, он снова стоял перед воротами Бенвика и вызывал Ланселота на бой. Снова Ланселот встретился с ним. Снова оба великих палдина съехались на поле. Конец копья французского рыцаря застрял в латах Гавейна. Сила удара была такова, что Гавейн вместе с конем зависли на копье в воздухе, а потом упали на землю. Гавейн вскочил на ноги, изрыгая проклятия, и Ланселот спешился, чтобы сразиться с ним на мечах.

Снова они сражались все утро, кружась в медленном и жестоком танце. И снова, когда солнце достигло зенита и стало склоняться к закату, Гавейн пошатнулся, и Ланселот ударил его и сбил шлем набок. Старая рана открылась, Гавейн потерял сознание и тяжело рухнул на землю.

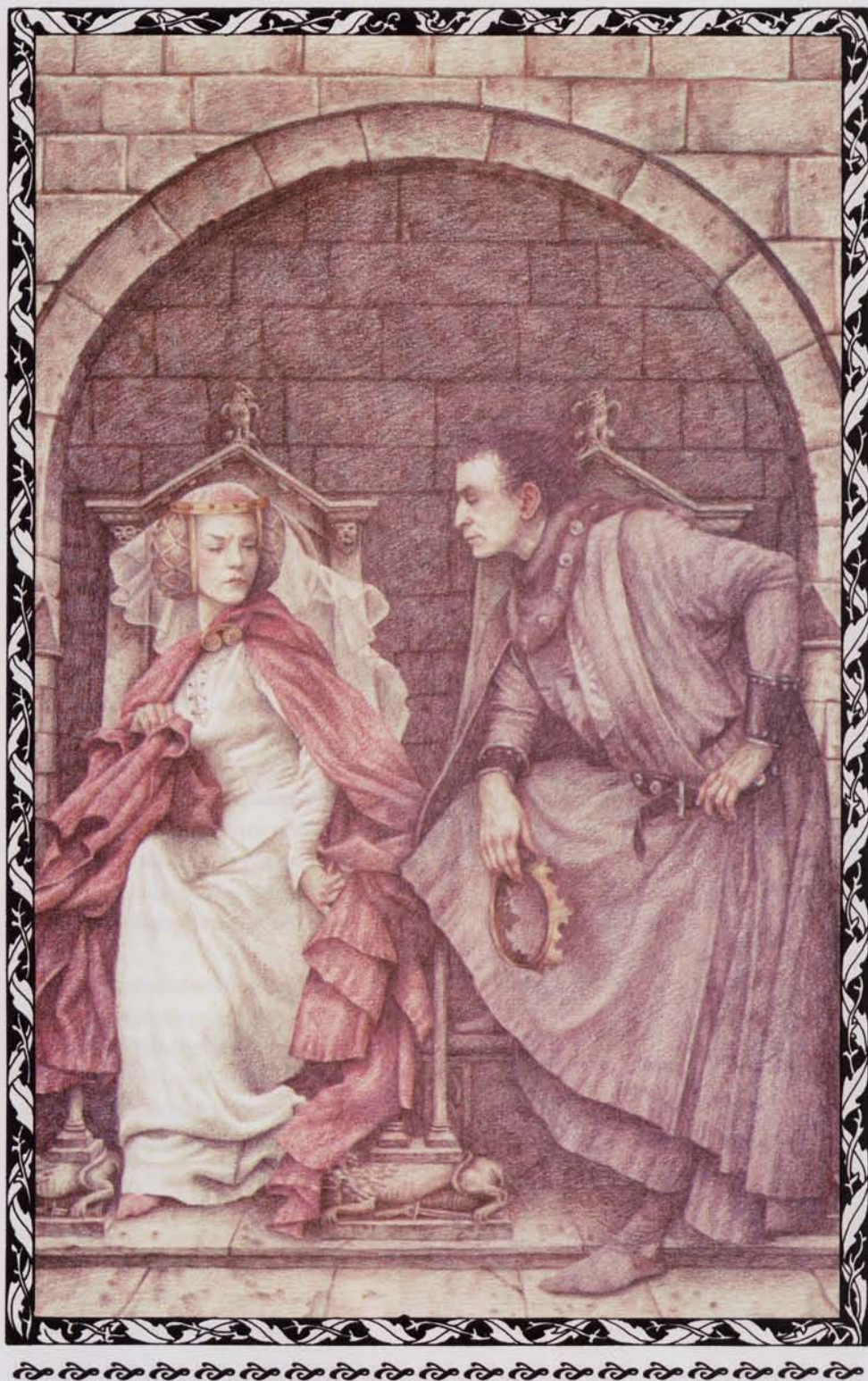
Ланселот ждал, тяжело дыша и опираясь на свой меч. Через несколько мгновений Гавейн зашевелился, его ноги и руки задергались. «Предатель, я еще жив. Иди же сюда, и закончим бой!» — закричал он.

Однако Ланселот не двинулся с места. Он смотрел на своего противника. Когда он заговорил, его голос был спокоен. «Я не сделаю более того, что я уже сделал, — сказал он. — Когда я увижу тебя на ногах, Гавейн, я буду драться с тобой до тех пор, пока ноги будут тебя держать». Он покинул поле боя, а слабый голос Гавейна выкрикивал проклятия ему в спину.

Итак, осада продолжалась.

Пока Артур со своими воинами сражался во Франции, его сын-предатель Мордред провозгласил себя
Верховным королем Британии и потребовал руки жены своего отца.

Ланселот засел в своей цитадели, и о нем ничего не было слышно. Как и в первый раз, Гавейн лежал в палатке Артура, залечивая раны. Когда он стал в состоянии сидеть, он начал говорить о новой схватке с Ланселотом. Но однажды в палатку пришел посланец, и его сообщение прервало все разговоры о поединке.

Посланец оказался маленьким, худым человечком, покрытым дорожной пылью и пропахшим лошадиным потом. Он приветствовал Артура и вручил ему сложенное письмо, запечатанное личной печатью Верховного короля. Потом он жадно выпил эль, который ему принесли, пока Артур читал письмо, а Гавейн дремал. Прочитав письмо, король сказал посланцу: «Это правда, что здесь написано? Что еще ты можешь рассказать?» Его голос был ровен и спокоен, но Гавейн насторожился.

«Государь, это правда. Мордред обратился к народу и к своим рыцарям и поклялся, что у него есть письмо, в котором говорится, будто ты умер и провозгласил его королем. Король, он коварный человек. Я поверил ему, хотя твоя супруга сказала, что он лжет и послала меня к тебе».

«А что же королева?»

«Государь, по последним сведениям она была в безопасности. Сэр Мордред заявил, что она должна выйти за него замуж, потому что она королева, и он не может править без нее. И он сказал солдатам, что она ему нужна. Она согласилась со всем, что он говорил, а потом убежала в Лондон и заперлась там в башне. Господин, она не сможет долго сопротивляться. Мордред и все его войско поскакали в Лондон, когда я уезжал. Это было семь дней назад».

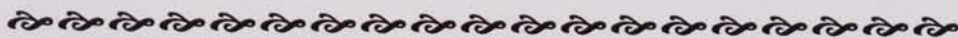
«Боже! — сказал Гавейн, лежавший на соломенном матрасе. — Желать жену своего отца! Мой брат — дьявол». Он заплакал, как ребенок, от слабости и боли и добавил: «И только мой гнев довел нас до этого». Однако его услышал лишь посланец, увидевший, как глаза Гавейна перестали быть безумными и стали печальными. Верховный король уже вышел из палатки, чтобы отдать приказания.

Лагерь снялся, осада Бенвика прекратилась, войско Верховного короля поспешило к морским берегам Франции. Теперь войском командовал сам Артур вместе с Бедивером и Луканом. В хвосте огромной колонны войск на носилках ехал Гавейн.

Как только корабли Артура приблизились к Дувру, стало ясно, что посланец не ошибался относительно силы Мордреда. На высоких белых утесах выстроились лучники. На берегу, под утесами, где развивалось знамя с двуглавым орлом, было темно от всадников, чьи доспехи блестели на солнце. Берег охраняли военные корабли. Мордред, шпионы которого проникли повсюду, получил известие о возвращении своего отца. Он старался помешать Артуру высадиться на родной берег.

Ему это не удалось. На мелководье, на отмелях разгорелся бой. Его вел Верховный король. В своем боевом запале Артур был страшен. Его воины дрались бок о бок с ним, тесня воинов Мордреда, пока те не смешали ряды и не побежали, карабкаясь на утесы и оставляя своих мертвых товарищей на красном от крови песке.

Потом воцарилась тишина, были слышны только стоны раненых, да раздавались крики птиц караваек, кружащих в небе. Корабли Артура стояли у берега. Он шагал между ними по морской пене, отыскивая мертвых, подбирая раненых. Он нашел Га-

G. KELLY

Когда умирающий от ран Гавейн лежал после боя на морском берегу Британии, он оплакивал беды, причиной которых был его гнев.

вейна, который, скорчившись, лежал на дне галеры, наполовину скрытый скамьями для гребцов. Шотландский рыцарь был один. Его лицо было пепельным, глаза закрыты, волосы и бакенбарды испачканы кровью, которая сочилась из его трижды пробитого черепа. Когда Верховный король назвал его по имени, он открыл глаза. Но он молчал, пока оруженосцы короля не перенесли его на берег и не опустили осторожно на траву. Он облизнул свои пересохшие губы, и Артур наклонился, чтобы выслушать его.

«Сегодня мой смертный день», — сказал Гавейн. Он помолчал, собираясь с силами, и Верховный король ответил: «Я всегда больше всех доверял тебе и сэру Ланселоту. Теперь я потерял вас обоих и нет у меня больше радости в жизни».

«**П**остой, дядя, — прошептал Гавейн. — Из-за меня и моей гордыни у тебя все эти беды и позор. Если бы Ланселот был с тобой — а он был бы с тобой, кабы не я, — эта злосчастная война вообще бы не началась. Я — причина всех этих бедствий». Он потребовал бумагу, перо и чернила. Их нашли в седельной сумке какого-то гонца.

Король Артур обнял старого рыцаря и стал поддерживать его, и Гавейн написал письмо, которое потрясенные его учтивостью летописцы сохранили. Это письмо написано рыцарским языком, слова которого проникают в сердце и эхом отзываются через века.

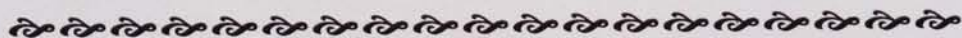
«Тебе, сэр Ланселот, цвету всех благородных рыцарей, о которых я когда-либо слышал, я, сэр Гавейн, сын короля Лота Оркнейского, сын сестры благородного короля Артура, шлю привет и сообщаю, что в десятый день мая я получил удар по старой ране, которую ты мне нанес у города Бенвика, и из-за этой раны я встречаю свой смертный день. И я хочу, чтобы все знали, что я, сэр Гавейн, рыцарь Круглого стола, сам искал смерти, которая пришла ко мне не по твоей вине, а потому, что я сам искал ее. Поэтому я прошу тебя, сэр Ланселот, снова вернуться в это королевство, прийти на мою могилу и прочитать над ней молитву, длинную или короткую, за мою душу. И в этот самый день, когда я пишу тебе это письмо, мне нанесли удар по ране, которую я получил от твоей руки, сэр Ланселот. Я бы не мог быть убит более благородным человеком».

Итак, сэр Ланселот, ради всей любви, которая когда-либо была между нами, не мешай, но со всей поспешностью плыви вместе со своими рыцарями к королю Артуру и спаси этого благородного короля, который посвятил тебя в рыцари, потому что его жестоко притесняет лживый предатель, который наполовину брат мне, сэр Мордред».

Гавейн продолжал писать о предательстве Мордреда. Потом он обмакнул перо в кровь из своей раны и продолжил: «Это письмо было написано за два с половиной часа до моей смерти моею собственной рукой и подписано кровью из моего сердца. Поэтому я прошу тебя, самый славный рыцарь на свете, придти на мою могилу».

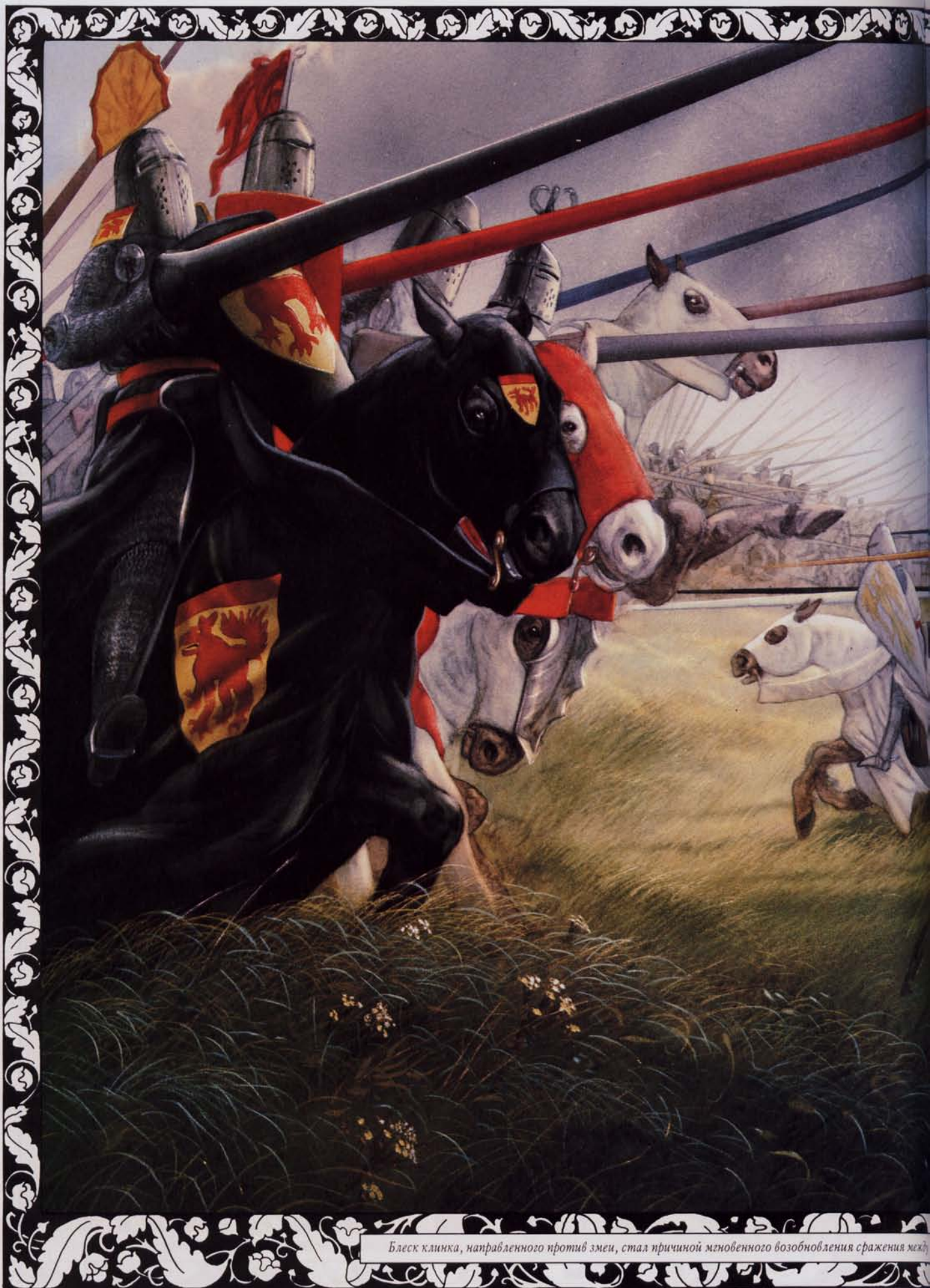
На этом месте Гавейн вздохнул, и перо выпало у него из рук. Он опустил свою голову на грудь Верховного короля. Артур подозвал гонца и отдал ему письмо. Он ждал. Время от времени Гавейн начинал говорить, тревожно шепча имя Ланселота, и Верховный король кивал ему головой. Чуть позже полудня Артур положил голову Гавейна на траву.

Храброе сердце перестало биться. Но дух его еще был жив. Войска Верховного короля оттеснили армию Мордреда на запад, на большую равнину неподалеку от морского берега. Там оба войска разбили свой лагерь. И теплой весенней ночью Артур шагал

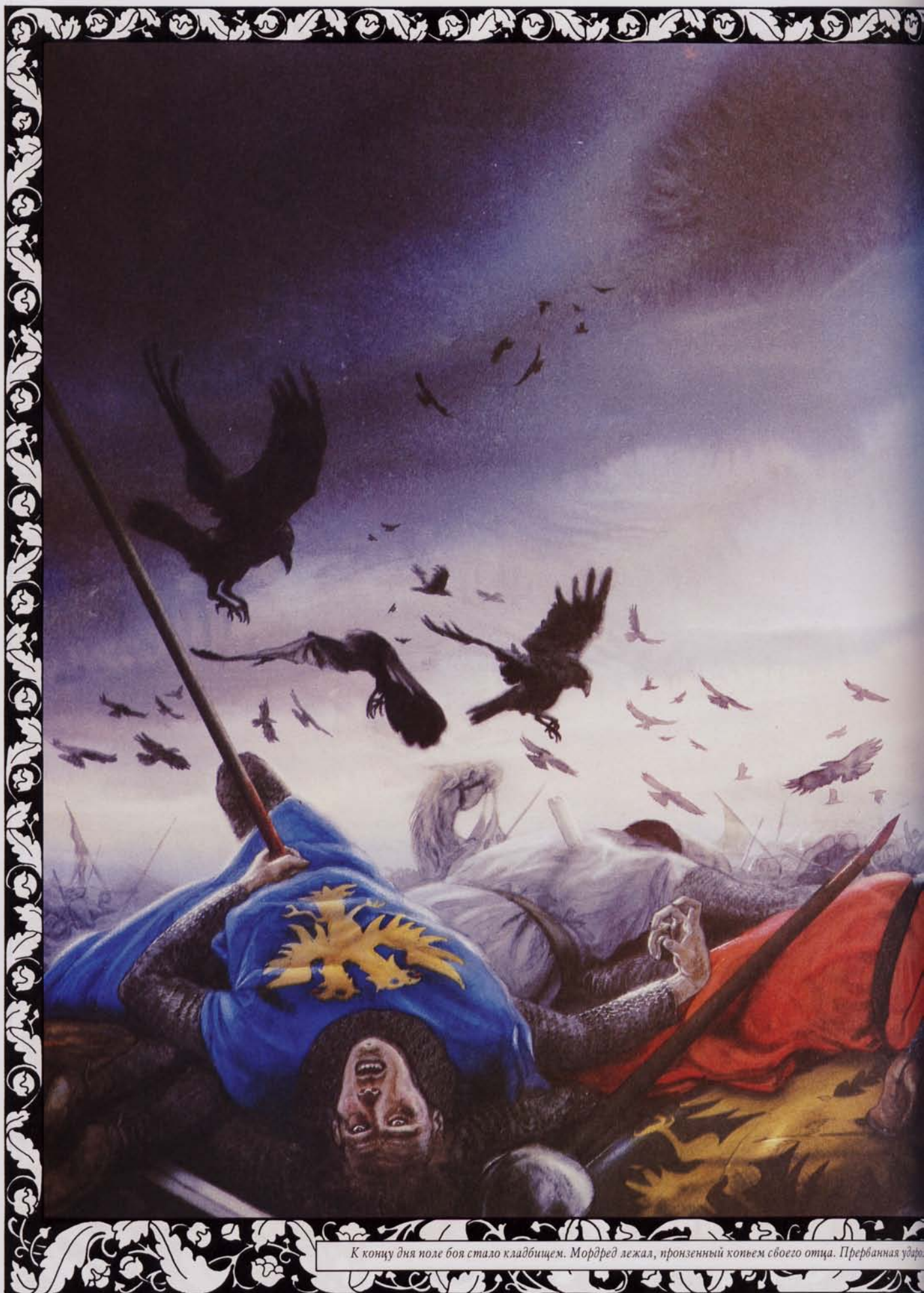
Во время переговоров Артура и Мордред на одного солдата напала змея. Он выхватил меч — и об этом мир пожалеет.

Блеск клинка, направленного против змеи, стал причиной мгновенного возобновления сражения между

ду
армиями Верховного короля и его сына. Сотни людей погибли ради Артура, и еще сотни ради Мордред.

К концу дня поле боя стало кладбищем. Мордред лежал, пронзенный копьем своего отца. Прерванная ударами.

меча его сына, жизнь Артура угасала. И только двое оставшихся в живых поддерживали Верховного короля.

по своему лагерю, в то время как сторожевые огни в лагере Мордреда светились в расступающейся тьме.

Наконец Артур заснул. Хроники рассказывают, что ему снились змеи — глубокая яма, кишущая змеями. Он упал в эту яму и закричал. Испуганные оруженосцы, спавшие на соломе в его палатке, разбудили его. Остаток ночи Верховный король провел без сна, пока стража не возвестила утро и кони на привязи не заволновались и стали бить копытами.

Артур сел, глядя прямо перед собой. В палатке стоял Гавейн, сутулый и состарившийся, и легкая улыбка морщила его лицо.

«Добро пожаловать, племянник! — закричал Верховный король. — Разве ты восстал из мертвых?»

Но Гавейн отрицательно покачал головой. «Господин, если завтра будет сражение, ты погибнешь. Я знаю это. Ты должен подождать Ланселота, который придет к тебе из Франции. Заключи мир с Мордредом. Отложи сражение и измени свою судьбу». Он исчез. На полу палатки спали только оруженосцы. Но Артур видел Гавейна и слышал его.

Чтак, приободренный Верховный король задумал изменить течение событий, причиной которых стал он сам, когда много лет назад прогневил старцев. При первых проблесках утра он созвал своих воинов и передал им слова призрака. Он отправил своих посланцев в лагерь Мордреда и ждал, глядя на равнину. Когда посланцы вернулись, их сообщение оказалось кратким: Мордред встретится со своим отцом в поле. Каждого из них будут сопровождать только четырнадцать человек. Войска отойдут подальше. Ни один меч не покинет ножен.

Затем, в полдень майского дня, когда отвесные лучи солнца падали на поле битвы, многочисленные войска построились в боевом порядке. По знаку герольда с каждой стороны выехали два отряда: один из них под знаменем с двуглавым орлом, другой под знаменем с золотыми коронами, и Верховный король Артур встретился со своим сыном.

Воины молча спешили, и оба посмотрели друг на друга. Было так тихо, что стук лат и позвякивание сбруи громко прозвучали на поле.

«Ну, отец, — сказал Мордред, ощерившись. Он был уверен в слабости Верховного короля и не пытался скрыть свое презрение. — Что ты хочешь предложить? Свою королеву? Ей нравятся молодые люди».

На виске Верховного короля забилась жилка, но он сдержался. «Было предсказано, что ты и я погибнем сегодня, Мордред, если не сумеем договориться», — вот все, что он сказал. Это было мудро. Под спокойным взглядом отца, при звуке его твердого голоса молодой человек вздрогнул. Артур говорил как человек, имеющий силу. Затем Мордред пожал плечами. «Ну и что?» — спросил он снова.

«Корнуэл и Кент в твоём владении, пока я жив. Вся Британия — когда я умру. В конце концов, ты мой родной сын».

Мордред повернулся к своим воинам, чтобы посоветоваться. Они шептались несколько минут, потом Мордред сказал: «Договорились». Он усмехнулся и протянул отцу руку.

В этот момент кто-то вскрикнул. Уголком глаза Артур увидел, как в траве блеснула

готовая укусить змея и как сверкнул выхваченный из ножен меч. Для воинов накануне сражения, чьи нервы напряжены от ожидания, этого было более чем достаточно. Мечи были вынуты из ножен, войска пришли в движение и над полем раздался протяжный громкий звук трубы.

Сражение было ужасным. Целый день, час за часом, оба войска атаковали друг друга, отступали и снова наступали. Полчища воинов скользили по крови среди тел и падали среди умирающих. Артур сражался без усталости с отчаянием человека, которого предали. Дневной свет погас, атаки стали более редкими и наконец прекратились совсем. Едва державшийся на ногах Верховный король взглянул на поле битвы, и слепая ярость, владевшая им во время сражения, стала покидать его.

Повсюду вокруг него лежали воины обеих армий. Смерть обезобразила их, лишив человеческого достоинства: головы их были разрублены, лица разбиты, руки раскинуты в стороны, пальцы скрючены. Между ними валялись лошади, у которых кишки вывалились на землю. Возле Верховного короля осталось всего трое живых. Двое были его рыцарями — Бедивер и его брат Лукан, весь день сражавшиеся бок о бок с ним. Они были ранены, но живы, и они позвали его по имени. На другом конце поля, среди груды корчащихся тел, устало опираясь на свой меч, стоял Мордред, сын Артура, дьявольское отродье. Его лицо было перекошено от усталости, но он улыбался Верховному королю с выражением злобного триумфа.

«Дай мне мое копье», — сказал Артур Лукану.

Но рыцарь отрицательно покачал головой. «Государь, мы выиграли это сражение. Давай уйдем отсюда, и пусть минует этот злополучный день. Не испытывай дальше судьбу, иначе погибнешь».

В ответ король схватил копье, которое лежало среди мертвых тел. Он поднял его и с яростным кри-

Далеко на западе, за морем, на острове стоял замок — цитадель старцев, тех, кто сплел нити судьбы Верховного короля.

Вместе с другими существами из Волшебной страны Фея Моргана явилась
за королем Артуром после его последней битвы, и она уплыла с ним в
зачарованный мир.

ком напал на своего сына. Мордред получил удар в живот и отшатнулся, но не упал и не выпустил меча из рук. Он устоял на своего отца, который стоял неподвижно, и стал шаг за шагом продвигаться вперед, пока не проткнул себя насквозь, так что древко вышло у него из спины, а животом он прижался к рукоятке копья. Не раздумывая, он взмахнул мечом и ударил сбоку по шлему Артура так, что клинок пробил броню и череп насквозь. Потом, все еще нанизанный на копье, он упал наземь. Верховный король тоже упал, выпустив копье из ослабевших рук.

Долгое время он лежал неподвижно, но он был еще жив. Он открыл глаза, когда сэр Бедивер склонился над ним, и спросил: «Что сэр Лукан?»

«Лукан умирает».

«Э» то моя смертельная рана, — сказал Верховный король. — Отнеси меня в такое место, где я могу услышать шум моря». Когда Бедивер поднял его, он потерял сознание, но продолжал тяжело дышать. Бедивер отнес короля на холм, который находился между маленьким озером с проточной водой и морским берегом, и положил его на траву под деревом. Там Артур отдыхал, лежа с закрытыми глазами, в то время как волны шептались на берегу и сгущалась темнота на небесах. Бедивер не спал, наблюдая за тем, как луна отражается в воде, и прислушиваясь к приглушенным стонам и шорохам, которые ночной ветер доносил с поля битвы.

Вскоре король спросил: «Что это за шум?»

«Это грабители, — ответил Бедивер. — Они грабят мертвых и убивают тех, кто еще жив. После битвы всегда так бывает». Верховный король кивнул. Потом, похоже, он спал всю ночь, пока Бедивер бодрствовал.

С первыми лучами солнца Артур проснулся. Он взглянул на утреннее море и, казалось, прислушивался к чему-то. Потом он сказал: «Пора. Возьми мой меч Калибурн и брось его в озеро. Он должен вернуться к тем, кто его выковал». Бедивер отстегнул меч и пошел с ним прочь. Когда он вернулся, Верховный король спросил его: «Скажи, что ты видел?»

«Ничего, кроме ветра и волн, господин».

«Бедивер, — сказал Артур, — отдай мой меч старцам».

«Этот меч сделал тебя победителем и королем. Почему я должен отдать его? Я спрята-
л его в надежном месте».

«Повинуйся мне в последний раз», — сказал Артур. Бедивер снова ушел и снова вернулся, не увидев ничего, кроме ветра и волн. Однако, когда Верховный король послал его в третий раз, он подчинился его приказу.

«Господин, — сказал он, и голос его прервался. — Я бросил меч в воду. Из озера высунулась рука и схватила его за рукоятку. Она три раза потрясла Калибурном, словно торжествуя победу, и потом исчезла».

И Верховный король сказал: «Это хорошо. Посмотри, даже сейчас они пришли за мной». Это было правдой. Бедивер задохнулся от страха и сделал знак против колдовства. По склону холма шли три высокие женщины. Их длинные платья волочились по траве, на головах сверкали золотые короны. Одна из них была похожа на смертную, у нее была внешность Феи Морганы. Две другие словно струились в солнечных лучах,

то появляясь, то исчезая из виду, и вокруг них мерцали другие фигуры, призрачные, как видения. Среди ветвей дерева затрепетали руки, державшие что-то, сверкавшее золотом, что могло быть Граалем. На берегу, покачиваясь, словно колеблемый морским ветром, стоял старик, одетый в черное. У него была белая борода и длинные руки чародея Мерлина. Он наклонил голову, слушая слова невесомого существа, парящего в воздухе рядом с ним.

Моргана опустилась на колени возле Верховного короля. «Брат, старцы ожидают тебя, — сказала она. — Предайся в их руки, потому что судьба, начавшаяся в юности, свершила свой путь».

Артур посмотрел на Бедивера. В его взгляде был приказ и прощание. Не имея сил отказаться, рыцарь поднял короля, принес его на берег моря и положил на палубу маленького парусного суденышка. Призрачные создания окружили короля, высокий голос запел песню, подхваченную ветром. Затем, пока Бедивер наблюдал за этим чудом, кораблик, словно повинувшись лучам утреннего солнца, повернул и направился на запад, к древнему морскому Волшебному королевству, где лежал остров, украшенный яблоневыми деревьями и увенчанный замком из стекла.

ББК 84(0)
П12

Перевод
Т. ЖДАНОВОЙ

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОР»

Падение Камелота

Редактор И. ШУРЫГИНА

Художественный редактор И. ЛОПАТИНА

Технический редактор Г. ШИТОЕВА

Корректоры Н. КУЗНЕЦОВА, И. САХАРУК,
Л. ЧУЛАНОВА

Верстка А. ДИАМЕНТА

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать
07.06.96 г. Уч.-изд. л. 16,87. Цена 74 000 р.
Клубная цена 33 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Падение Камелота. — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с.: ил. — (Зачарованный
П12 мир).

ISBN 5-300-00603-3

В книге повествуется о Верховном короле Артуре, доблестном Ланселоте и рыцарях Круглого стола, о драматических событиях, происходящих в замке Камелот. В их жизнь постоянно вмешивается волшебная сила, порой трагически изменяя их судьбы. Сбывается предсказание чародея Мерлина: король Артур погибает от руки собственного сына.

П 4703000000-378 Без объявл.
А30(03)-96

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00603-3

"Authorized Russian language edition © 1996,
Publishing Center "TERRA". Original edition
© 1986, Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner
Inc."

Перевод на русский язык. © 1996, Издательский
центр «ТЕРРА». Оригинальное издание © 1986,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или ил-
люстраций любым механическим или электронным
способом, включая информационные базы данных
и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time
Warner Inc.